

ISSN 0205-9592

Том 44, Номер 6

Ноябрь – Декабрь 2023

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

<https://ras.jes.su/psy>

СОДЕРЖАНИЕ

Том 44, № 6, 2023

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Состояние и перспективы развития методологии отечественной истории психологии (по материалам семинара “Арзамасские чтения — 5”)

Ю. Н. Олейник, Э. В. Тихонова

5

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Развитие общей и педагогической психологии во взаимодействии с акмелогией обеспечения творческого профессионализма (к 100-летию юбилею Нины Васильевны Кузьминой)

И. Н. Семенов

16

Профессиональное становление субъекта и динамика актуализации условий среды как ресурсов

В. А. Толочек

26

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Устойчивость показателей аналитической и холистической ментальности при остром введении этанола

*Е. А. Сухино-Хоменко, В. В. Апанович, А. Г. Горкин, Т. Н. Греченко,
И. О. Александров, И. Яаскелайнен, Ю. И. Александров*

37

Отражение формирования навыка различения коротких интервалов времени в параметрах ССП

К. С. Юдаков, В. В. Апанович, Э. А. Арамян, Д. Л. Гладилин, Ю. И. Александров

48

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

Большой ориентационный тест: разработка и оценка психометрических свойств

Д. Ф. Алиев, Д. В. Каширский, В. В. Уроженко

61

Методы измерения эмоциональной дифференцированности: сравнительный анализ

Е. А. Сучкова, Д. В. Люсин

77

ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

Российские реформаторы 1990-х годов (опыт биографического исследования)

Р. Х. Симонян

86

НАУКОМЕТРИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Библиометрический анализ трудов Всероссийского научно-практического семинара “Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики” (2009–2021 гг.)

В. И. Белопольский, А. Л. Журавлев, А. А. Костригин

96

ДИСКУССИЯ

К проблеме создания системно-сетевого психологического тезауруса в контексте метамодерна

Т. В. Зеленкова

109

Современные понятия психологии: эволюция понимания логики их организации	
<i>А. Н. Плющ</i>	114
Внутренний мир человека: един ли предмет психологии? (Приглашение к дискуссии)	
<i>Е. А. Сергиенко</i>	124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, “Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований”	
<i>Г. А. Виленская</i>	135

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Лариса Григорьевна Дикая	142
Юрию Иосифовичу Александрову — 75 лет	144
Владимиру Владимировичу Селиванову — 60 лет!	147

Указатель статей, опубликованных в “Психологическом журнале” в 2023 г. Том 44	149
---	-----

CONTENTS

Vol. 44, No. 6, 2023

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

Status and Development Prospects Methodologies of the Russian History of Psychology (Based on the Materials of the Seminar “Arzamas Readings — 5”)

Yu. N. Oleinik, E. V. Tikhonova

5

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

The Development of General and Pedagogical Psychology in Cooperation with the Academic Philosophy of Ensuring Creative Professionalism (To the 100th Anniversary of N. V. Kuzmina)

I. N. Semenov

16

Professional Formation of the Subject and Dynamics of Updating Environmental Conditions as Resources

V. A. Tolochev

26

PSYCHOPHYSIOLOGY

Stability of Analyticity and Holism Indicators During Acute Ethanol Administration

*E. A. Sukhino-Khomenko, V. V. Apanovich, A. G. Gorkin, T. N. Grechenko,
I. O. Alexandrov, I. Yaaskelainen, Yu. I. Alexandrov*

37

ERP Parameters of the Formation of the Skill of Distinguishing Short Time Intervals

K. S. Yudakov, V. V. Apanovich, E. A. Aramyan, D. L. Gladilin, Yu. I. Alexandrov

48

METHODS AND PROCEDURES

Big Orientation Test: Development and Evaluation of Psychometric Properties

D. F. Aliev, D. V. Kashirsky, V. V. Urozhenko

61

Comparing Methods for Measuring Emotion Differentiation

E. A. Suchkova, D. V. Lyusin

77

PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Russian Reformers of the 1990s. (Biographical Research Experience)

R. H. Simonyan

86

SCIENTOMETRIC IN PSYCHOLOGY

Bibliometric Analysis of Works of the All-Russian Scientific and Practical Seminar “Actual Problems of Labor Psychology, Engineering Psychology and Ergonomics” (2009–2021)

V. I. Belopolsky, A. L. Zhuravlev, A. A. Kostrigin

96

DISCUSSION

To the Problem of Creating a System-Network Psychological Thesaurus in the Context of Metamodern

T. V. Zelenkova

109

Modern Concepts of Psychology: Evolution of Understanding the Logic of their Organization <i>A. N. Plyusch</i>	114
The Inner World of Man: Is the Subject of Psychology the Unified (Invitation to Discussion) <i>E. A. Sergienko</i>	124

SCIENTIFIC LIFE

National Scientific Conference Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of A. V. Brushlinsky and the 300th Anniversary of the Founding of the Russian Academy of Sciences “Man, Subject, Personality: Perspectives of Psychological Research” <i>G. A. Vilenskaya</i>	135
--	-----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Larisa Grigorievna Dikaya	142
The 75-th anniversary of Yuri Iosifovich Alexandrov	144
The 60-th anniversary of Vladimir Vladimirovich Selivanov	147
Index of articles published in “Psychological journal” in 2023 Volume 44	149

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

**СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СЕМИНАРА “АРЗАМАССКИЕ ЧТЕНИЯ — 5”)**

© 2023 г. Ю. Н. Олейник^{1,*}, Э. В. Тихонова^{2,**}

¹АНО ВО “Московский гуманитарный университет”;
111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, Россия.

²Арзамасский филиал ФГАОУ ВО “Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского”;
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36, Россия.

*Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей,
социальной психологии и истории психологии.

E-mail: yurii03@mail.ru

**Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и практической психологии
психолого-педагогического факультета.

E-mail: tikhonova-eleonora@inbox.ru

Поступила 16.11.2023

Аннотация. Дан анализ современного состояния и перспектив разработки теоретико-методологических проблем в отечественной истории психологии. Сделан вывод о том, что современная методология отечественной истории психологии характеризуется неравномерным вниманием членов историко-психологического сообщества к ее проблематике. Обосновано, что наибольшее внимание ученых сосредоточено на вопросах методики и методических подходов проведения историко-психологических исследований, разработке теоретико-методологических концепций, которые могут быть положены в основание проводимых историко-психологических разработок. Указан круг первоочередных методологических проблем, требующих оперативной разработки: сопоставительный анализ собственно нормативных требований к историко-психологическим исследованиям, особенности целенаправленной работы по критике используемых в историко-психологических разработках источников как фактор повышения объективности получаемых результатов, принципы и инструменты разграничения идей изучаемой персоналии от их “развертывания” в контексте современных исследований и др.

Ключевые слова: история психологии, методология, историко-психологические исследования, категориально-понятийный аппарат.

DOI: 10.31857/S020595920029007-3

ПРОБЛЕМА

Методология научного познания — фундаментальное основание, обеспечивающее проведение актуальных исследований, и ведущий фактор, определяющий перспективные линии дальнейших научных разработок — теоретических, эмпирических, практических. Как совершенно справедливо подчеркивала известный отечественный историк психологии В.А. Кольцова, “зародившись на ранних ступенях культуры и являясь ответом на объективные запросы и потребности реальной жизненной практики, методология постепенно,

по мере развития научной мысли выделяется и оформляется в особую структурно оформленную сферу познания, призванную аккумулировать, обобщать и систематизировать опыт взаимодействия с миром, способы и формы познавательной деятельности” [10, с. 11–12]. Наличие методологии, т.е. методологическая обоснованность познавательной деятельности, отличает научное знание от других видов познания окружающей действительности — искусства, религии, житейского опыта и др. Соответственно, методологическая контролируемость исследования на всех этапах его проведения — от выявления и формулирования

проблемы до интерпретации полученных данных и определения плана дальнейших разработок — обеспечивает соответствие получаемых результатов общепринятым на данный момент времени чертам научного знания, таким как всеобщность, необходимость, системность, проверяемость.

История психологии как отрасль психологической науки не является в этом отношении исключением. Разработка, обсуждение и реализация теоретико-методологических оснований историко-психологических исследований позволяют увидеть недостаточно проясненные и дискуссионные вопросы концепций и базовых принципов, оценить адекватность используемого категориально-понятийного аппарата, расширить репертуар методик, повысить эффективность источниковедческой базы проводимых исследований, учесть современные тенденции развития междисциплинарных исследований и т.д.

Несмотря на важность коммуникационно-организационных и содержательно-тематических аспектов развития этой важной области психологии [15], ключевую роль играют все же теоретико-методологические основания историко-психологических исследований. Вместе с тем, как отмечает отечественный историк психологии В.А. Мазилев, характеризуя состояние современной истории психологии, “мало работ выполняется, недостаточно осмысливаются методологические проблемы истории психологии, понятийный аппарат истории психологии недостаточно проработан” [12, с. 85]. Как видно, две из трех позиций, указанных ученым, связаны с методологией историко-психологических исследований. Закономерно возникает вопрос о том, чем же характеризуется современная методология отечественных разработок в области истории психологии? Каково ее состояние и перспективы дальнейшего развития?

ИСТОЧНИКИ

Достаточно обстоятельный и репрезентативный материал для ответа на эти вопросы дает анализ научных докладов, прозвучавших на недавно прошедшем научном мероприятии, специально посвященном анализируемой тематике, — Всероссийском методологическом семинаре по истории психологии и исторической психологии “Методология современной отечественной истории психологии: достижения и проблемы” (21–23 сентября 2023 г., г. Арзамас). В его работе приняли участие исследователи из различных городов нашей страны (Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Нижнего Новгорода, Рязани, Саратова, Самары, Сочи,

Ханты-Мансийска, Ярославля) и из Болгарии. Как известно, это научное мероприятие имеет большую историю [6] и проводилось уже в пятый раз. Традиционно его организаторами выступили Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Институт психологии Российской академии наук и Московский гуманитарный университет. На пленарном и двух секционных заседаниях было заслушано 17 научных докладов, в которых были обозначены актуальные, по мнению программного комитета и самих участников, вопросы методологии отечественных историко-психологических исследований. Достаточно широкая представленность историко-психологического сообщества на данном мероприятии позволяет сделать некоторые обобщения в области состояния и перспектив разработки теоретико-методологических оснований проводимых в нашей стране историко-психологических исследований.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Какие же теоретико-методологические вопросы обсуждались на этом научном мероприятии? Какие методологические проблемы и направления исследований находятся в фокусе интересов историков психологии?

Уже в приветствиях участникам конференции были обозначены важные методологические вопросы современного состояния и развития научных исследований. Так, директор Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского профессор Т.Т. Щелина обозначила важность решения проблемы систематической координации и кооперации на постоянной основе историко-психологических исследований, проводимых в центральных и региональных научных центрах. Это, по ее мнению, может и должно стимулировать расширение числа специалистов, составляющих историко-психологическое сообщество, и существенно обогатить отечественную историю психологии новыми именами. Один из инициаторов проведения Арзамасских чтений профессор Е.П. Титков на примере истории развития российской педагогики поставил вопрос о необходимости гармонизации и достижения определенного баланса основных факторов (социального, логико-предметного, личностного), влияющих на развитие гуманитарных наук, в том числе и психологии. Абсолютное доминирование какого-то одного фактора нередко приводит к негативным последствиям как для теории, так и для практики научного познания. Важные методологические проблемы были обозначены

в приветствии — научном сообщении председателя программного комитета “Арзамасских чтений — 5”, научного руководителя Института психологии РАН академика РАН А.Л. Журавлева. Как специалист в области истории психологии, он выделил три направления историко-психологических исследований, требующих методологического осмысления: наукометрия (включая библиометрию и альтметрики); развитие так называемого вычислительного подхода в истории психологии, история развития психологии в российских регионах, включая становление региональных научных школ.

Естественно, основное внимание к теоретико-методологическим проблемам истории психологии и историко-психологических исследований было уделено непосредственно в докладах участников. Несмотря на различия в названиях докладов, поднимавшиеся вопросы можно сгруппировать в определенную структуру методологических проблем, не ограничиваясь высказанными в этих докладах идеями, но рассмотрев их в более широком контексте.

РАЗРАБОТКА МЕТОДОВ И МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Как актуальная теоретическая задача современной отечественной истории психологии, была обозначена разработка проблемы методов историко-психологических исследований. Этот вопрос всегда рассматривался как важнейший для методологии проводимых исследований. Однако сегодня важным является не только использование уже традиционных и активно применяемых методов, но и разработка новых методических подходов и приемов для изучения истории отечественной психологии.

Все более часто в своих разработкахистики психологии опираются на биографический метод, подчеркивая специфику его применения в историко-психологических исследованиях (А.Л. Южанинова), метод проблематизации, позволяющий обозначать новые темы для историко-психологических исследований, например роль женщин-психологов в становлении и развитии Петербургской психологической школы (Н.А. Логинова) или метафизика как источник научных проблем российской философской психологии во второй половине XIX в. (А.А. Костригин).

Очень важно при этом использовать открывающиеся возможности, связанные с развитием

технической (в первую очередь цифровой) составляющей научных разработок и получения исходных данных. Например, крайне интересной и новаторской представляется методика работы с фотопортретами ученых как источником психологической информации (И.Н. Елисеева). На конкретных примерах автором была продемонстрирована конструктивность использования современных цифровых технологий в идентификации портретов ученых, полученных из разных исторических документов. Сама постановка вопроса о фотопортретах как одном из источников историко-психологического знания о личности ученого, его коммуникации и взаимодействии с коллегами (например, в случае групповых фотопортретов) уже представляется новой, оригинальной и своевременной. Именно фотографии могут дать дополнительную и порой важную информацию как для уточнения фактов биографии изучаемой персоны, так и составления его психологического портрета. Напомним интересное мнение известного русского советского писателя В.С. Пикуля (1928—1990), который многие годы собирал карточку портретов людей, становившихся позднее героями его литературных произведений (по разным источникам им было собрано от 25 тыс. до 50 тыс. портретов, охватывавших период с XV до начала XX в.). Он писал: “Изучая портрет, я как бы проникаюсь настроением времени, чувствую характеры людей той эпохи, вижу, какие у них глаза, как они одевались и так далее. Вглядываясь в лица своих героев, я словно прочитываю их мысли, угадываю сокровенные думы и мотивы их поступков. От портрета родились многие мои миниатюры...” (цит. по: [1, с. 277]). Представляется, что и историки психологии, занимающиеся персонологическими исследованиями, могли бы присоединиться к этим словам. Однако сложность состоит в том, что не всегда можно точно соотнести конкретного ученого с фотопортретом — в эпоху цифровых технологий в интернете множится количество фотопортретов исследователей, не соответствующих действительности. Особая сложность — когда таких фотопортретов несколько и лица на них несовпадающие, хотя обозначены одной фамилией. Современные цифровые технологии позволяют сравнивать между собой такие фотопортреты, находя совпадения и различия в них, и с высокой долей вероятности идентифицировать точный портрет ученого.

Конечно, не забыты и классические источники историко-психологических исследований — архивные документы. Сегодня именно их содержание рассматривается как базовый фактор историко-психологической реконструкции творческой

биографии ученого (О.Е. Серова). Отметим, что очень часто и совершенно правильно архивные документы выступают своеобразным доказательством объективности формулируемых исследователем суждений, оценок, выводов. Вместе с тем следует понимать, что, как и любой другой источник, свидетельствующий о прошлом, архивный документ должен быть критически оценен исследователем. Например, он может содержать неточную информацию (особенно часто это касается дат, названий научных учреждений, занимаемых должностей, написания фамилий и других фактологических данных, приводимых в документе), представлять сфальсифицированную по разным причинам и недостоверную информацию (в том числе и о датировке самого документа), противоречить другим архивным документам.

Таким образом, важным является проведение специальной работы историком психологии по критике используемого источника, касается это фотопортретов, архивных документов или даже текстов научных произведений ученого (как известно, например, различные издания одного и того же научного произведения могут существенно разниться между собой). Представляется, что источниковедческий анализ должен стать обязательным элементом в историко-психологических исследованиях и предварять интерпретацию исторических источников, используемых в конкретном исследовании. Вполне обоснованно интерпретацию источников иногда называют “воображением под контролем” и указывают, что от источника должна загораться фантазия, но ей не следует давать возможность необузданно “полюхаться” [2]. Работа с разными видами источников, дополняющих и уточняющих друг друга, и должна исполнять роль такого “контролера”.

Следует выделить еще одну важную методическую проблему, которая пока не получила развернутого обсуждения в историко-психологическом сообществе, но уже стала предметом внимания современных специалистов в области истории психологии. Речь идет о влиянии в узком смысле методических, а шире — методологических ошибок на развитие научного знания, а порой и на судьбы ученых. На примере анализа педологических исследований чувашских детей в 20-е годы XX в. была показана пагубность позитивистских ориентаций в проведении исследований без их должного теоретико-методического обоснования (Н.Ю. Стоюхина и Д.В. Миронов).

РАЗРАБОТКА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Достаточно широкое внимание историков психологии сегодня привлекает и разработка новых подходов и принципов историко-психологических исследований. Важным методологическим подходом, все более широко применяемым в историко-психологических исследованиях, является использование библиометрической и наукометрической информации. В разработках по истории отечественной психологии продуктивность такого подхода была обозначена достаточно давно. Напомним, что первые библиометрические исследования в интересах истории отечественной психологии относятся к началу 90-х годов XX столетия. Сегодня этот подход показал свою продуктивность и активно используется в научных разработках — в оценке роли и значения исследований по истории психологии для имиджа научных журналов [13], структурирования публикационного пространства [14] и решения ряда других актуальных проблем [5; 9].

Вместе с тем для персонологических исследований библиометрические методы используются еще недостаточно часто. Возможно, ситуация изменится после того, как была предложена и на конкретном материале апробирована программа библиометрического анализа публикационной активности ученого, о которой было доложено на анализируемой конференции (Ю.Н. Олейник и А.Л. Журавлев). Выявляемые с ее помощью неочевидные данные и характеристики деятельности ученого позволяют интегрировать качественные и количественные методы в изучении истории психологии, повышая достоверность и обоснованность высказываемых суждений и оценок.

Проблема внешней профессиональной идентификации ученого, поставленная в свое время в работе Ю.Н. Олейника по изучению научного творчества А.Л. Журавлева как историка психологии [16], получила дальнейшее развитие в докладе С.А. Гильманова применительно к анализу творческого наследия М.В. Безобразовой (1857–1914). Как известно, этот выдающийся ученый, первая из женщин в России, получившая докторскую степень по философии, историками науки рассматривается как философ и историограф философии, что, конечно, справедливо. Однако в числе ее публикаций есть и работы историко-психологической направленности, а в собственно философских трудах содержится много психологических суждений

и размышлений, связанных с генезисом и динамикой психологического знания. Можем ли мы рассматривать ее не только как историка философии, но и как историка психологии или, как минимум, исследователя, внесшего вклад в изучение истории психологии? Думаем, что такая оценка вполне правильна и адекватна — занимаясь историей философии в самом начале XX в., трудно было не касаться истории психологии.

Важность обсуждения и решения проблемы критериев отнесения исследователя к той или иной предметной области уже возникала, например, при анализе работ дореволюционных мыслителей. В трудах многих из них содержатся ценные и оригинальные идеи, суждения, выводы психологического характера. В свое время они были обозначены как психологемы [17]. И эти психологемы часто знаменовали собой новаторские и передовые взгляды на понимание психологических феноменов, содержали интересные идеи, фиксировали определенные этапы в развитии психологических знаний, служили отправными точками для разработки высказанных идей уже в собственно научных психологических разработках. Однако часто этим ученым отказывают во вкладе в развитие именно психологического знания на том основании, что они не психологи, их суждения не имеют форму научных суждений и сформулированы достаточно кратко, названия их публикаций не отражают психологическую тематику и т.д. Особенно часто такую позицию занимают исследователи, недооценивающие донаучный этап в генезисе психологических знаний и связывающие динамику и их историю только с научным этапом психологии. Однако, как известно, особенность психологического знания состоит в том, что оно представлено не только в научной, но и в других формах. Поэтому мы вполне можем рассматривать творчество писателей и поэтов, мыслителей и богословов, педагогов и географов и т.д. с позиции их вклада в психологическое познание.

Интересным в этом контексте является обращение современных специалистов при изучении истоков отечественной этнопсихологической мысли к деятельности Русского географического общества. Продолжая традиции, заложенные известным отечественным историком психологии Е.А. Будиловой в изучении материалов этого общества [3], на новом этапе развития научного познания можно не только по-новому интерпретировать представленные в них сведения, но и выявлять новые конструктивные психологические идеи, что и было сделано в одном из докладов (А.Г. Сулейманян). Как писал выдающийся отечественный ученый

В.И. Вернадский, “человечество не только открывает новое, неизвестное, непонятное в окружающей природе — оно одновременно открывает в своей истории многочисленные забытые проблемски понимания отдельными личностями этих, казалось, новых явлений. Движение вперед обуславливается долгой, незаметной и неосознанной подготовительной работой поколений” [4, с. 56]. И хотя эти идеи были высказаны часто отнюдь не психологами, они существенно расширяют наши представления об истоках психологических знаний в России.

Другой аспект дальнейшей разработки подходов и принципов историко-психологических исследований современными историками психологии связан с обоснованием ими новых трактовок уже известных методологических принципов. В частности, сегодня подчеркивается необходимость рассмотрения коллективных форм организации психологии как возможного варианта реализации принципа позитивно-критического анализа (О.А. Артемьева). Хорошо известно, что этот принцип предполагает “акцентирование внимания исследователя не на слабых сторонах и недостатках исследуемой системы знания, а на выявлении, в первую очередь, содержащихся в ней позитивных и конструктивных идей и подходов, не на критике несовершенного, а на поиске рационального и перспективного” [10, с. 155]. Поэтому конкретизация этого принципа в применении к разным формам организации психологических знаний, а шире — различным системам психологического знания представляется актуальным и важным направлением развития методологии истории психологии. Тем более что никогда не надо забывать о том, что “исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками” [11, с. 178].

ВОПРОСЫ РАЗРАБОТКИ КАТЕГОРИАЛЬНО-ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Важным компонентом структуры методологии являются категории, понятия и термины, используемые конкретной областью знания. Надо отметить, что историки психологии не часто обращаются к рефлексии языка науки, специфичного для историко-психологических исследований. Чаще всего они ограничиваются их общенаучной трактовкой или заимствуют из смежных областей знания, в первую очередь из исторической науки.

Надо признать, что обсуждения и дискуссии на “Арзамасских чтениях — 5” в этом отношении внушают определенный оптимизм. Отметим, что были предприняты конструктивные попытки дать психологическую интерпретацию и выявить новые смыслы таких важных для истории психологии понятий, как “историческое событие” (Е.В. Харитонova), “значимое историческое событие” и “исторический процесс” (С.В. Артемова).

Вместе с тем надо признать, что большинство понятий, используемых в современных историко-психологических исследованиях, продолжают сохранять смыслы и интерпретацию, которая была дана достаточно давно — десятки лет назад. Имеются в виду такие понятия, как “научная школа”, “факторы детерминации развития знаний”, “критерии периодизации” и др. И хотя в методологии истории психологии есть конструктивные попытки расширить используемый понятийный ряд и выявить новые, соответствующие современному развитию научного познания, смыслы категорий и терминов историко-психологических исследований, все же считать эту работу завершенной нельзя. Тем более учитывая, что «...особую актуальность спор о понятиях приобретает именно сейчас, в условиях появления в отечественной психологии тренда на понимание понятийно-методологической работы в науке как “надевания очков или линз”, через которые человек видит мир. Появился даже специальный термин “методологическая оптика...” <...> Очевидно, что “оптическое” понимание методологии сопрягается с постмодернистским “сетевым” подходом к изучению реальности, который упорно противопоставляется системно-целостному видению мира в диалектике» [18, с. 28–29].

Сегодня, скорее, можно говорить лишь о постановке этой важной и актуальной проблемы и привлечении к ней внимания отдельных ученых. Тем более что систематизация и конкретизация категориально-понятийного аппарата исследовательской области — одна из ключевых задач методологии [8]. Как совершенно справедливо подчеркивается, «...на современном этапе развития науки становятся особенно важным “ревизия” и анализ понятийного поля. Междисциплинарность и трансдисциплинарность научного знания обуславливают введение новых понятий, уточнение и реорганизацию понятийного строя психологической науки, которая, впитывая, ассимилируя понятия других наук, сохраняет свой предмет, свои тематические поля изучения» [7, с. 5].

Это пожелание имеет самое непосредственное отношение и к истории психологии. Присоединяясь к словам авторитетных ученых, отметим вместе

с тем, что работа с понятийным полем истории психологии требует одновременно и внимательно-го отношения к трактовке и использованию уже принятых, обоснованных понятий и терминов с закрепившимися смыслами, в том числе и адекватного применения обозначения методических приемов. Например, сегодня в исследованиях достаточно широко стало использоваться понятие “реконструкция” (историческая, историко-психологическая, психо-историческая), причем часто без уточнения специфического содержания каждого из его вариантов (В.Ю. Слабинский). При этом следует учитывать, что “любые единицы специальной лексики (в данном случае научной. — *Авт.*) обнаруживают много сближающих их черт не только потому, что они противопоставлены общей лексике вследствие иной, преднамеренно измененной связи с понятием и именуемым объектом, но и потому, что они существуют не в языке вообще, а внутри особых подязыков” [19, с. 8]. Однако, понимая и фиксируя это сближение, надо иметь в виду, что и внутри этих подязыков “единицы специальной лексики <...> образуют разные лексические системы и распределяются по разным предметно-понятийным полям” [Там же, с. 10]. Возможно, выявление этих лексических систем и предметно-понятийных полей в истории психологии и является первоочередной задачей методологов этой области знания.

РАЗРАБОТКА ВОПРОСОВ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Как известно, в философии науки принято выделять два вида методологии — прескриптивную (нормативную) и дескриптивную (описательную). Последняя из них призвана обеспечивать ретроспективный анализ уже осуществленных и реализованных процессов научного познания, а также имеет задачей обобщать и анализировать уже выполненные исследования с точки зрения использования в них теоретико-концептуальных подходов, методических средств и приемов, а также их влияния на познаваемый объект. И в этом отношении она очень похожа по своим целям и задачам на историко-психологические исследования, которые, однако, ориентированы не на рефлекссию самого процесса и методов познания, а на полученные в результате знания о предмете и явлениях, изучаемых психологией. Однако и сама история психологии нуждается в методологическом

анализе выполненных разработок. Важную роль при этом играют, как было показано на конференции в Арзамасе, историографические и источниковедческие разработки (М.Д. Няголова); сравнительный анализ монографических публикаций об отдельных психологах (С.А. Богданчиков); история формирования и развития научных подразделений (в частности, лаборатории истории психологии и исторической психологии ИП РАН), знаменующих собой организационную институционализацию истории психологии (Е.Н. Холондович), и проведение научно-организационных мероприятий (в конкретном случае “Арзамасских чтений — 5” по истории психологии и исторической психологии) как показатель коммуникативной институционализации историко-психологических разработок (Э.В. Тихонова).

ВЫВОДЫ

1. Современная методология отечественной истории психологии характеризуется неравномерным вниманием членов историко-психологического сообщества к ее проблематике. Наиболее концентрированно внимание ученых сосредоточено на вопросах методики и методических подходов при проведении историко-психологических исследований, разработке теоретико-методологических концепций, которые могут быть положены в основание проводимых историко-психологических разработок.

2. Вместе с тем ряд важных методологических вопросов истории психологии остался не только за рамками внимания участников конференции, но и не стал еще предметом специальных исследований членов историко-психологического сообщества в целом. Отчасти эти вопросы уже были обозначены в литературе: “Проблема факта, проблема фактологической основы истории психологии, проблема терминологии в истории психологии, проблема клиширования, проблема неявной методологии, проблема усиления методологической составляющей, проблема отсутствия философии психологии” [12]. Хотя, конечно, круг методологических проблем современной истории психологии гораздо шире и может быть дополнен такими проблемами, как сопоставительный анализ собственно нормативных требований к историко-психологическим исследованиям, особенности целенаправленной работы по критике используемых в историко-психологических разработках источников как фактор повышения объективности получаемых результатов, принципы и инструменты разграничения идей изучаемой персоналии от их

“развертывания” в контексте современных исследований и др. И здесь, как представляется, историкам психологии еще предстоит обстоятельная, кропотливая и творческая работа.

3. К сожалению, следует признать, что в конкретных историко-психологических исследованиях еще не в полной мере используются уже существующие разработки и достижения теоретико-методологического характера в истории психологии. Пусть и немногочисленные, но конструктивные и важные идеи и концепции в планировании, организации и проведении исследований в области истории психологии существуют в некотором смысле сами по себе, не реализуясь в достаточной мере в конкретных разработках. Можно выделить, как минимум, две причины этого.

Во-первых, отсутствие интереса к решению теоретико-методологических вопросов — исследования в истории отечественной психологии чаще всего носят описательный, а не проблематизирующий характер. Между тем мы считаем, что любое историко-психологическое исследование должно если и не решать какую-то научную проблему, то хотя бы ставить и обозначать ее. На это, кстати, в свое время, в далеком 1957 г., обращал внимание Б.М. Теплов, который считал, что историко-психологическое исследование “не может быть простым перечнем фактов, установленных другими исследователями в прошлом. Такой перечень есть основа истории вопроса, на которой строится теоретическое рассмотрение взаимоотношений этих фактов — отделение того, что прочно установлено, от спорного, сомнительного, от фактов, противоречащих друг другу. Отсюда и возникает научная проблема для исследования. Если же нет спорного, то нечего исследовать. Собственно, умение увидеть противоречие и есть умение поставить вопрос” [20, с. 313].

Во-вторых, имеет место недостаточная сформированность сетевого коммуникационного пространства научных публикаций в среде историко-психологического сообщества. Его формирование “предполагает использование в... подготавливаемых публикациях по истории психологии информации из уже опубликованных работ по истории отечественной и мировой психологии, ссылки на эти работы” [15, с. 28]. Поэтому “нередко создается впечатление, что некоторые публикации необходимы, в первую очередь, самому автору” [Там же, с. 8]. Между тем, учитывая немногочисленность историко-психологического сообщества, тем более необходимо объединение усилий для решения важных и сложных задач, связанных с разработкой методологических оснований истории

психологии и воссозданием целостной картины истории развития психологических знаний в нашей стране.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение вопросов и разработка проблем методологии истории психологии являются важным и остро актуальным направлением историко-психологических исследований. В современной методологии истории психологии можно отметить конструктивные усилия:

— по разработке концепций историко-психологического познания — концепция уровневой субъектной социально-психологической детерминации развития психологии (О.А. Артемьева); междисциплинарный подход к исследованию генезиса психологической мысли в древнерусский и средневековый периоды (О.В. Клыпа); концептуальная система как основа изучения научных школ и проведения биографических исследований (Н.А. Логинова); историографическая концепция истории советской психологии (С.А. Богданчиков); проблемологический подход в истории психологии (Ю.Н. Олейник); наукометрический подход к анализу истории психологии и динамики историко-психологического знания (А.Н. Моргун, Ю.Н. Олейник, А.Л. Журавлев, А.А. Костригин, И.Н. Елисеева, К.Б. Зуев) и др.;

— созданию методов и методических приемов историко-психологического исследования — метод логической реконструкции в истории психологии (Е.А. Климов, О.Г. Носкова); метод анализа публикационной активности ученого (Ю.Н. Олейник); биографический метод в историко-психологических разработках (Н.А. Логинова); метод “исторического переноса” в изложении истории психологии (Е.Е. Соколова) и др.;

— уточнению и формированию понятийного аппарата истории психологии — структурно-уровневое понимание научного факта и объяснений в истории психологии (В.А. Мазилев); проблема как единица анализа в историко-психологических исследованиях (Ю.Н. Олейник) и др.

Вместе с тем отмечается, что интенсивность и масштабность усилий историков психологии по формированию методологии историко-психологических исследований могут и должны быть усилены. На наш взгляд, к числу первоочередных задач в дальнейшей теоретико-методологической работе историков психологии можно отнести: 1) дальнейшую операционализацию и конкретизацию сформировавшихся концептуальных

и методических подходов историко-психологических исследований; 2) уточнение и выстраивание категориально-понятийной системы истории психологии в соответствии с современными достижениями психологии и смежных научных дисциплин; 3) разработку нормативных требований для объективной интерпретации научных фактов, событий в истории психологии; 4) согласование и выработку единого подхода к критериям периодизации генезиса как в целом психологии, так и ее проблемных направлений и отраслей; 5) соотношение качественно-количественных методов в историко-психологических исследованиях; 6) разработку теоретико-эмпирических моделей проведения историко-психологических исследований, например, по типу уже предложенной модели “знание—источник” [15, с. 19–25]; 7) “сопряжение” различных форм психологического знания, представленных в современном обществе, с опорой на идеи преемственности, дополнительности, интеграции и формирование целостной и полной картины развития отечественного психологического знания.

Проведенные в 2023 г. “Арзамасские чтения — 5”, посвященные методологии отечественной истории психологии, вселяют определенные надежды на успешное решение рассмотренных задач. Тем более что готовится к изданию сборник статей, который будет включать значительно больше материалов, чем те, которые были представлены в устном формате и проанализированы выше. С электронной версией сборника, а также другими материалами конференции можно будет ознакомиться в открытом доступе на интернет-странице “Арзамасских чтений по истории психологии” (URL: <http://www.arz.unn.ru/istpsi>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А.М. На службе отечества и истории // Живет страна Пикулия / Сост. А.И. Пикуль. М.: Изд-во “Вече”, 2008.
2. Рузинец Б.-А. Критика и интерпретация источников. Все дело в вопросах // Человек в истории. Россия — XX век. 2012. 16 мая.
3. Будилова Е.А. Труды по истории психологии // Российская академия наук, Институт психологии. М.: Наука, 2009. 503 с.
4. Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. 464 с.
5. Журавлев А.Л., Костригин А.А. Наукометрический подход в психологии // Научные подходы в современной отечественной психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. С. 440–458.

6. Журавлев А.Л., Олейник Ю.Н., Тихонова Э.В. Развитие истории психологии в России: интеграция деятельности столичных и провинциальных научных центров (к истории Арзамасских чтений) // Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, научные школы, персоналии: Сборник статей участников Всероссийской научной конференции с международным участием. Сер. "Арзамасские чтения по истории психологии" / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Ю.Н. Олейник, Э.В. Тихонова. Арзамас, 2019. С. 7–16.
7. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Вместо введения. Современные понятия в психологической науке: попытка анализа // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2018. С. 5–19.
8. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–14.
9. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А., Федоров А.А. Библиометрический анализ трехтомного труда "Разработка понятий современной психологии" // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 113–126.
10. Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2004. 416 с.
11. Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений: В 55 т. Изд. 5-е. 1895–1897. Т. 2. С. 119–262.
12. Мазилев В.А. Нерешенные методологические проблемы истории психологии: понимание и объяснение // Человеческий фактор. Социальный психолог. 2019. Т. 37. № 1. С. 82–95.
13. Моргун А.Н. Наукометрическое пространство исследований по истории психологии: простоты и издержки // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 136–146.
14. Моргун А.Н., Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л. Тематические направления отечественной истории психологии как внутренние факторы развития отрасли: наукометрический анализ на материале РИНЦ // Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 1 (21). С. 219–251.
15. Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л. История отечественной психологии: коммуникативно-организационные и содержательно-тематические аспекты развития (вместо введения) // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: Материалы международной конференции по истории психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Ю.В. Ковалева, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2023. С. 11–31.
16. Олейник Ю.Н. История психологии как сфера профессиональных интересов А.Л. Журавлева (к 75-летию со дня рождения). Часть I. Наукометрический анализ публикаций // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 5. С. 88–102.
17. Олейник Ю.Н. История становления и развития отечественной психологии индивидуальных различий: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук / АН СССР. Ин-т психологии. М., 1990.
18. Соколова Е.Е. Чтобы быть психологом, нельзя не быть философом, или, почему имеет смысл спорить о понятиях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2016. № 1. С. 25–39.
19. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Терминологическая деятельность. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
20. Теплов Б.М. О культуре научного исследования // Теплов Б.М. Избранные труды: В 2 т. Т. II. М.: Педагогика, 1985. 360 с.

STATUS AND DEVELOPMENT PROSPECTS METHODOLOGIES OF THE RUSSIAN HISTORY OF PSYCHOLOGY (BASED ON THE MATERIALS OF THE SEMINAR “ARZAMAS READINGS — 5”)

Yu. N. Oleinik^{1,*}, E. V. Tikhonova^{2,**}

¹*Moscow Humanitarian University;*

111395, Moscow, Yunosti str., 5, Russia.

²*Arzamas Branch of UNN named after N.I. Lobachevskiy;*

607220, Nizhny Novgorod region, Arzamas, K. Marx str., 36, Russia.

**Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology.*

E-mail: yurii03@mail.ru

***Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of General and Practical Psychology, Faculty of Psychology and Education.*

E-mail: tikhonova-eleonora@inbox.ru

Received 16.11.2023

Abstract. An analysis of the current state and prospects for the development of theoretical and methodological problems in the Russian history of psychology is given. It is concluded that the modern methodology of the Russian history of psychology is characterized by uneven attention of members of the historical and psychological community to its problems. It is substantiated that the greatest attention of scientists is focused on issues of methodology and methodological approaches when conducting historical and psychological research, the development of theoretical and methodological concepts that can be used as the basis for ongoing historical and psychological developments. A range of priority methodological problems that require prompt development is indicated: a comparative analysis of the actual normative requirements for historical and psychological research, features of targeted work on the criticism of sources used in historical and psychological research as a factor in increasing the objectivity of the results obtained, principles and tools for distinguishing the ideas of the studied personalities from their “deployment” in the context of modern research, etc.

Keywords: history of psychology, methodology, historical and psychological research, categorical and conceptual apparatus.

REFERENCES

1. *Aleksandrov A.M.* Na sluzhbe otechestva i istorii. Zhivjot strana Pikulija. Sost. A.I. Pikul'. Moscow: Izd-vo “Veche”, 2008. (In Russian)
2. *Ruzinek B.-A.* Kritika i interpretacija istochnikov. Vsjo delo v voprosah. CHelovek v istorii. Rossiya — XX vek. 2012. 12 maya. (In Russian)
3. *Budilova E.A.* Trudy po istorii psihologii. Rossijskaja akademija nauk, Institut psihologii. Moscow: Nauka, 2009. 503 p. (In Russian)
4. *Vernadskij V.I.* Trudy po istorii nauki v Rossii. Moscow: Nauka, 1988. 464 p. (In Russian)
5. *Zhuravlev A.L., Kostigrin A.A.* Naukometricheskij podhod v psihologii. Nauchnye podhody v sovremennoj otechestvennoj psihologii. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2023. P. 440–458. (In Russian)
6. *Zhuravlev A.L., Olejnik Ju.N., Tikhonova Je.V.* Razvitie istorii psihologii v Rossii: integracija dejatel'nosti stolichnyh i provincial'nyh nauchnyh centrov (k istorii Arzamasskih chtenij). Razvitie rossijskoj psihologii nakanune i posle russkoj revoljucii 1917 goda: tendencii, nauchnye shkoly, personalii. Sbornik statej uchastnikov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Ser. “Arzamasskie chtenija po istorii psihologii”. Eds. A.L. Zhuravljov, Ju.N. Olejnik, Je.V. Tikhonova. Arzamas, 2019. P. 7–16. (In Russian)
7. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Vmesto vvedenija. Sovremennye ponjatija v psihologicheskoy nauke: popytka analiza. Razrabotka ponjatij sovremennoj psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2018. P. 5–59. (In Russian)
8. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Sistemno-setevaja organizacija sovremennyh ponjatij psihologii (na primere razrabotok sotrudnikov Instituta psihologii RAN). Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 3. P. 5–14. (In Russian)
9. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A., Fedorov A.A.* Bibliometricheskij analiz trehtomnogo truda “Razrabotka ponjatij sovremennoj psihologii”. Psikhologicheskii zhurnal. 2023. V. 44. № 1. P. 113–126. (In Russian)

10. *Kol'cova V.A.* Teoretiko-metodologicheskie osnovy istorii psihologii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2004. 416 p. (In Russian)
11. *Lenin V.I.* K karakteristike jekonomicheskogo romantizma. Sismondi i nashi otechestvennye sismondisty. V.I. Lenin. Polnoe sobranie sochinenij: V 55 t. Izd. 5-e. 1895–1897. V. 2. P. 119–262. (In Russian)
12. *Mazilov V.A.* Nereshennye metodologicheskie problemy istorii psihologii: ponimanie i ob#jasnenie. Chelovecheskij faktor. Social'nyj psiholog. 2019. V. 37. № 1. P. 82–95. (In Russian)
13. *Morgun A.N.* Naukometricheskoe prostranstvo issledovanij po istorii psihologii: prirosty i izderzhki. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2019. № 2. P. 136–146. (In Russian)
14. *Morgun A.N., Olejnik Ju.N., Zhuravlev A.L.* Tematicheskie napravlenija otechestvennoj istorii psihologii kak vnutrennie faktory razvitija otrasli: naukometricheskij analiz na materiale RINC. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naja i jekonomicheskaja psihologija. 2021. V. 6. № 1 (21). P. 219–251. (In Russian)
15. *Olejnik Ju.N., Zhuravlev A.L.* Istorija otechestvennoj psihologii: kommunikativno-organizacionnye i sodержatel'no-tematicheskie aspekty razvitija (vmesto vvedenija). Istorija otechestvennoj i mirovoj psihologicheskij mysli: znat' proshloe, analizirovat' nastojashhee, prognozirovat' budushhee. Materialy mezhdunarodnoj konferencii po istorii psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, Ju.V. Kovaleva, Ju.N. Olejnik. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2023. P. 11–31. (In Russian)
16. *Olejnik Ju.N.* Istorija psihologii kak sfera professional'nyh interesov A.L. Zhuravleva (k 75-letiju so dnja rozhdenija). Chast' I. Naukometricheskij analiz publikacij. Psichologicheskii zhurnal. 2023. V. 44. № 5. P. 88–102. (In Russian)
17. *Olejnik Ju.N.* Istorija stanovlenija i razvitija otechestvennoj psihologii individual'nyh razlichij: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. AN SSSR. In-t psihologii. Moscow, 1990. (In Russian)
18. *Sokolova E.E.* Chtoby byt' psihologom, nel'zja ne byt' filosofom, ili, pochemu imeet smysl sporit' o ponjatijah. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija. 2016. № 1. P. 25–39. (In Russian)
19. *Superanskaja A.V., Podol'skaja N.V., Vasil'eva N.V.* Obshhaja terminologija: Terminologicheskaja dejatel'nost'. Izd. 2-e, stereotip. Moscow: Editorial URSS, 2005. 288 p. (In Russian)
20. *Teplov B.M.* O kul'ture nauchnogo issledovanija. Teplov B.M. Izbrannye trudy: V 2 t. T. II. Moscow: Pedagogika, 1985. 360 p. (In Russian)

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК: 159. 9.019

РАЗВИТИЕ ОБЩЕЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С АКМЕЛОГИЕЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА (К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ НИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ КУЗЬМИНОЙ)

© 2023 г. И. Н. Семенов

*Московский городской педагогический университет;
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1, Россия.*

*Доктор психологических наук, академик Академии педагогических и социальных наук,
профессор департамента психологии Института педагогики и психологии образования.
E-mail: i_samenov@mail.ru*

Поступила 23.10.2023

Аннотация. В статье анализируется взаимодействие петербургской и московской научных школ психолого-педагогического изучения и развития профессионализма с позиций его системно-акмеологической концепции, разработанной старейшиной российского человекознания Н.В. Кузьминой во взаимодействии с одним из основателей отечественной социальной психологии Е.С. Кузьминым. В связи со 100-летним юбилеем автора этой концепции в статье впервые характеризуются основные вехи жизненотворчества выдающегося российского ученого Н.В. Кузьминой и обобщаются фундаментально-прикладные и организационно-педагогические достижения ее деятельности с позиций взаимодействия субъектно-деятельностного и институционально-персонологического подходов к изучению научного творчества. Показан конструктивный вклад Н.В. Кузьминой в социально-акмеологическое изучение актуальных проблем развития профессионализма такими разработанными ею инновационными средствами, как психолого-акмеологические знания и методы психодидактики и продуктивной педагогики модернизации непрерывного профессионального образования, что составляет оригинальное направление современного российского человекознания.

Ключевые слова: психология, акмеология, педагогика, образование, учащийся, педагог, ученый, концепция, метод, развитие, деятельность, профессионализм, мастерство, творчество, Н.В. Кузьмина, Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, Е.С. Кузьмин, Н.Я. Пэрна.

DOI: 10.31857/S020595920029008-4

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО Н.В. КУЗЬМИНОЙ (ГОЛОВКО-ГАРШИНОЙ) В ПЛЕЯДЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПСИХОЛОГОВ, АКМЕОЛОГОВ, ПЕДАГОГОВ

Научно-гуманитарная общественность отметила 23 сентября сего года вековой юбилей выдающегося советского и российского ученого — психолога, акмеолога, персонолога, педагога Нины Васильевны Кузьминой (Головко-Гаршиной). Она вот уже более 10 лет (с 2012 г.) входит в плеяду самых известных и признанных психологов и педагогов России: и как ведущий специалист в сфере педагогической психологии развития одаренности учащихся и учительского таланта, и как организатор-методист среднего специального и высшего

образования, и как основатель такого инновационного направления человекознания, как комплексная акмеология формирования творческого профессионализма в дополнительном образовании и повышении квалификации специалистов различного профиля.

Акмеология (от древнегреч. “акме” — вершина, расцвет) как новая комплексная [37] область человекознания восходит к идеям москвича Н.А. Рыбникова и ленинградца Б.Г. Ананьева о необходимости создания специальной науки по изучению возрастного развития психики и профессиональной деятельности взрослых специалистов. И такая наука была действительно создана в последней трети XX в. по инициативе ученицы академика АПН СССР Б.Г. Ананьева — члена-корреспондента АПН СССР/РАО Нины Васильевны Кузьминой. С целью

институционализации этой науки она разработала концепцию предмета и методов акмеологии [16; 21; 26] и для ее реализации основала в 1992 г. Акмеологическую ассоциацию и позднее в Санкт-Петербурге — Академию акмеологических наук в качестве ее президента. Акмеология [1] стала развиваться в российском человекознании в результате продуктивного взаимодействия ученых двух крупнейших научных школ отечественного человекознания [38]: петербургской (Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, Н.В. Кузьмина, А.А. Бодалев, Е.С. Кузьмин, А.А. Крылов, Ю.Н. Кулюткин, Н.А. Логинова, Б.Ф. Ломов, А.А. Реан, Е.И. Степанова, Г.С. Сухобская, Е.Н. Жаринова и др.) и московской (А.А. Деркач, К.А. Абульханова, В.Г. Асеев, В.Г. Зазыкин, Е.А. Климов, Р.Л. Кричевский, А.К. Маркова, Э.В. Сайко, И.Н. Семенов, Ю.В. Сиягин, С.Ю. Степанов, Е.А. Яблокова и др.). Это способствовало научному обеспечению роста профессионализма, особенно в образовании и управлении как быстро развивающихся и модернизирующихся сферах социальной практики.

Предпосылками воплощения этой инициативы явились, во-первых, богатейший опыт преподавательской деятельности Н.В. Кузьминой в столичном и региональном образовании, во-вторых, творческая рефлексия ею своего многолетнего опыта в контексте системного изучения и развития педагогической одаренности и профессиональных способностей талантливых учащихся и педагогов [13; 14].

В анализе жизнедеятельности Н.В. Кузьминой мы опираемся на методологическую рефлексию опыта развития продуктивной педагогики одаренности и комплексной акмеологии профессионализма и творчества. Этот опыт посчастливилось нам приобрести в 1990-е годы в Российской академии госслужбы при Президенте РФ (ныне РАН-ХиГС) в сотворческом профессиональном общении с Н.В. Кузьминой [1] и с ее соратниками по построению акмеологии (в РАНС: К.А. Абульхановой [1; 34, с. 184–211], А.А. Бодалевым [3; 39], А.А. Деркачем [4], Е.А. Климовым) и с ее коллегами — психологами и педагогами (в ПИ РАО: А.М. Матюшкиным [32], И.В. Дубровиной, А.К. Марковой, Р.Л. Кричевским и др.). Обратимся к историко-наукоедческому анализу жизнедеятельности Н.В. Кузьминой и краткому обобщению достижений ее масштабной и разносторонней психолого-педагогической и научно-организационной деятельности. Жизненный путь Н.В. Кузьминой служит авторитетным прецедентом креативного профессионализма, осуществляемого выдающейся личностью ученого в современном человекознании

и образовании, изучение становления которой является впечатляющим примером для воспитания молодежи [3] и определяет ряд перспективных аспектов развития психологической науки.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ Н.В. КУЗЬМИНОЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЧЕЛОВЕКОЗНАНИИ

Она родилась в семье отца горного инженера и матери фармацевта, прививших дочери с математическими способностями рациональность мышления, трудолюбие и силу воли. Девочка происходит по материнской линии из старинного дворянского рода знаменитого писателя середины XIX в. Всеволода Михайловича Гаршина (предтечи чеховских рассказов), а по отцовской линии является внучатой племянницей первого заместителя Главкома Военно-морского флота СССР адмирала Арсения Григорьевича Головки. Детство урожденной Нины Головки прошло с 1923 г. в главном городе Кабардино-Балкарии Нальчике. В 1942 г. она с золотой медалью окончила среднюю школу и в сентябре 1943 г. поступила в Кабардино-Балкарский педагогический институт, где сначала обучалась на факультете математики, а затем перевелась на факультет русского языка и литературы. Здесь на втором курсе Н.В. Головки познакомилась с фундаментальным учебником “Основы общей психологии” С.Л. Рубинштейна (см. о нем: [34, с. 184–211]), удостоенным в 1943 г. Государственной Сталинской премией, и увлеклась самостоятельным углубленным изучением психологической науки.

После войны Н.В. Головки по приглашению родного дяди академика Академии медицинских наук СССР В.Г. Гаршина переехала в г. Ленинград (ныне Санкт-Петербург). Далее она в декабре 1947 г. перевелась в крупнейший в стране Педагогический институт им. А.И. Герцена (ныне РГПУ), а затем стала учиться на литературном факультете в ЛГУ (ныне СПбГУ). Здесь она вскоре вышла замуж за однокурсника-философа, инвалида войны, бывшего разведчика Е.С. Кузьмина (1921–1993). Он стал ей в счастливом браке единомышленником в сотворческой научной деятельности, для которой Н.В. Кузьмина полвека самоотверженно создавала семейно-бытовые условия. На философском факультете ЛГУ Е.С. Кузьмин разрабатывал основы и методы социальной психологии. Со временем он стал одним из ее основателей (наряду с Б.Г. Ананьевым, Г.М. Андреевой, А.А. Бодалевым, Е.А. Будиловой, А.Л. Журавлевым, Б.Д. Парыгиным,

А.В. Петровским, Е.В. Шороховой, М.Г. Ярошевским и др.) в отечественном обществознании. При поддержке академика Б.Г. Ананьева в ЛГУ профессор Е.С. Кузьмин создал кафедру социальной психологии и интересовался также педагогической психологией и андрагогикой высшей школы [6]. При этом он сотрудничал с супругой Н.В. Кузьминой в разработке социально-психологических аспектов акмеологии и педагогики. В плане семейного научного творчества вместе они воспитали целую династию из трех ученых: двух дочерей — докторов психологических наук и внучки — кандидата психологических наук, продолживших выдающийся род Гаршиных—Головки—Кузьминых.

После окончания с отличием ЛГУ Н.В. Кузьмина в 1947—1950 гг. обучалась в аспирантуре Ленинградского филиала АПН РСФСР, где в секторе педагогической психологии вела диссертационное исследование под руководством профессора ЛГУ Б.Г. Ананьева. В 1950 г. она защитила кандидатскую диссертацию на предложенную им тему “Психолого-педагогический анализ трудностей и успехов в работе молодого учителя начальных классов”. Тем самым определилась первая научно-исследовательская стратегия Н.В. Кузьминой на психолого-педагогическое изучение — в течение 75 лет! — профессиональной деятельности современного учителя. Конструктивная реализация этой стратегии опиралась на многолетний богатейший педагогический опыт работы учителем и преподавателем в средней и высшей школе как в столичном, так и региональном образовании в различных социокультурных и этнических условиях русского Центра и Севера, Нечерноземья и Кавказа. Это потребовало от Н.В. Кузьминой воистину героического характера, изучения обычаев различных народов нашей многонациональной родины, адаптации к их традициям, что стало учитываться ею в реальной практике поликультурного образования задолго до возникновения его в виде актуального направления социально-педагогической психологии.

По государственному распределению в Архангельскую область Н.В. Кузьмина в 1950—1953 гг. в Вельском государственном учительском институте заведовала кафедрой психологии и педагогики в Вельском государственном учительском институте, приобретая научно-организационный опыт. В 1953—1954 гг. она работала в Ленинградском институте усовершенствования учителей, затем в 1954—1956 гг. — старшим преподавателем кафедры педагогики и психологии Первого института иностранных языков. Он в 1956 г. был

объединен с ЛГУ, где Н.В. Кузьмина вплоть до 1984 г. осуществляла педагогическую деятельность. В 1958 г. ей было присвоено звание доцента, а в 1963—1965 гг. она училась в докторантуре и при консультации Б.Г. Ананьева защитила докторскую диссертацию “Психологическая структура деятельности учителя и формирование его личности”. Для исследования разных уровней продуктивности профессионализма учителей (выборку составили 127 человек) Н.В. Кузьмина создала авторские шкалы для измерения основных параметров образовательной деятельности. В 1968 г. ей присвоено ученое звание профессора по кафедре педагогики и педагогической психологии ЛГУ. Она заведовала этой кафедрой до 1984 г. и в 1978 г. была избрана членом-корреспондентом АПН СССР по Отделению высшего образования (а в 1993 г. — по Отделению профессионального образования РАО). Одновременно с преподавательской деятельностью Н.В. Кузьмина с 1969 г. была заместителем председателя (Б.Г. Ананьева) Головного совета по психологическим наукам и психолого-педагогическим проблемам высшей школы при Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР, а с 1972 г. — председателем этого совета. Далее в 1984—1995 гг. Н.В. Кузьмина заведовала лабораторией педагогической психологии Всесоюзного научно-исследовательского института профессионально-технического образования. Здесь в развитие комплексной методологии человекознания Б.Г. Ананьева она обратилась к изучению акмеологической проблематики роста профессионализма взрослых субъектов образовательного труда, что на рубеже 1980—1990-х годов стало актуальным в контексте становления субъектно-деятельностного подхода [34, с. 184—211] в научной школе С.Л. Рубинштейна.

В научно-общественном плане в 1989 г. Н.В. Кузьмина стала инициатором создания Всесоюзной акмеологической ассоциации, которая в 1991 г. была зарегистрирована в Государственном комитете Совета Министров СССР по науке и технике как новая область знаний в системе наук о человеке. В 1992 г. Н.В. Кузьмина стала основателем и первым президентом Академии акмеологических наук. При этом на рубеже 1980—1990-х годов она стимулировала научно-организационные усилия своего ученика А.А. Деркача по созданию в Москве кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности в Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Автор данной статьи с благодарностью вспоминает годы своего сотрудничества с Н.В. Кузьминой по разработке [1] ряда аспектов развития рефлексивно-творческого потенциала психологов и педагогов

с позиций акмеологии и андрагогики, что продолжается нами и ныне [2; 4; 31; 37–39] в контексте модернизации современного образования. На рубеже XX–XXI вв. и донныне Н.В. Кузьмина энергично осуществляет свою интенсивную творческую деятельность по созданию такой инновационной области человекознания, как комплексная акмеология развития профессионализма, с обобщением ее философско-методологических основ и разработкой практически реализующих их акметехнологий [16; 19–23; 26; 27; 30].

В научно-административном плане Н.В. Кузьмина в начале XXI в. продолжала заведовать кафедрами психологии, акмеологии, педагогики в ряде региональных педагогических, технических, физкультурных вузов в городах Ковров (2004–2011), Нальчик (с 2012), Шадринск (1996–2003), Шуя и др. При этом она преподавала курсы психологии, педагогики и акмеологии в ряде университетов: в 2000–2004 гг. на кафедре социальной политики, акмеологии и общественных связей ЛГУ им. А.С. Пушкина; в 2013–2017 гг. на кафедре теории и методики непрерывного профессионального образования факультета подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России., а в 2011–2013 и в 2017–2020 гг. работала ведущим научным сотрудником отдела организации научно-исследовательских работ Смольного института РАО. В настоящее время Н.В. Кузьмина является профессором Института педагогики, психологии и физкультурно-спортивного образования Кабардино-Балкарского государственного университета и президентом Санкт-Петербургской академии акмеологических наук.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ НАУЧНОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ, ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.В. КУЗЬМИНОЙ

Познавательная активность и кипучая энергия выдающейся личности Н.В. Кузьминой, инициативность и креативность ее научной и организационной деятельности позволили ей осуществлять свои фундаментальные и прикладные исследования в течение 75 лет и донныне во множестве разнообразных и взаимосвязанных направлений комплексного человекознания и образовательной практики. Рассмотрим сквозь призму общепсихологического субъектно-деятельностного (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, Л.И. Анцыферова) подхода [34, с. 184–211]

в человекознании с помощью структурно-уровневых средств психолого-акмеологической концепции научного творчества [37–39] и продуктивной психодидактики обеспечения образовательной практики развития одаренности [31] основные направления исследовательской деятельности Н.В. Кузьминой в сфере общей и педагогической психологии, комплексной акмеологии и андрагогики взрослых, а также в процессе совершенствования и организации в ряде вузов современного непрерывного профессионального образования.

В плане его социокультурного проектирования и системного управления исследовательской, методической, организационной деятельностью Н.В. Кузьминой охвачены все такие основные ступени непрерывного образования, как дошкольное [8; 27], школьное [9; 10; 13; 14; 17], среднее специальное [15], высшее [12; 20; 22] и дополнительное профессиональное (повышение квалификации) [23] обучение. При этом ею изучен и охарактеризован профессионализм таких ключевых субъектов современного образования, как родитель, воспитанник и воспитатель детского сада, школьный учитель, учащийся школы и колледжа, мастер производственного обучения, студент вуза (бакалавриата, магистратуры), аспирант, слушатель повышения квалификации, а также декан вуза, ученый-исследователь и литератор-поэт.

Эти социально-организационные разработки осуществлены Н.В. Кузьминой с теоретико-методологических позиций концептуального построения и историко-научного обоснования ею [16; 20; 21; 25; 26] фундаментальных основ такой инновационной комплексной области современного человекознания, как акмеология (Н.А. Рыбников, Б.Г. Ананьев, Н.В. Кузьмина, А.А. Деркач, А.А. Бодалев, К.А. Абульханова, Е.А. Климов, А.К. Маркова и др.) развития творческого мастерства, устремленного к вершинности достижений субъектами профессиональной деятельности [1; 37].

В научно-познавательном плане Н.В. Кузьминой проведены многочисленные циклы психолого-педагогических и системно-акмеологических эмпирических, экспериментальных и прикладных исследований феноменологии акме. В их результате были изучены акмеологические закономерности и разработаны акметехнологии развития профессионализма в различных сферах социальной деятельности [19; 22; 27; 28; 30].

Теоретический анализ и обобщение результатов этих исследований позволили Н.В. Кузьминой монографически [16; 20; 21; 23; 24; 26] концептуализировать предмет, систематизировать и разработать методы акмеологии как комплексной научной

дисциплины, изучающей и развивающей устремленность взрослых субъектов социальных форм деятельности к ее вершинным достижениям в процессе самореализации своего интеллектуально-личностного потенциала и самосовершенствования профессионализма и творчества.

В учебно-методическом плане психодидактическое оснащение прикладной реализации этих теоретико-методологических основ акмеологии обеспечено построением Н.В. Кузьминой различных акметехнологий совершенствования образовательных систем средствами разработанных ею оригинальных методов исследования, диагностики, а также развития компетенций знания [28], педагогической одаренности и способностей [18], профессионализма и мастерства [13; 15], таланта и творчества [14; 23] субъектов образования и разных видов деятельности. Все это обобщено в дидактической системе опубликованных ею методических рекомендаций, практикумов, пособий и учебников [17; 35] по психологии, акмеологии, педагогике.

В плане педагогической модернизации современных образовательных систем разработанные Н.В. Кузьминой акмезнания и реализующие их акметехнологии применяются ею путем, во-первых, непосредственного преподавания в вузах и на курсах повышения квалификации педагогов с опорой на авторские учебники и пособия, методы и рекомендации, во-вторых, опосредованным путем — через психолого-акмеологическую реорганизацию учебно-воспитательного процесса на возглавляемых ею (и ее бывшими аспирантами и учениками) кафедрах психологии, акмеологии и педагогики во множестве столичных и региональных вузов.

ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И УЧЕБНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.В. КУЗЬМИНОЙ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЯ

Этот разнообразный вклад Н.В. Кузьминой определяется, с одной стороны, психолого-педагогическим развитием ею стратегии ее учителя Б.Г. Ананьева (сформулировавшего темы ее кандидатской и докторской диссертаций) на построение человекознания как комплексного антропологического направления современной науки. Его фундаментальным ядром является психология в ансамбле ее междисциплинарных взаимосвязей, а реализация в социальной практике обеспечивается созданием акмеологии как комплексной области

знания, направленной на прикладное психолого-акмеологическое изучение взрослых специалистов и акмеолого-педагогическое обеспечение роста их профессионального мастерства акметехнологиями и методами андрагогики. Созданная Н.В. Кузьминой система акмеологического знания воплотила в жизнь этот аксиолого-методологический завет Б.Г. Ананьева как в ее фундаментальных психолого-акмеологических трудах [9; 10; 13; 16; 20; 21; 26; 30], так и в цикле прикладных разработок [15; 23; 27; 28; 35] по акмеолого-педагогической модернизации современного непрерывного образования на всех его основных ступенях: дошкольном, школьном, среднем специальном, высшем и дополнительном (в виде повышения квалификации специалистов, особенно учителей школ и преподавателей вузов). Так, оригинальные монографии Н.В. Кузьминой по развитию личности и профессиональной деятельности учителей школ и преподавателей вузов не только переиздавались неоднократно [16], но и переводились [7; 10] на ряд иностранных языков.

С другой стороны, эффективность вклада Н.В. Кузьминой в психолого-педагогическую науку определяется ее познавательными интересами и продуктивными откликами на актуальные вызовы социокультурного развития современного человекознания. Так, предложенная Б.Ф. Ломовым перспективная общенаучная стратегия на обогащение психологического познания применением методологических средств системного подхода (А.А. Богданов, М.Я. Басов, Л. Берталанти, В.П. Кузьмин, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин, Г.П. Щедровицкий) была в ИП АН реализована его научной школой общей и инженерной психологии, а применительно к педагогической психологии стала инициативно разрабатываться прежде всего Н.В. Кузьминой и ее научной школой комплексной психологии, акмеологии и педагогики в условиях модернизации образовательной практики [33].

В ответ на актуальный интерес человекознания, возникший в период “оттепели”, к психологии творчества и одаренности (Б.М. Теплов, Б.М. Кедров, М.Г. Ярошевский, Я.А. Пономарев, Н.С. Лейтес, А.В. Брушлинский, В.Н. Пушкин, О.К. Тихомиров и др.), Н.В. Кузьмина — в контексте экспликации тенденций и разработки обеспечения (с А.А. Бодалевым, Е.Ф. Рыбалко [40] и А.М. Матюшкиным [32]) путей развития психологии и образования — сосредоточилась на психолого-педагогическом изучении креативности учащихся и талантливости учителей, обобщив свои исследования их способностей в виде создания оригинальной

психолого-акмеологической концепции педагогической одаренности [7; 10; 13; 14].

Гносеолого-онтологической кульминацией познания проблем творчества в культурологии, психологии, акмеологии, педагогике, андрагогике является классическое социокультурное изучение креативности выдающихся личностей (Т. Карлейль, В. Оствальд, З. Фрейд, Н.А. Веселовский, Б.М. Теплов, Б.М. Кедров, М.Г. Ярошевский). В российском человекознании их научно-междисциплинарное исследование восходит к первопророческим трудам российского нейрофизиолога и праакмеолога Н.Я. Пэрна (см. о нем [4]). В начале XX в. он изучал [36] разработанным им оригинальным (по сути, рефлексивно-персонологическим и системно-наукометрическим) методом возрастную динамику жизнотворчества корифеев европейской и российской философии (Кант, Гете), науки (Ньютон, Либих, Гельмгольц), поэзии (Байрон, Пушкин), литературы (Гоголь, Шиллер), музыки (Бетховен, Моцарт, Глинка), живописи (Рембрант) и других творцов культуры.

В русле этого интереса к познанию вершинности (Л.С. Выготский) психического развития взрослых специалистов в 1928 г. Н.А. Рыбников выдвинул идею о необходимости создания акмеологии (см.: [37]) как науки о человеке возраста расцвета, каковым в культуре Древней Греции почитался акмевзлет его способностей в 40 лет. С учетом этого замысла после войны Б.Г. Ананьев новаторски разрабатывал междисциплинарную методологию комплексного человекознания. В связи с этим он дополнил систему наук о человеке не только изучением его детства, традиционно доминировавшим в отечественной психологии (П.П. Блонский, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, В.В. Зеньковский, А.Ф. Лазурский, А.Н. Леонтьев, А.А. Смирнов, Д.Б. Эльконин и др.), но также акмеологией изучения психики зрелого и геронтологией пожилого возраста. В методологическом плане важно подчеркнуть, что тем самым в построенной Б.Г. Ананьевым системе человекознания конструктивно обозначен психолого-возрастной деколяж таких его комплексных дисциплин, как: педология детства (Ст. Холл, А. Нечаев, М.Я. Басов, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, А.Б. Залкинд, Д.Б. Эльконин), акмеология зрелости (Н.А. Рыбников, Б.Г. Ананьев, Н.В. Кузьмина, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, К.А. Абульханова, В.Г. Асеев, Т.Ф. Базылевич, Е.А. Климов, А.К. Маркова, И.Н. Семенов, Ю.В. Синягин) и геронтология старости (И.И. Мечников, Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, М.В. Гамезо, Е.И. Степанова и др.).

В конце XX в. ученики Б.Г. Ананьева (Н.В. Кузьмина в ЛГУ, А.А. Бодалев в МГУ и ПИ РАО, А.А. Деркач в РАГС и др.) развернули возрастно-акмеологические исследования профессионального мастерства взрослых специалистов различного профиля с учетом достижений психофизиологии, социальной, организационной и педагогической психологии образования и труда [10], управления и творчества [31]. Это привело к констелляции акмеологии [37] как комплексной области человекознания о развитии профессионализма личности взрослого человека. Конструктивный вклад в становление этой социально-возрастной психолого-педагогической науки внесла Н.В. Кузьмина: во-первых, своими фундаментально-прикладными достижениями, особенно в определении предмета акмеологии, в разработку познавательных методов и развивающих профессионализм акметехнологий, в их психолого-исследовательскую и учебно-педагогическую реализацию: во-вторых, благодаря своим пассионарным идеям и кипучей научно-организационной деятельности Н.В. Кузьмина создала психолого-акмеологические институты (акмеологические кафедры, академия, издательства, образовательные центры) с целью профессиональной подготовки научных и педагогических кадров для преподавания в вузах акмеологии и осуществления ее исследовательских и прикладных проектов.

В столичных научных школах [38] Петербурга и Москвы в русле предложенного классиком персонологии Н.Я. Пэрной (см. о нем [4]) и продолженного коллегой Н.В. Кузьминой [40] — также учеником Б.Г. Ананьева — социально-педагогическим психологом А.А. Бодалевым (см. о нем: [39]) акмеолого-личностного изучения индивидуальности выдающихся деятельности науки и культуры [3], Н.В. Кузьмина разработала оригинальный подход к сравнительному анализу с позиций теории акмеологии [16; 20; 21] жизнедеятельности субъектов различных видов творчества: научно-междисциплинарного, художественно-поэтического и образовательно-педагогического [19; 29; 30]. Их изучение было продолжено ее последователями в современных акмеолого-персонологических исследованиях жизнедеятельности психологов и педагогов [1; 4; 5; 39], а также других специалистов [2; 34; 35].

Примерами еще одних инновационных откликов Н.В. Кузьминой на социокультурные запросы быстроразвивающегося общества и прогресса в нем психологического познания является, во-первых, разработка ею синергетических проблем продуктивной педагогики и организация соответствующего

образовательного центра, во-вторых, создание в Санкт-Петербурге научно-общественной ассоциации “Академия акмеологических наук”, президентом которой она является уже три десятилетия. При этом продуктивное значение имеют полувековые [11] разработки Н.В. Кузьминой конкретной методологии взаимодействия таких базовых областей современного человекознания, как психология, акмеология, педагогика, в их инструментально-технологической оснащенности системными методами [24; 33] познавательного-развивающего воздействия на субъектов социальной практики образования и управления. Эвристически содержательные научные книги для специалистов, энциклопедически глубокие лекции для студентов, дидактически эффективные консультации для учителей, публицистически яркие и просветительски полезные выступления для родителей Н.В. Кузьминой всегда вызывают благодарный интерес всех субъектов образования и широкой научной и педагогической общественности.

Под руководством Н.В. Кузьминой защитилось более 250 диссертантов, в том числе 40 докторов педагогических и психологических наук. Большинство из них образуют созданную ею научную школу, одну из крупнейших в современной отечественной общей и педагогической психологии. Выдающиеся достижения Н.В. Кузьминой отмечены присвоением ей таких почетных званий, как Заслуженный деятель науки СССР, Отличник просвещения, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Патриарх российской психологии, а также награждением Золотой медалью “За достижения в науке” РАО.

Как автор десятков книг и множества статей с обоснованием созданной ею оригинальной психолого-акмеологической теории функционирования педагогических систем и системно-акмеологической концепции фундаментального непрерывного образования, Н.В. Кузьмина следующим образом определила предмет акмеологии как науки, изучающей развитие: “...взрослого человека под влиянием и средствами образования — законы, закономерные связи, зависимости между уровнями продуктивности субъектов образования, созидания и самосозидания ими средствами учебных дисциплин духовных продуктов... содействующими и препятствующими самореализации природных потенциалов субъектов, в созидаемых самосозидаемых продуктах, — социально ценных, обеспечивающих самодвижение к акмевершинам...” [20, с. 37]. Ныне эти системно-акмеологические идеи конструктивно развиваются ею и ее учениками в петербургской и московской научных школах акмеологии,

реализующих это оригинальное фундаментально-прикладное направление российской психолого-педагогической науки и современного человекознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А., Кузьмина Н.В., Семенов И.Н. Основы общей и прикладной акмеологии / Под ред. А.А. Деркача, Н.В. Кузьминой. М.: РАО, 1994; М.: РАГС, 1998.
2. Акмеология, политология и педагогика социального развития и профессионального образования / Отв. ред. Т.С. Болховитина, И.Н. Семенов. М.; Брянск: ЦНТИ, 2002.
3. Бодаев А.А. Качества личности великих или выдающихся как ориентир для воспитания молодежи // Мир образования — образование в мире. 2004. № 1. С. 5–12.
4. Деркач А.А., Семенов И.Н., Балаева А.В. Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности. М.: РАГС, 2005.
5. Исследования гуманитарных систем. Вып. 1. Теория педагогической системы Н.В. Кузьминой: генезис и следствия / Под ред. В.П. Бедерхановой; сост. А.А. Остапенко. Краснодар: Парабеллум, 2013.
6. Кузьмин Е.С. Психология — производству и воспитанию. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
7. Кузьмина Н.В. Формирование педагогических способностей. Л.: ЛГУ, 1951, 1966 (пер. на венгер. яз., Будапешт, 1963; на англ. язык, Лондон, 1963).
8. Кузьмина Н.В. Наука о воспитании детей в семье. Л., 1963.
9. Кузьмина Н.В. Психологическая структура деятельности учителя и формирование его личности: В 3 т. Л., 1964.
10. Кузьмина Н.В. Очерки психологии труда учителя (Психологическая структура деятельности учителя и формирование его личности). Л.: ЛГУ, 1967 (всего 17 изданий; пер. на нем. яз., Лейпциг, 1975).
11. Кузьмина Н.В. Методы исследования педагогической деятельности. Л.: ЛГУ, 1970.
12. Кузьмина Н.В. Проблемы обучения и воспитания студентов в вузе. Л.: ЛГУ, 1976.
13. Кузьмина Н.В. Педагогическое мастерство учителя как фактор развития способностей учащихся // Вопросы психологии. 1984. № 1. с. 20–27.
14. Кузьмина Н.В. Способности, одаренность, талант учителя. Л., 1985.
15. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. ВНИИ проф.-тех. образования. М.: Высшая школа, 1990.

16. Кузьмина Н.В. Предмет акмеологии. СПб.: 1995; СПб.: Политехника, 2002.
17. Кузьмина Н.В., Карпов В.В., Варфоломеева Л.Е. Согласование требований государственных стандартов к уровню подготовки воспитателей, учителей, преподавателей. М.: ИЦПКПС, 1998.
18. Кузьмина Н.В., Бодалев А.А., Семенов И.Н. Акмеология: методология, методы и технологии: Материалы научной сессии, посвященной 75-летию члена-корреспондента РАО, президента Международной академии акмеологических наук Нины Васильевны Кузьминой / Под ред. А.А. Деркача. М.: РАГС, 1998. 279 с.
19. Кузьмина Н.В. Акмеологическое исследование медико-биологического и поэтического творчества двух ученых — английского и российского. Шуя: ШГПУ, 2001.
20. Кузьмина Н.В. Акмеологическая теория фундаментального образования в опыте талантливых преподавателей. СПб.: Изд-во НУ Центр стратегических исследований, 2013.
21. Кузьмина Н.В., Джига Н.В., Жаринова Е.Н. Акмеология: теория, практика и перспективы развития / под ред. Н.В. Кузьминой, Е.Н. Жариновой. СПб.: Изд-во НУ Центр стратегических исследований, 2018.
22. Кузьмина Н.В., Панасенко Л.П., Жаринова Е.Н. Влияние академической группы на учебную успешность студентов. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.: Центр стратегических исследований, 2019.
23. Кузьмина Н.В., Варфоломеева Л.Е., Жаринова Е.Н. Акмеологические основы развития коммуникативной культуры и творческой готовности бакалавра, магистра, специалиста: Монография / Отв. ред. Н.В. Кузьмина. Смольный ин-т РАО. СПб.: Изд-во НУ Центр стратегических исследований, 2015.
24. Кузьмина Н.В., Жаринова Е.Н. Методы исследования образовательных систем: Монография. Российская академия образования, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. СПб.: НУ “Центр стратегических исследований”, 2018.
25. Кузьмина Н.В., Жаринова Е.Н. История исследований педагогической деятельности. СПб.: Изд-во НУ Центр стратегических исследований, 2020.
26. Кузьмина Н.В., Жаринова Е.Н. Акмеология: методологические и методические проблемы. СПб., 2021.
27. Кузьмина Н.В., Колушова (Ищик) Л.В., Жаринова Е.Н. Акмеологические факторы продуктивности и профессионализма воспитателя детского сада. Российская академия образования, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Смольный институт РАО, Общественная академия акмеологических наук. СПб.: Центр стратегических исследований, 2018.
28. Кузьмина Н.В., Максимова Э.А., Жаринова Е.Н. Понятие знаний и компетенций учителя иностранного языка: монография / АНО ВО Смольный институт РАО, Санкт-Петербургская общественная научно-исследовательская организация “Общественная академия акмеологических наук”. СПб.: Изд-во НУ Центр стратегических исследований, 2019.
29. Кузьмина Н.В., Руднева Т.И. Декан: деятельность и личность. Самара, 2021.
30. Кузьмина-Гаршина Н.В., Лунева Л.Ф. Опыт акмеологического исследования творчества ученого-преподавателя-поэта / Под ред. А.А. Деркача. Шуя: ШГПУ, 2000.
31. Ларионова Л.И., Савенков А.И., Семенов И.Н. Концептуально-персонологическая дифференциация основных направлений современной психологии и педагогики одаренности // Психология одаренности и творчества: Сборник научных трудов участников III Межд. научно-практич. онлайн-конф. Москва, ИППО МГПУ, 15–17 ноября 2021 г. // Науч. ред. А.И. Савенков, В.М. Поставнев. М., 2021. С. 7–12.
32. Матюшкин А.М., Кузьмина Н.В. Современное состояние и задачи детской, возрастной и педагогической психологии // Вопросы психологии. 1983. № 6. С. 5–15.
33. Методы системного педагогического исследования: Учеб. пособие / Под ред. Н.В. Кузьминой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
34. Научные подходы в современной отечественной психологии: Коллективная монография / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: ИП РАН, 2023.
35. Паутова Л.Е., Кузьмина Н.В., Жаринова Е.Н. (ред.). Акмеология развития. Методологические и методические проблемы. (Аспирантура, Бакалавриат, Магистратура): Сборник статей. Вып. 39. СПб., 2022.
36. Пэрна Н.Я. Ритм жизни и творчества / Под ред. проф. П.Ю. Шмидта. М.; Л.: Петроград, 1925.
37. Семенов И.Н. Акмеология — новое направление комплексных исследований в современном человекознании // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 134–142.
38. Семенов И.Н. Взаимодействие московской и петербургской научных школ психологии // Психология перед вызовом будущего. М.: МГУ, 2006. С. 61–63.
39. Семенов И.Н. Рефлексивная персонология жизнедеятельности А.А. Бодалева и его вклад в психологию общения, акмеологию творчества и педагогику воспитания (К 100-летию юбилею) // Известия РАО. 2023. № 1. С. 363–399.
40. Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы: Межвузовский сборник. Вып. 4 / Под ред. А.А. Бодалева, Н.В. Кузьминой, Е.Ф. Рыбалко. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.

THE DEVELOPMENT OF GENERAL AND PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY IN COOPERATION WITH THE ACADEMIC PHILOSOPHY OF ENSURING CREATIVE PROFESSIONALISM (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF N. V. KUZMINA)

I. N. Semenov

Moscow City University;

129226, Moscow, Vtoroy Selskhozajstvenny proezd, 4, Russia.

*ScD (Psychology), Professor, Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Psychology Department,
Institute of Pedagogy and Psychology of Education.*

E-mail: i_samenov@mail.ru

Received 23.10.2023

Abstract. The article analyzes the interaction of the St. Petersburg and Moscow scientific schools of psychological and pedagogical study and the development of professionalism from the standpoint of its systemic-acmeological concept developed by the elder of Russian human studies N.V. Kuzmina in cooperation with one of the founders of Russian social psychology E.S. Kuzmin. In connection with the centenary of the author of this concept, the article for the first time characterizes the main milestones of the life of the outstanding Russian scientist N.V. Kuzmina and summarizes the fundamental and applied and organizational and pedagogical achievements of her activities from the standpoint of the interaction of subject-activity and institutional-personological approaches to the study of scientific creativity. The constructive contribution of N.V. Kuzmina to the socio-pedagogical study of the actual problems of the development of professionalism by such innovative means as psychological and acmeological knowledge and methods of psychodidactics developed by her is shown.

Keywords: psychology, acmeology, pedagogy, education, student, teacher, scientist, concept, method, development, activity, professionalism, skill, cottage cheese, N.V. Kuzmina, B.G. Ananyev, A.A. Bodalev, E.S. Kuzmin, N.Ya. Perna.

REFERENCES

1. *Abulkhanova K.A., Kuzmina N.V., Semenov I.N.* Fundamentals of general and applied acmeology. Ed. A.A. Derkach. Moscow: RAU, 1994; Moscow: RAGS, 1998. (In Russian)
2. Acmeology, political science and pedagogy of social development and vocational education. Ed. by T.S. Bolkhovitina, I.N. Semenov. Moscow; Bryansk: TsNTI, 2002. (In Russian)
3. *Bodalev A.A.* Personality qualities of the great or outstanding as a guideline for the education of young people. The world of education — education in the world. 2004. № 1. P. 5–12. (In Russian)
4. *Derkach A.A., Semenov I.N., Balaeva A.V.* Reflexive acmeology of creative individuality. Moscow: RAGS, 2005. (In Russian)
5. Studies of humanitarian systems. Iss. 1. Theory of the pedagogical system by N.V. Kuzmina: genesis and consequences. Ed. V.P. Bederkhanova, comp. A.A. Ostapenko. Krasnodar: Parabellum, 2013. (In Russian)
6. *Kuzmin E.S.* Psychology — production and education. Leningrad: LSU Publishing House, 1977. (In Russian)
7. *Kuzmina N.V.* Formation of pedagogical abilities. Leningrad: LSU, 1961; 1966 (translated into Hungarian, Budapest, 1963; into English, London, 1963). (In Russian)
8. *Kuzmina N.V.* The science of raising children in the family. Leningrad, 1963. (In Russian)
9. *Kuzmina N.V.* The psychological structure of the teacher's activity and the formation of his personality: in 3 volumes. Leningrad: 1964. (In Russian)
10. *Kuzmina N.V.* Essays on the psychology of the teacher's work (The psychological structure of the teacher's activity and the formation of his personality). Leningrad: LSU, 1967 (17 editions in total; per. on it. yaz., Leipzig, 1975). (In Russian)
11. *Kuzmina N.V.* Methods of research of pedagogical activity. Leningrad: LSU, 1970. (In Russian)
12. *Kuzmina N.V.* Problems of teaching and educating students in higher education. Leningrad: LSU, 1976. (In Russian)
13. *Kuzmina N.V.* Pedagogical skills of a teacher as a factor in the development of students' abilities. Questions of psychology. 1984. № 1. P. 20–27. (In Russian)
14. *Kuzmina N.V.* Abilities, giftedness, talent of the teacher. Leningrad, 1985. (In Russian)

15. *Kuzmina N.V.* Professionalism of the personality of the teacher and the master of industrial training. VNI Prof.-tech. education. Moscow: Higher School, 1990. (In Russian)
16. *Kuzmina N.V.* Subject of acmeology. St. Petersburg: 1995; 2002. (In Russian)
17. *Kuzmina N.V.* (co-author). Coordination of the requirements of state standards to the level of training of educators, teachers, teachers. Moscow: ICPKPS, 1998. (In Russian)
18. *Kuzmina N.V.* Acmeology: methodology, methods and technologies. Materials of the scientific session dedicated to the 75th anniversary of corresponding member of the RAO, President of the International Academy of Acmeological Sciences Nina Vasilievna Kuzmina. N.V. Kuzmina, A.A. Bodalev, I.N. Semenov. Ed. A.A. Derkach. Moscow: RAGS, 1998. 279 p. (In Russian)
19. *Kuzmina N.V.* Acmeological research of medical-biological and poetic creativity of two scientists — English and Russian. Shuya: SHSPU, 2001. (In Russian)
20. *Kuzmina N.V.* Acmeological theory of fundamental education in the experience of talented teachers. St. Petersburg: Publishing House of NU Center for Strategic Studies, 2013. (In Russian)
21. *Kuzmina N.V.* Acmeology: theory, practice and prospects of development. St. Petersburg: Publishing House of NU Center for Strategic Studies, 2018. (In Russian)
22. *Kuzmina N.V.* The influence of an academic group on the academic success of students. St. Petersburg: Publishing House of NU Center for Strategic Studies, 2019. (In Russian)
23. *Kuzmina N.V., Varfolomeeva L.E., Zharinova E.N.* Acmeological foundations of the development of communicative culture and creative readiness of bachelor, master, specialist: monograph. Ed. N.V. Kuzmina. Smolny Institute of RAO. St. Petersburg: Publishing House of NU Center for Strategic Studies, 2015. (In Russian)
24. *Kuzmina N.V., Zharinova E.N.* Methods of research of educational systems. Mrnrafiya. RAO, Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Leningrad: St. Petersburg: Publishing House of NU Center for Strategic Studies, 2018. (In Russian)
25. *Kuzmina N.V., Zharinova E.N.* History of research of pedagogical activity. Saint Petersburg: Publishing House of NU Center for Strategic Studies, 2020. (In Russian)
26. *Kuzmina N.V., Zharinova E.N.* Acmeology: methodological and methodological problems. St. Petersburg, 2021. (In Russian)
27. *Kuzmina N.V., Kolushova L.V., Zharinova E.N.* Acmeological factors of productivity and professionalism of a kindergarten teacher: monograph. RVO, LSU named after A.S. Pushkin. St. Petersburg: Publishing House of NU Center for Strategic Studies, 2018. (In Russian)
28. *Kuzmina N.V., Maksimova E.A., Zharinova E.N.* The concept of knowledge and competencies of a foreign language teacher: monograph. ANO IN Smolny Institute of RAO, St. Petersburg Public Research Organization “Public Academy of Acmeological Sciences”. St. Petersburg: Publishing house of NU Center for Strategic Studies, 2019. (In Russian)
29. *Kuzmina N.V., Rudneva T.I.* Dean: activity and personality. Samara, 2021. (In Russian)
30. *Kuzmina-Garshina N.V., Luneva L.F.* Experience of acmeological research of creativity of a scientist-teacher-poet. Ed. by A.A. Derkach. Shuya: SHSPU, 2000. (In Russian)
31. *Larionova L.I., Savenkov A.I., Semenov I.N.* Conceptual and personological differentiation of the main directions of modern psychology and pedagogy of giftedness. Psychology of giftedness and creativity. Collection of scientific papers of participants of the III International scientific and practical. online conf. Moscow, IPPO MSPU, November 15–17, 2021. Eds. A.I. Savenkov, V.M. Postavnev. Moscow, 2021. P. 7–12. (In Russian)
32. *Matyushkin A.M., Kuzmina N.V.* Current state and tasks of child, age and pedagogical psychology. Questions of psychology. 1983. № 6. P. 5–15. (In Russian)
33. *Methods of system pedagogical research: Textbook* Ed. N.V. Kuzmina. Leningrad: Publishing House of LSU, 1980. (In Russian)
34. *Scientific approaches of the modern Russian psychology.* Collective monograph. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilenskaya. Moscow: IP RAS, 2023. (In Russian)
35. *Fundamentals of university pedagogy: Textbook for university students.* Leningr. state un-T. The head council on psychology.-ped. problems are higher. Min-wa higher schools. and Wednesday. spec. education of the RSFSR. Ed. N.V. Kuzmina, Leningrad: LSU Publishing House, 1972. (In Russian)
36. *Perna N.Ya.* Life, rhythm, creativity. Moscow: Petrograd, 1925. (In Russian)
37. *Semenov I.N.* Acmeology a new direction of complex research in modern human studies. Social Sciences and modernity. 1998. № 3. P. 134–142. (In Russian)
38. *Semenov I.N.* Interaction of the Moscow and St. Petersburg scientific schools of psychology. Psychology before the challenge of the future. Moscow: MSU, 2007. P. 61–63. (In Russian)
39. *Semenov I.N.* Reflexive personology of vital activity of A.A. Bodaleva and his contribution to the psychology of communication, acmeology of creativity and pedagogy of education (To the 100th anniversary). Izvestia RAO. 2023. № 1. P. 363–399. (In Russian)
40. *Modern psychological and pedagogical problems of higher education: interuniversity collection.* Iss. 4. Eds. A.A. Bodaleva, N.V. Kuzmina, E.F. Rybalko. Leningrad: Publishing House of LSU, 1978. (Moscow Higher. and Wednesday. spec. education of the RSFSR). (In Russian)

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК: 159.9:62

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТА И ДИНАМИКА АКТУАЛИЗАЦИИ УСЛОВИЙ СРЕДЫ КАК РЕСУРСОВ¹

© 2023 г. В. А. Толочек

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории труда,
инженерной психологии и эргономики.

E-mail: tolochekva@mail.ru

Поступила 26.02.2023

Аннотация. Цель исследования — изучение связей динамики профессионального становления субъекта на протяжении трудовой жизни и условий социальной среды, актуализируемых как ресурсы. Гипотезы: 1. Условия социальной среды, актуализируемые как ресурсы на разных этапах профессионального становления субъекта, могут изменять силу влияния и валентность (знак). 2. В разных профессиональных сферах условия среды как ресурсы субъекта различаются. 3. У лиц с разной успешностью “вертикальной карьеры” условия среды как ресурсы субъекта различаются. 4. Различаются связи динамики становления и актуализируемых ресурсов у представителей сфер деятельности с “высокой” и “плоской” иерархией должностного продвижения. Использовалась авторская методика “Динамика стиля профессиональной жизни”. Респонденты оценивали в баллах (от 0 до 8) условия социальной среды как “факторы профессионализма”, динамику своего профессионализма от 20 до 65 лет (ретроспективно и проспективно), фиксировались их социально-демографические и служебно-должностные характеристики. Опрошено 567 человек — 306 мужчин и 261 женщины в возрасте 30–50 лет — 132 государственных служащих, 221 менеджер, 129 инженеров и руководителей подразделений промышленных предприятий, 85 учителей. Анализировались особенности актуализации условий социальной среды как интересубъектных и внесубъектных ресурсов; использовалась описательная статистика, *t*-сравнение для независимых групп и множественный регрессионный анализ (МРА), метод Forward (прямой). Представители четырех групп (госслужащие, инженеры, менеджеры, учителя) были сходными по их социально-демографическим характеристикам — по возрасту ($M = 40.7$, $SD = 9.8$), стажу работы ($M = 19.8$, $SD = 10.1$), стажу управленческой деятельности ($M = 7.7$, $SD = 8.7$), 424 человека состояли в браке (75%), среднее число детей — 1.3; они занимали должности от рядового специалиста до заместителя министра (в баллах анкеты — от 3 до 8; $M = 3.7$, $SD = 1.5$); сходными были и особенности их родительской семьи; оценки ими субъективной значимости условий среды как “факторов профессионализма” находились в интервале от 0 до 8 по большей части анализируемых переменных. Динамика профессионального становления субъекта (ПСС) характеризовалась повышением уровня профессионализма до 50 лет и последующим его понижением при умеренной межиндивидуальной вариативности, различающимся у представителей разных профессиональных групп. Более выраженно различались актуализируемые ими условия среды как ресурсы от 20 до 65 лет. Выводы: 1. На протяжении трудовой жизни человека условия социальной среды избирательно актуализируются как ресурсы, на разных этапах становления профессионализма изменяют силу влияния и валентность (знак). 2. Избирательное (а не суммарное) воздействие условий среды как ресурсов различается у представителей разных профессиональных сфер, разных социальных групп. 3. У представителей сфер деятельности с “высокой иерархией” — большого числа позиций должностного продвижения (государственных служащих, инженеров промышленных предприятий, менеджеров коммерческих организаций) и “плоской иерархией” — ограниченного числа позиций (учителей) различаются связи динамики их профессионального становления и актуализируемых условий среды как ресурсов; такие связи также различаются у лиц с разной успешностью “вертикальной карьеры” (специалистов и руководителей).

Ключевые слова: профессиональное становление, динамика, актуализация, ресурсы, среда, условия, эффективность деятельности, успешность субъекта.

DOI: 10.31857/S020595920029009-5

¹ Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием № 0138-2021-0010 “Регуляция профессионального взаимодействия в условиях организационных и технологических вызовов”.

ВВЕДЕНИЕ

Ресурсы — один из широко изучаемых феноменов в последние десятилетия в зарубежной и отечественной психологии. За этим понятием закрепилось множество смысловых контекстов, косвенно отраженных в определениях, предложенных разными учеными. Оно используется как для описания и объяснения успешности и/или неуспешности людей в профессионально-трудовой деятельности, выбора профессии и самореализации в ней, выбора стратегий поведения в стрессовых ситуациях, в семьях с приемными детьми, с детьми-инвалидами, в состоянии безработицы, ситуаций обучения детей с ОВЗ, освоения ими профессии и др. [1; 2; 6; 9; 17].

В процессе изучения феномена “ресурсы” в психологии выделились два основных подхода. Представители первого рассматривают ресурсы как нечто, уже имеющееся у человека, у его окружения, нечто потенциально доступное человеку и что он достаточно легко и гибко может использовать для достижения своих целей; ресурсы есть нечто рядоположенное компонентам функциональной системы человека; включение и использование новых, дополнительных ресурсов есть акты приращения, прибавления, количественного усиления системы [1; 7–9; 17–25]. Согласно данной точке зрения в объем понятия “ресурсы” входят: 1) индивидуальные особенности человека, его свойства (индивидуальные и личностные); 2) умения, навыки, знания, стратегии, стили, сформированные в процессе овладения социальным опытом; 3) сложившиеся социальные сети, в которые человек включен (отношения с близкими людьми, возможность использования социальных институтов и т.п.). Соответственно, в представленном многообразии различаются три основные группы: интрасубъектные ресурсы, интерсубъектные и внесубъектные [11; 14; 15; 26]. Особенности второго подхода: ресурсы выступают в качестве “внутренних условий” человека и/или внешних условий, которые могут им ситуативно актуализироваться и использоваться, увеличивая его возможности в решении актуальных задач. Ресурсы способствуют поддержанию функционального состояния систем на требуемом уровне и/или переходу человека на новый уровень социального функционирования. Согласно второй точке зрения ресурсы проявляются как процессы, формирующие и/или поддерживающие требуемые функциональные состояния субъекта; они выступают в роли катализаторов преобразований, способствующих качественным перестройкам функциональных систем [11; 13; 16].

Согласно первому подходу ресурсы есть некоторые инварианты, которые продолжительное время сохраняют и/или восстанавливают свою значимость “подпитки” возможностей человека — возможностей его функциональных систем и жизнеспособности в целом; разные ресурсы бесконфликтно интегрируются между собой, легко конвертируются для решения разных социальных задач (для описания таких метаморфоз привлекают понятия “накопление”, “интеграция”, “усиление” ресурсов); разные ресурсы универсальны и равно пригодны для всех людей, находящихся в разных ситуациях, решающих разные задачи; разные ресурсы дают сходные социальные эффекты, обеспечивают успешность решения разных задач; высказывается предположение о том, что сочетание, суммирование разных ресурсов обеспечивают большие количественные изменения и эффекты (в деятельности, в совладании со сложными жизненными ситуациями и пр.).

Согласно второму подходу ресурсы как уникальные явления действуют или, вернее, проявляются эпизодически как процессы, быстро начинающиеся и завершающиеся, происходящие с той или иной степенью вероятности и интенсивности. Ресурсы вызывают специфические эффекты “здесь и теперь” лишь у конкретных людей, в определенных ситуациях их жизнедеятельности; ресурсы есть нечто, порождающее некоторый импульс, приводящий к изменениям функциональной системы. Решающую роль при этом играют “моменты” сочетаемости структур функциональных систем человека и условий среды — сочетаемости, при которой некоторые из условий внутренней и/или внешней среды проявляются, актуализируются как ресурсы. В логике второго подхода ученые рассматривают ресурсы прежде всего как особую организацию психических свойств, как структуры их связей, согласованные со структурами социальной среды, в том числе с особенностями поведения и деятельности других людей (“учитель — метод — ученик” [5], “тренер — спортсмен — стиль деятельности” [14], “вышестоящий руководитель — руководитель — нижестоящий руководитель (подчиненный) — распределение функций управления” [15]; “тест — ученик — поведение экспериментатора” [4]).

Феномен ресурсов объясняется складывающейся своеобразной новой экологией взаимодействия внутреннего и внешнего, когда условия окружения по-новому “заявляют о себе”, по-новому воспринимаются человеком, открываются им в их новом значении, что приводит к соответствующим перестройкам внутреннего; актуализированные

условия среды становятся ресурсами, ситуативно выступают в своем дополнительном качестве; по психологическим механизмам ресурсы есть нечто, сходное с феноменом “инсайта” по Я.А. Пономареву, с феноменом “распредмечивания” человеком смыслового содержания фрагментов социальной действительности по А.В. Петровскому.

При широких исследованиях феномена в зарубежной и отечественной психологии остаются открытые вопросы, среди которых назовем несколько. Феномен ресурсов изучается преимущественно в отношении социальной успешности человека, но не эффективности его профессионально-трудовой деятельности (связей динамики профессионального становления субъекта и актуализируемых ресурсов на протяжении жизни; динамики и связей в разных сферах деятельности; динамики становления профессионализма и карьерного роста; связей динамики становления и актуализируемых ресурсов у представителей сфер деятельности с “высокой” и “плоской” иерархией должностного продвижения; изучаются колебания, точнее, лишь срывы социальной успешности ординарного специалиста, а не профессионала высокого класса). Ряд этих вопросов определял цель и рабочие гипотезы (во многом являющиеся продолжением цикла наших исследований [11–13; 16]), методы и группы обследуемых.

МЕТОДИКА

Различия людей в их восприятии социального окружения стало характерным предметом в зарубежной и отечественной психологии [3; 7; 9; 10]. В нашем исследовании анализировались особенности видения человеком динамики изменений составляющих его профессионализма.

Цель исследования — изучение связей динамики профессионального становления субъекта на протяжении трудовой жизни и условий социальной среды, актуализируемых как ресурсов.

Гипотезы:

1. Условия социальной среды, актуализируемые как ресурсы на разных этапах профессионального становления субъекта, могут изменять силу влияния и валентность (знак).
2. В разных профессиональных сферах условия среды как ресурсы субъекта различаются.
3. У лиц с разной успешностью “вертикальной карьеры” условия среды как ресурсы субъекта различаются.
4. Различаются связи динамики становления и актуализируемых ресурсов у представителей

сфер деятельности с “высокой” и “плоской” иерархией должностного продвижения.

Участники исследования. В ситуациях платных форм профессионального обучения (получение второго высшего образования, на семинарах, тренингах) было опрошено 567 человек (306 мужчин и 261 женщина в возрасте 30–50 лет — 132 государственных служащих, 221 менеджер, 129 инженеров и руководителей подразделений промышленных предприятий, 85 учителей).

Дизайн исследования. В настоящем цикле НИР анализировались особенности актуализации условий социальной среды как интересубъектных и внесубъектных ресурсов. Использовалась авторская методика “Динамика стиля профессиональной жизни” [12; 13]. Респондентам как экспертам предлагалось оценить субъективную значимость для них условий социальной среды как “факторов профессионализма”, динамику изменений своего профессионализма и его составляющих в 9-балльной шкале — от 0 до 8 баллов в разные возрастные периоды ретроспективно и проспективно — как пройденные, прожитые, т.е. от 20 лет до актуального возраста, так и прогнозируемые, ожидаемые изменения в будущем — до 65 лет и старше; нами также учитывались социально-демографические и служебно-должностные характеристики обследуемых.

Основным методом параметрической статистики избраны описательная статистика, *t*-сравнение для независимых групп, множественный регрессионный анализ (МРА) — метод Forward (прямой). Избранный прием позволял пошагово включать переменные (анализируемые условия среды как предикторы) с проверкой на значимость (не ниже $p = 0.95$) их корреляции с критерием (уровнем профессионализма в 20 лет, 25, 30 и т.д.) последовательно в порядке возрастания p -уровня. Коэффициент множественной корреляции r отражал меру связи совокупности отобранных независимых переменных и зависимой переменной; r^2 или R — меру детерминации (в табл. 2 они нами не приводятся и не обсуждаются); стандартные коэффициенты при переменных — относительную степень влияния каждого из предикторов на зависимую переменную.

Наличный эмпирический материал позволял многократно делить общую выборку (567 человек) на группы (пол, должность, профессиональная сфера, возраст, стаж, полнота самореализации в семье и др.). Основанием для принятия/отклонения гипотез выступали изменения: а) меры связи между переменными; б) коэффициентов при

переменных; в) коэффициентов множественной регрессии.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Согласно описательной статистике, возраст обследуемых был в интервале 30–50 лет ($M = 40.7$, $SD = 9.8$), стаж работы ($M = 19.8$, $SD = 10.1$), стаж управленческой деятельности ($M = 7.7$, $SD = 8.7$), 424 человека состояли в браке (75%), среднее число детей — 1.3; они занимали должности от рядового специалиста до заместителя министра (в баллах анкеты — от 3 до 8; $M = 3.7$, $SD = 1.5$); оценки ими субъективной значимости условий среды как “факторов профессионализма” находились в интервале от 0 до 8 по большей части анализируемых переменных; уровень образования их родителей и занимаемые ими должности также находились в широком интервале. В целом по социально-демографическим и служебно-должностным характеристикам новая выборка была сходной с изучаемыми ранее [12; 13], но значительно больше по размеру; все четыре подвыборки (госслужащих, инженеров, менеджеров, учителей) также были сходными, что позволяло сопоставлять результаты всего цикла исследований.

В основном наши ожидания подтвердились. Все четыре подвыборки имели выраженные особенности в динамике ПСС, в субъективной значимости разных условий среды и связи последних с динамикой, в относительном “весе” разных условий как детерминант ПСС. Согласно статистикам, явно различались динамика и значимые условия среды у представителей профессиональной сферы

с “низкой иерархией” (учителя) и “высокой иерархией” (госслужащие, инженеры, менеджеры). Во всех подвыборках имели место высокая межиндивидуальная вариативность анализируемых переменных и широкий диапазон шкалы оценок, используемых респондентами. Средние и стандартные отклонения, асимметрия и эксцесс были в приемлемых границах, что позволяло как проверять, так и выдвигать гипотезы. В отношении частных результатов выделим общее и особенное.

Выборка учителей характеризовалась последовательным возрастанием уровня профессионализма до “рубежа” 50 лет и его последовательным понижением в последующем наряду с возрастанием межиндивидуальной вариативности от 50 до 65 лет (табл. 1). Минимум связей с актуальным социальным окружением, чаще — при негативной роли последних в динамике профессионализма (табл. 2). Более высокие коэффициенты корреляции и коэффициенты при предикторах — до 0.5; их общие закономерности: жесткие, тесные связи, что указывает на низкую социальную успешность людей. Должность и стаж управленческой деятельности и работы выступают как негативные факторы, т.е., даже у лучших учителей, выдвигаемых на должности завуча и директора, “сохранивших верность школе”, их семья (точнее, их дети) выступают условиями, понижающими динамику ПСС. В конце карьеры у учителей “отрицательные вклады” вносят и место жительства. Мегаполис с его огромными возможностями для роста и развития человека, скорее, утомляет учителей, чем создает благоприятные предпосылки для их восприятия себя как профессионала. Число значимых предикторов уменьшается к завершению карьеры, на всем

Таблица 1. Динамика изменений профессионализма государственных служащих, инженеров, менеджеров, учителей на протяжении профессиональной карьеры (20–65 лет)

Возраст, лет	<i>M1</i>	<i>SD1</i>	<i>M2</i>	<i>SD2</i>	<i>M3</i>	<i>SD3</i>	<i>M4</i>	<i>SD4</i>	<i>M5</i>	<i>SD5</i>	<i>M6</i>	<i>SD6</i>
20	1.4	0.8	2.3	1.4	1.7	1.1	2.1	1.5	1.9	1.4	1.9	1.2
25	3.1	1.0	3.8	1.4	3.5	1.3	3.3	1.5	3.4	1.4	3.6	1.3
30	4.4	1.0	5.2	1.5	4.8	1.3	4.5	1.5	4.8	1.5	5.0	1.3
35	5.5	1.1	6.1	1.3	5.7	1.5	5.3	1.4	5.6	1.4	6.0	1.2
40	6.5	1.0	6.7	1.1	6.3	1.5	6.0	1.4	6.3	1.3	6.7	1.0
45	7.1	0.8	7.1	0.9	6.7	1.3	6.7	1.1	6.8	1.1	7.2	0.9
50	7.4	0.8	7.3	0.9	7.0	1.2	7.3	0.8	7.1	1.0	7.5	0.7
55	7.2	0.9	7.1	0.9	7.0	1.1	7.3	0.8	7.0	1.1	7.5	0.7
60	6.6	1.2	6.7	1.0	6.8	1.3	6.7	1.0	6.5	1.2	7.0	0.9
65+	5.8	1.3	6.0	1.1	6.2	1.3	6.1	1.4	5.8	1.3	6.4	1.0
Профессиональные группы, человек	132	132	221	221	129	129	85	85	1	299	3	173

Примечание. 1 — государственные служащие; 2 — менеджеры; 3 — инженеры; 4 — учителя; 5 — специалисты; 6 — руководители *M* — средние, *SD* — стандартные отклонения; полужирным выделены переменные, имеющие статистически значимые различия не менее $p > 0.01$ (полужирным курсивом — не менее $p > 0.05$) между госслужащими и учителями; менеджерами и учителями; инженерами и учителями; специалистами и руководителями.

Таблица 2. Уравнения МРА: динамика изменений детерминант профессионализма государственных служащих, инженеров, менеджеров, учителей на протяжении профессиональной карьеры (20–65 лет) (внесубъектные ресурсы)

Уравнения МРА: государственные служащие	<i>r</i>
20 лет = $1.232 + 0.087$ Роль мужчин + 0.104 Должность – 0.165 Образование матери – 0.055 Роль родственников	0.398
25 лет = $2.383 + 0.157$ Должность + 0.068 Роль мужчин – 0.101 Роль родственников	0.359
30 лет = ни одна из переменных не включена в уравнение	–
35 лет = $4.917 + 0.103$ Роль матери	0.359
40 лет = ни одна из переменных не включена в уравнение	–
45 лет = $7.482 + 0.094$ Должность + 0.074 Роль женщин – 0.067 Роль религии – 0.078 Роль родственников – 0.139 Образование отца	0.370
50 лет = $7.027 + 0.128$ Должность + 0.073 Роль женщин + 0.025 Стаж работы – 0.096 Роль родственников	0.424
55 лет = $6.099 + 0.173$ Должность + 0.082 Роль женщин	0.506
60 лет = $5.077 + 0.361$ Должность + 0.117 Роль женщин – 0.138 Роль религии	0.543
65 лет = $3.812 + 0.397$ Должность + 0.131 Роль женщин – 0.106 Роль религии	0.578
Уравнения МРА: инженеры	<i>r</i>
20 лет = $0.606 + 0.200$ Роль искусства + 0.182 Роль науки	0.446
25 лет = $2.153 + 0.244$ Роль науки + 0.095 Роль матери	0.283
30 лет = $4.488 + 0.144$ Роль отца	0.138
35 лет = $4.821 + 0.156$ Должность отца + 0.118 Роль коллектива + 0.031 Стаж управления – 0.122 Роль супругов	0.414
40 лет = $6.781 + 0.180$ Должность отца	0.272
45 лет = $6.306 + 0.100$ Роль коллектива	0.207
50 лет = $6.540 + 0.102$ Роль коллектива	0.203
55 лет = $6.704 + 0.097$ Роль науки	0.217
60 лет = $6.279 + 0.109$ Роль коллектива + 0.122 Роль науки – 0.283 Должность матери	0.375
65 лет = $3.177 + 0.123$ Роль коллектива + 0.135 Роль науки + 0.249 Образование отца – 0.281 должность матери	0.529
Уравнения МРА: менеджеры	<i>r</i>
20 лет = $0.409 + 0.101$ Роль обстоятельств + 0.205 Рабочий стаж	0.266
25 лет = $2.732 + 0.397$ Место рождения + 0.129 Роль религии	0.294
30 лет = $2.730 + 0.266$ Место рождения + 0.125 Роль религии	0.313
35 лет = $4.329 + 0.111$ Должность + 0.068 Роль обстоятельств + 1.19 Роль коллектива + 0.233 Место рождения	0.382
40 лет = $8.183 + 0.048$ Стаж управления	0.269
45 лет = $6.706 + 0.180$ Должность + 0.185 Место рождения + 0.059 Роль детей	0.415
50 лет = $7.074 + 0.212$ Должность + 0.053 Роль матери	0.389
55 лет = $6.081 + 0.194$ Должность + 0.060 Роль матери	0.354
60 лет = $5.978 + 0.209$ Должность – 0.062 Роль братьев/сестер	0.375
65 лет = $7.074 + 0.212$ Должность + 0.053 Роль матери + 0.266 Место рождения + 0.125 Роль + 0.123 Роль коллектива + 0.135 Роль науки + 0.249 Образование отца – 0.281 должность матери	0.404
Уравнения МРА: учителя	<i>r</i>
20 лет = $1.377 + 0.214$ Должность отца + 0.133 Роль матери + 0.108 Роль руководителей – 0.234 Роль религии – 0.183 Место жительства	0.578
25 лет = $1.852 + 0.345$ Должность отца + 0.126 Роль матери + 0.101 Роль руководителей – 0.252 Роль религии	0.527
30 лет = $3.877 + 0.371$ Должность отца – 0.171 Роль религии	0.444
35 лет = $3.809 + 0.449$ Образование матери – 0.126 Роль детей	0.427
40 лет = $4.311 + 0.566$ Образование матери – 0.119 Роль искусства	0.457
45 лет = $7.003 + 0.195$ Должность матери – 0.167 Роль мужчин – 0.025 Стаж работы	0.423
50 лет = $7.818 + 0.065$ Роль женщин – 0.023 Стаж работы	0.344
55 лет = $7.351 – 0.097$ Стаж управления	0.247
60 лет = $7.079 + 0.109$ Роль родственников + 0.088 Роль обстоятельств – 0.400 Должность – 0.101 Место жительства	0.490
65 лет = $6.664 + 0.164$ Роль обстоятельств – 0.466 Должность – 0.145 Место жительства	0.458

Примечание. Столбец слева — первая величина в уравнении множественной регрессии — константа; вторые и последующие — коэффициенты, отражающие относительную степень влияния предикторов на зависимую переменную (уровень профессионализма в возрасте 20, 25, ..., 65 лет); столбец справа: *r* — коэффициенты множественной корреляции предикторов и зависимой переменной.

протяжении которой основными позитивными факторами выступают условия родительской семьи — должность и образование матери, отца; в начале карьеры — также и роль руководителей, влияние которых не отмечается уже к 30 годам педагогов. Условия мезосреды — искусство, религия, выступают со знаком “минус” в продолжении всей жизни учителя. (Заметим, что в этой выборке представлены только женщины, у которых с возрастом чаще религия становится важным фактором их профессионального становления [16].)

В выборке *государственных служащих* также имело место типичное для представителей разных сфер монотонное возрастание уровня профессионализма до “рубежа” 50 лет с его последовательным понижением; сравнительно высокая межличностная вариативность оценок от 20 до 35 лет и последующая “стабилизация” типичной динамики (см. табл. 1); умеренно тесные значения коэффициенты множественной корреляции и коэффициентов при предикторах — чаще в пределах 0.1–0.2. У госслужащих отмечены слабые связи ПСС с условиями родительской семьи, с их негативными “вкладами” в середине и в завершении карьеры. Напротив, возрастает позитивная роль актуального окружения; основной стимул — должностное продвижение на протяжении всей карьеры с 20 до 65 лет и более. Иначе, в “высоких иерархиях” фактор перспективы карьерного продвижения — реальной или иллюзорной — выступает постоянно действующим позитивным фактором на протяжении всей жизни госслужащих. В этой группе с возрастом число внешних детерминант несколько сокращается (вероятно, более важную роль начинают играть внутренние условия субъекта).

Особенное в выборке *инженеров*: медленное сравнительно с другими возрастание уровня профессионализма до 55 лет и его незначительное понижение в 60 и 65 лет, сравнительно высокая межличностная вариативность в продолжении всей карьеры (см. табл. 1). Оптимум факторов ПСС — условия родительской семьи, рабочих групп и мезосреды. Умеренно тесные значения коэффициентов множественной корреляции и коэффициентов при предикторах — чаще в пределах 0.1–0.2. Управленческий стаж и должность имеют умеренно позитивное воздействие. Инженерам, как и госслужащим, присущ прагматизм — статус религии отрицательно коррелирует с динамикой ПСС.

Выборка *менеджеров*: типичное возрастание уровня профессионализма до 50 лет с последующим понижением; высокая межличностная вариативности от 20 до 35 лет (см. табл. 1); оптимум “факторов профессионализма” — условия

родительской семьи, рабочих групп, мезосреды; умеренно тесные значения коэффициентов множественной корреляции и коэффициентов при предикторах (0.1–0.3). Управленческий стаж и должность имеют умеренно позитивное воздействие, как и роль обстоятельств; в молодые годы еще и субъективная значимость религии (напомним, у госслужащих, напротив, высокие оценки значимости для человека религии отрицательно коррелируют с темпами прироста профессионализма). Важную роль в ПСС играет и место рождения (следовательно, часто и проживания) — чем крупнее город, тем у менеджеров отмечаются большие приращения профессионализма на протяжении всей жизни, что объяснимо: большой город предоставляет больше возможностей для развития и функционирования коммерческих компаний и их сотрудников.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Сопоставление больших выборок представителей разных социальных групп и циклы статистических расчетов позволили получить ожидаемые аргументы для подтверждения/отклонения рабочих гипотез, выделяя при этом и множества частных фактов, отслеживая связи полученных эмпирик с разными стратегиями исследования.

Во-первых, если в небольших по размеру выборках (например, 36 бухгалтеров, 68 менеджеров, 43 частных предпринимателя) нами были получены “рельефные” статистики — большая доля коэффициентов множественной корреляции находилась в интервале от $r = 0.300$ до $r = 0.675$, а коэффициенты при предикторах — от 0.300 до 0.885 [13], то в выборках кратно больших по размеру (в данном случае — 129 инженеров, 132 госслужащих, 221 менеджер и 85 учителей) все коэффициенты оказались кратно меньшими (см. табл. 2). Этот эффект мы объясняем “размыванием статистикой” действительных причинно-следственных отношений между изучаемыми явлениями. Следовательно, едва ли может считаться наилучшей стратегия получения “больших данных” в изучении ресурсов (обследование сотен людей, привлечение каскада психодиагностических методик, последующее выделение десятков факторов как ресурсов, общий анализ данных без выделения специфических подгрупп). В понимании этого феномена номотетический подход имеет явные ограничения и должен дополняться идеографическим, а методический арсенал — ситуативным комбинированием с учетом социальных контекстов, особенностей изучаемых групп и конкретных людей.

Во-вторых, в объяснении феномена “ресурсы” принципиальное значение имеют социальные контексты. Ожидаемо, что как динамика ПСС, так и условия среды как ресурсы различаются у представителей разных профессий и более широко — у представителей разных социальных групп (мужчин и женщин, руководителей и специалистов, лиц с быстрой и медленной карьерой и пр. [16]). Принципиально важным оказался и фактор “высоты иерархии”: у представителей сферы с “плоской иерархией” (учителей) условия окружения и их влияние на ПСС радикально отличаются от таковых у представителей профессий с “высокой иерархией” (госслужащих, инженеров, менеджеров), т.е. таких, где в организациях выстроены дифференцированные должностные позиции последовательного роста человека от специалиста до генерального директора организации, до руководящего работника министерства.

В-третьих, на протяжении профессиональной жизни человека изменяется роль разных условий окружения как возможных ресурсов. В молодости одни условия содействуют росту профессионализма, в зрелости и позднем возрасте — другие.

В-четвертых, во всех профессиональных сферах прирост профессионализма отмечается до 45–55 лет, он более продолжителен в более сложных профессиях [12; 13], а также у руководителей, сравнительно со специалистами (см. табл. 1). При этом карьерный рост людей нередко продолжается до их последних стадий трудовой жизни. Другими словами, динамика ПСС и динамика профессиональной карьеры не есть одно и то же, “горизонтальная карьера” и “вертикальная карьера” человека есть различные феномены как по содержанию, так и по их эволюции. Если первоначально следствием активности субъекта в его узкопрофессиональном росте, как правило, становится его карьерное продвижение, но на поздних стадиях трудовой жизни причинно-следственные отношения двух разных явлений могут изменяться — успешная карьера содействует и профессиональному развитию. Образно говоря, в начале пути ПСС ведет за собой карьерное продвижение, в середине и в завершении адекватная карьера поддерживает позитивную динамику ПСС.

Рассмотрим особенности актуализации условий среды как ресурсов у представителей разных сфер деятельности. Принимая во внимание разный размер наших подвыборок (инженеров и госслужащих в 1.5 раза больше, чем учителей, менеджеров — в 2.6) и сопряженные с этим статистические эффекты и необходимые “поправки” к нашим обобщениям, будем обсуждать принципиально важные

вопросы, следующие из рабочих гипотез и ранее полученных результатов.

Вероятно, “плоские иерархии” — небольшое число должностных позиций, которые реально могут занимать люди в продолжении их трудовой жизни (учителя, врачи, медицинские сестры, частные охранники и др.), не способствуют росту и активному развитию субъекта во второй половине карьеры, равно как и однообразные и стабильные условия работы. Согласно самооценкам, своего “пика” учителя достигают в возрасте 50–55 лет, после 20–35 лет работы в школе. Следовательно, большая часть учащихся недополучает того, что могли бы получать у более опытных учителей. Ключевыми ресурсами для учителей выступают условия их родительской семьи (должность и уровень образования матери и отца), но не условия актуального окружения (своей семьи, рабочих групп). Парадоксально, но даже скромное выдвижение учителя на должность завуча и директора школы выступают для них “минусом”, замедляющим темпы прироста профессионализма, равно как и жизнь в большом городе, имеющем “тысячи миров”. Ожидаемые и востребованные обществом качества “открытости миру”, готовности учителя с каждым новым классом быть “современным”, вероятно, в отношении большинства из них остаются неподкрепленными упованиями.

Сделанное обобщение — не следствие системной ошибки методики. В трех других профессиональных выборках мы получили ожидаемые “реалистичные” результаты. В сферах с “высокой иерархией” — у госслужащих и менеджеров — занимаемая должность и перспективы продвижения выступают фактором профессионального роста на протяжении всей трудовой жизни, тогда как условия родительской семьи (должность и образование отца и матери, роль родственников) чаще выступают с “отрицательным знаком”. В подвыборке инженеров позитивными условиями в начале и в завершении карьеры остаются “наука” и “искусство”, с 35 лет — “роль коллектива” как очевидно позитивного фактора конструктивных взаимодействий коллег, тогда как условия родительской семьи амбивалентны и не довлеют над ними.

В цикле наших НИР регулярно подтверждаются факты более высоких темпов прироста профессионализма у тех, кто со временем становится руководителями низового, среднего и высшего звена (см. табл. 1), большее число условий окружения, выступающих для них “факторами профессионализма”, периодическая смена доминирующих условий среды как ресурсов [13]. Также регулярно подтверждается и то, что доля и роль позитивных условий

не должны быть чрезмерными, как нежелательно и то, чтобы некоторые из них были жестко “сцеплены” между собой, проявляясь как тесные корреляции, как завершённые и “замкнутые” плеяды. В подборке учителей — субъектов сферы с “плоской иерархией” — мы видим ограниченный и не меняющийся со временем “арсенал” условий социального окружения как “факторов профессионализма”, их устойчиво тесные корреляции с динамикой изменений профессионального становления субъекта. Еще раз выделим ряд неоднозначных фактов — негативные “вклады” стажа работы, управленческой деятельности, роли мужчин у учителей. Зададим вопрос: как роли мужчин, в какой степени социальный статус родителей могут выступать важными факторами для их 45-летних детей? Почему в мегаполисе темпы прироста профессионализма учителей меньше, чем в регионах? Почему с приобретением жизненного опыта, с годами не возрастают открытость к окружению, гибкость в поведении учителя?

Если, размышляя о возможности оптимизации динамики ПСС в разных сферах деятельности, выделять несколько ключевых условий (сложность профессии, “высота иерархии”, оплата труда, социальный статус профессии и пр.), то согласимся, что наиболее доступным средством для управления карьерой людей выступает мера дифференциации должностных позиций профессионала. Добавим, что именно такие тенденции наблюдаются в сферах, где крайне важен профессионализм человека на каждой должностной позиции. Так, например, в российской, затем в советской армии и в военноморском флоте в XX в. число воинских званий и должностных позиций возросло в 1.3–1.5 раза сравнительно с таковыми в XIX в.² Возможно, что

подкрепленные должностными “координатами” самооценки человека своего статуса в профессии и в организации в его субъективном видении играют “заглавные роли” в его жизни, тогда как оплата труда и социальный статус профессии могут “уходить на второй план”. Также добавим, что у лиц с разной успешностью “вертикальной карьеры” — у специалистов и руководителей — различаются актуализируемые ими условия среды как ресурсы по типам и величине, по последовательности их “подключения” в динамике ПСС [12; 13]. Эти факты переводят проблему управления карьерой людей в новую “плоскость”, но в настоящей статье они не обсуждаются.

ВЫВОДЫ

1. На протяжении трудовой жизни человека условия социальной среды избирательно актуализируются как ресурсы, которые на разных этапах становления профессионализма изменяют силу влияния и валентность (знак).

2. Избирательное (а не суммарное) воздействие условий среды как ресурсов различается у представителей разных профессиональных сфер, разных социальных групп.

3. У представителей сфер деятельности с “высокой иерархией” — большого числа позиций должностного продвижения (государственных служащих, инженеров промышленных предприятий, менеджеров коммерческих организаций) и с “плоской иерархией” — ограниченного числа позиций (учителей) различаются связи динамики их профессионального становления и актуализируемых условий среды как ресурсов; такие связи также различаются у лиц с разной успешностью “вертикальной карьеры” (специалистов и руководителей).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Водопьянова Н.Е.* Профилактика и коррекция синдрома выгорания. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 189 с.
2. *Бонкало Т.И., Цыганкова М.Н.* Актуализация личностного и профессионального самоопределения обучающихся с ОВЗ в условиях инклюзивного образования. М.: Изд-во РГСУ, 2015. 215 с.
3. *Гришина Н.В.* Психология жизненного пути // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 5. С. 81–88.
4. *Дружинин В.Н.* Психология способностей. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007. 541 с.

² Очевидно, проявляется историческая тенденция увеличения должностных позиций в “высоких иерархиях” на протяжении XX в., в том числе в силовых структурах, что должно быть признано верным управленческим решением, отражающим как возрастающую сложность деятельности людей, так и их восприятие себя как профессионала. Так, в ВМФ России в XIX в. последовательность офицерских званий была такова: лейтенант — капитан-лейтенант — капитан 2-го ранга — капитан 1-го ранга — контр-адмирал — вице-адмирал — адмирал. В середине XX в. в СССР она несколько возросла: младший лейтенант — лейтенант — старший лейтенант — капитан-лейтенант — капитан 3-го ранга — капитан 2-го ранга — капитан 1-го ранга — контр-адмирал — вице-адмирал — адмирал — адмирал флота — адмирал флота Советского Союза (два последних соответствовали званию маршала рода войск и маршала Советского Союза в сухопутных войсках). Аналогичные тенденции имели место во многих армиях. Так, первое и единственное звание после рядового — унтер-офицер (сержант) — удовлетворяло требованиям европейских армий около пяти столетий. В XX в. в этой линейке воинские звания также заметно дифференцировались (ефрейтор — младший сержант — сержант — старший сержант — старшина; в 1970-х годах введено звание прапорщика, в 1980-х годах — старшего прапорщика).

5. *Кабардов М.К.* Языковые способности: психология, психофизиология, педагогика. М.: Смысл, 2013. 400 с.
6. *Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В.* Психология креативности, одаренногениальности. Танрог: Изд-во Южного федерального университета, 2021. 237 с.
7. *Лактионова А.И.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017. 396 с.
8. *Леонтьев Д.А.* Личностный потенциал как объект изучения // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 5–11.
9. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. 459 с.
10. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.
11. *Толочек В.А.* Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 27–61.
12. *Толочек В.А., Денисова В.Г.* Динамика профессионального становления в представлениях субъектов: самооценки как самодостаточные эмпирические данные // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 26–39.
13. *Толочек В.А., Журавлева Н.И.* Динамика актуализации ресурсов субъекта на протяжении профессиональной карьеры // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 91–107.
14. *Толочек В.А.* Типовые стили спортивной деятельности как психологический феномен: ресурсы эффективности // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 70–82.
15. *Толочек В.А.* Психология труда. СПб.: Питер, 2021. 496 с.
16. *Толочек В.А.* Условия социальной среды, ресурсы, социальная успешность субъектов: открытые вопросы // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 36–47.
17. *Хазова С.А., Дорьева Е.А.* Ресурсы субъекта: теория и практика исследования. Кострома: Изд-во: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. 238 с.
18. *Bronfenbrenner U.* The ecology of human development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. 352 p.
19. *Cicchetti D., Rogosch F.A.* The role of self-organization in the promotion of resilience in maltreated children // Development and Psychopathology. 1997. V. 9. № 4. P. 799–817.
20. *Diener E., Fujita F.* Resources, personal strivings, and subjective well-being: A nomothetic and idiographic approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. V. 68. № 5. P. 926–935.
21. *Kovas Y., Haworth C.M.A., Dale P.S., Plomin R.* The genetic and environmental origins of learning abilities and disabilities in the early school years. Monographs of the Society for Research in Child Development, 2007. 158 p.
22. *Masten A.S., Obradović J.* Competence and resilience in development // Annals of the New York Academy of Sciences. 2006. V. 1094. P. 13–27.
23. *Matheny K.B., Ayccock D.W., Currence W.L., Junker G.N.* The coping resources inventory for stress: A measure of perceived resourcefulness // Journal of Clinical Psychology. 1993. V. 49. № 6. P. 815–830.
24. *Quinn R.E., Rohrbaugh J.A.* A spatial model of effectiveness criteria: Towards a competing values approach to organizational analysis // Management Science. 1983. V. 29. № 3. P. 363–377.
25. *Thoits P.A.* Stress, coping and social support processes: Where are we? (What next?) // Journal of Health and Behavior. 1995. V. 36. P. 53–79.
26. *Taylor Sh.E.* Health Psychology. N.Y.: McGraw Hills, Inc., 2018. 444 p.

PROFESSIONAL FORMATION OF THE SUBJECT AND DYNAMICS OF UPDATING ENVIRONMENTAL CONDITIONS AS RESOURCES³

V. A. Tolochek

Institute of Psychology of RAS;

129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bld. 1, Russia.

**ScD (Psychology), Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Labour,
Engineering Psychology and Ergonomics.*

E-mail: tolochekva@mail.ru

Received 26.02.2023

Abstract. The purpose of the study: to study the links between the dynamics of the subject's professional development throughout the working life and the conditions of the social environment, which are updated as resources. Hypotheses: 1. The conditions of the social environment, updated as resources at different stages of the subject's professional development, can change the strength of influence and valency (sign). 2. In different professional fields, environmental conditions as resources of the subject differ. 3. Individuals with different success of the "vertical career" have different environmental conditions as the resources of the subject. 4) The connections between the dynamics of formation and updated resources are different for representatives of fields of activity with a "high" and "flat hierarchy" of job promotion. The author's technique "Dynamics of professional life style" was used. Respondents assessed in points — from 0 to 8 — the conditions of the social environment as "professionalism factors", the dynamics of their professionalism from 20 to 65 years (retrospectively and prospectively), recorded their socio-demographic and service-official characteristics. 567 people were interviewed — 306 men and 261 women aged 30–50 years — 132 civil servants, 221 managers, 129 engineers and heads of departments of industrial enterprises, 85 teachers holding positions from an ordinary specialist to a deputy minister). The features of the actualization of the conditions of the social environment as intersubjective and extrasubjective resources were analyzed; descriptive statistics, t-comparison for independent groups and multiple regression analysis (MRA), Forward method (direct) were used. Results. Representatives of the four groups (civil servants, engineers, managers, teachers) were similar in terms of their socio-demographic characteristics — by age ($M = 40.7$, $SD = 9.8$), work experience ($M = 19.8$, $SD = 10.1$), management experience ($M = 7.7$, $SD = 8.7$), 424 people. were married (75%), the average number of children was 1.3; they held positions from an ordinary specialist to a deputy minister (in the questionnaire scores — from 3 to 8; $M = 3.7$, $SD = 1.5$); the characteristics of their parental family were also similar; their assessments of the subjective significance of environmental conditions as "professionalism factors" ranged from 0 to 8 for most of the analyzed variables. The dynamics of the professional development of the subject (PSS) was characterized by an increase in the level of professionalism up to 50 years and its subsequent decrease with moderate inter-individual variability, which differed among representatives of different professional groups. The environmental conditions updated by them differed more pronouncedly as resources from 20 to 65 years. Conclusions: 1. During the working life of a person, the conditions of the social environment are selectively updated as resources, at different stages of the formation of professionalism, they change the strength of influence and valence (sign). 2. The selective (and not total) impact of environmental conditions as resources differs among representatives of different professional fields, different social groups. 3. Representatives of fields of activity with a "high hierarchy" — a large number of positions of promotion (civil servants, engineers of industrial enterprises, managers of commercial organizations) and a "flat hierarchy" — a limited number of positions (teachers) have different connections between the dynamics of their professional development and the updated conditions environment as resources; such connections also differ among individuals with different success in the "vertical career" (specialists and managers).

Keywords: professional development, dynamics, actualization, resources, environment, conditions, performance efficiency, success of the subject.

REFERENCES

³ The study was carried out in accordance with the State Task No. 0138-2021-0010 "Regulation of professional interaction in the context of organizational and technological challenges".

1. Vodop'yanova N.Ye. Profilaktika i korrektsiya sindroma vygoraniya. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2011. 189 p. (In Russian)

2. *Bonkalo T.I., Tsygankova M.N.* Aktualizatsiya lichnostnogo i professional'nogo samoopredeleniya obuchayushchikhsya s OVZ v usloviyakh inklyuzivnogo obrazovaniya. Moscow: Izd-tvo RGSU, 2015. 215 p. (In Russian)
3. *Grishina N.V.* Psikhologiya zhiznennogo puti. Psikhologicheskii zhurnal. 2007. V. 28. № 5. P. 81–88. (In Russian)
4. *Druzhinin V.N.* Psikhologiya sposobnostey. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2007. 541 p. (In Russian)
5. *Kabardov M.K.* Yazykovyye sposobnosti: psikhologiya, psikhofiziologiya, pedagogika. Moscow: Smysl, 2013. 400 p. (In Russian)
6. *Kibal'chenko I.A., Eksakusto T.V.* Psikhologiya kreativnosti, odarennosti i genial'nosti. Taganrog: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2021. 237 p. (In Russian)
7. *Laktionova A.I.* Zhiznesposobnost' i sotsial'naya adaptatsiya podrostkov. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2017. 396 p. (In Russian)
8. *Leont'yev D.A.* Lichnostnyy potentsial kak ob'yekt izucheniya. V kn. Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika. Ed. D.A. Leont'yev. Moscow: Smysl, 2011. P. 5–11. (In Russian)
9. *Makhnach A.V.* Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no-psikhologicheskaya paradigma. Moscow: Institut psikhologii. (In Russian)
10. *Ross L., Nisbett R.* Chelovek i situatsiya. Perspektivy sotsial'noy psikhologii. Moscow: Aspekt Press, 1999. 459 p. (In Russian)
11. *Tolochek V.A.* Professional'naya uspehnost': ot sposobnostey k resursam (dopolnyayushchiye paradigmy). Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki, 2009. V. 6. № 3. P. 27–61. (In Russian)
12. *Tolochek V.A., Denisova V.G.* Dinamika professional'nogo stanovleniya v predstavleniyakh sub'yektov: samootsenki kak samodostatochnyye empiricheskiye dannyye. Psikhologicheskii zhurnal. 2013. V. 34. № 6. P. 26–39. (In Russian)
13. *Tolochek V.A., Zhuravleva N.I.* Dinamika aktualizatsii resursov sub'yekta na protyazhenii professional'noy kar'yery. Psikhologicheskii zhurnal. 2015. V. 36. № 1. P. 91–107. (In Russian)
14. *Tolochek V.A.* Tipovyye stili sportivnoy deyatel'nosti kak psikhologicheskii fenomen: resursy effektivnosti. Psikhologicheskii zhurnal. 2016, V. 37. № 6. P. 70–82. (In Russian)
15. *Tolochek V.A.* Psikhologiya truda. Saint Petersburg: Piter, 2021. 496 p. (In Russian)
16. *Tolochek V.A.* Usloviya sotsial'noy sredy, resursy, sotsial'naya uspehnost' sub'yektov: otkrytye voprosy. Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 3. P. 36–47. (In Russian)
17. *Khazova S.A., Dor'yeva Ye.A.* Resursy sub'yekta: teoriya i praktika issledovaniya. Kostroma: Izd-vo: KGU im. N.A. Nekrasova, 2012. 238 p. (In Russian)
18. *Bronfenbrenner U.* The ecology of human development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. 352 p.
19. *Cicchetti D., Rogosch F.A.* The role of self-organization in the promotion of resilience in maltreated children. Development and Psychopathology. 1997. V. 9. № 4. P. 799–817.
20. *Diener E., Fujita F.* Resources, personal strivings, and subjective well-being: A nomothetic and idiographic approach. Journal of Personality and Social Psychology. 1995. V. 68. № 5. P. 926–935.
21. *Kovas Y., Haworth C.M.A., Dale P.S., Plomin R.* The genetic and environmental origins of learning abilities and disabilities in the early school years. Monographs of the Society for Research in Child Development, 2007. 158 p.
22. *Masten A.S., Obradović J.* Competence and resilience in development. Annals of the New York Academy of Sciences, 2006, V. 1094. P. 13–27.
23. *Matheny K.B., Aycock D.W., Currence W.L., Junker G.N.* The coping resources inventory for stress: A measure of perceived resourcefulness. Journal of Clinical Psychology. 1993. V. 49. № 6. P. 815–830.
24. *Quinn R.E., Rohrbaugh J.A.* A special model of effectiveness criteria: Towards a competing values approach to organizational analysis. Management Science. 1983. V. 29. № 3. P. 363–377.
25. *Thoits P.A.* Stress, coping and social support processes: Where are we? (What next?). Journal of Health and Behavior. 1995. V. 36. P. 53–79.
26. *Taylor Sh.E.* Health Psychology. New York: McGraw Hills, Inc., 2018. 444 p.

УДК 159.9

УСТОЙЧИВОСТЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ И ХОЛИСТИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ ПРИ ОСТРОМ ВВЕДЕНИИ ЭТАНОЛА¹

© 2023 г. Е. А. Сухино-Хоменко^{1,*}, В. В. Апанович^{1,2,3,**}, А. Г. Горкин^{1,***},
Т. Н. Греченко^{1,****}, И. О. Александров^{1,2,*****}, И. Яаскелайнен^{3,*****},
Ю. И. Александров^{1,2,3,*****}

¹ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

²ФГБОУ ВО “Государственный академический университет гуманитарных наук”;

119049, г. Москва, Мароковский пер., д. 26, Россия.

³ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”;

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.

* Аспирантка лаборатории психофизиологии им. В.Б. Швыркова ИП РАН. E-mail: e.sukhino@gmail.com

** Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психофизиологии им. В.Б. Швыркова ИП РАН, заместитель декана факультета психологии ГАУГН, младший научный сотрудник международной лаборатории социальной нейробиологии ВШЭ. E-mail: apanovitschvv@yandex.ru

*** Доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психофизиологии им. В.Б. Швыркова ИП РАН. E-mail: agorkin@yandex.ru

**** Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психофизиологии им. В.Б. Швыркова ИП РАН. E-mail: grecht@mail.ru

***** Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психофизиологии им. В.Б. Швыркова ИП РАН, профессор факультета психологии ГАУГН. E-mail: almax2000@inbox.ru

***** PhD, научный руководитель международной лаборатории социальной нейробиологии Института когнитивных нейронаук. E-mail: iiro.p.jaaskelainen@gmail.com

***** Академик РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психофизиологии им. В.Б. Швыркова ИП РАН, заведующий кафедрой психофизиологии ГАУГН, главный научный сотрудник международной лаборатории социальной нейробиологии ВШЭ. E-mail: yuraalexandrov@yandex.ru

Поступила 16.05.2023

Аннотация. Представлены результаты исследования (на выборке представителей русскоязычной культуры $N = 59$) оценки вклада фактора острого введения алкоголя на показатели аналитичности—холистичности по шкале аналитичности—холистичности. Аналитичность—холистичность рассматривается нами как показатель, отражающий тип ментальности. В связи с тем, что имеются данные об избирательном угнетении этанолом у животных и человека активности нейронов наиболее дифференцированных систем, фактор введения алкоголя рассматривается нами как временная дедифференциация актуализированного в поведении индивидуального опыта. В результате было показано отсутствие достоверных сдвигов показателей аналитичности—холистичности при остром введении алкоголя. Также с помощью корреляционного анализа было показано, что распределение индивидов по аналитичности—холистичности воспроизводится в экспериментальных условиях по сравнению с контрольными. Делается вывод о том, что аналитичность и холистичность являются базовыми психологическими характеристиками, относящимися к опыту индивида как целому, а не к отдельным его компонентам.

Ключевые слова: временная дедифференциация, алкоголь, структура индивидуального опыта, ментальность, аналитичность, холистичность.

DOI: 10.31857/S020595920029010-7

¹ Исследование поддержано грантом Министерства науки и высшего образования РФ № 075-15-2022-1037.

С позиций системно-эволюционного подхода психическое рассматривается как характеристика наборов систем, представляющих собой модели взаимодействия со средой [14] и составляющих структуру индивидуального опыта [1; 5; 15]. При этом подчеркивается, что вновь появляющиеся при научении в процессе системогенеза системы индивидуального опыта не заменяют уже накопленные, а встраиваются в уже имеющуюся структуру опыта. При этом вновь формируемая система как бы “приспосабливается” к уже существующим, которые, в свою очередь, претерпевают модификацию (повторную консолидацию или “реконсолидацию” [18]), связанную с разворачивающимся системогенезом и поддержанием целостности, межсистемной согласованности структуры опыта индивида. Таким образом, можно говорить о том, что структура индивидуального опыта отражает историю его формирования [15], причем каждый элемент этой структуры в той или иной мере — всю историю и всю структуру.

В предыдущих работах [4; 5; 16–18] было показано, что эффективным способом обратимой экспериментальной блокировки активности нейронов, принадлежащих к сравнительно более новым (позднее сформированным в индивидуальном развитии) и более дифференцированным [2] системам индивидуального опыта, является острое введение алкоголя. Оно приводит к уменьшению вклада наиболее дифференцированных систем в организацию поведения, т.е. к временной дедифференциации индивидуального опыта. Мозговое обеспечение поведения индивидов связано в том числе с культурой, в которой оно формируется. Культурные различия могут быть описаны, в частности, через показатель аналитичности—холистичности [26], отражающий тип ментальности индивидов. Западные культуры (особенно США и Западная Европа) относят к аналитичным, восточные (особенно Юго-Восточная Азия) — к холистичным. Российская культура является более холистичной, чем западные, и менее холистичной, чем культуры Юго-Восточной Азии. Согласно четырехкомпонентной модели [26], аналитичные индивиды склонны выделять отдельные детали из общей картины, следовать бинарной логике истина—ложь, предполагать постоянность явлений или их линейное изменение, относить причины событий к внутренним феноменам, тогда как холистичные индивиды обращают внимание на взаимосвязи между объектами, предполагают возможность синтеза противоречий, видят явления циклическими, а причины явлений относят к окружающей среде. Помимо межкультурных, существуют и внутрикультурные различия в аналитичности—холистичности [6]. На базе

четырёхкомпонентной модели разработан опросник, позволяющий получить балл аналитичности—холистичности, т.е. каждый индивид располагается в определенной точке континуума от максимальной аналитичности до максимальной холистичности [22]. Опросник “Шкала аналитичности—холистичности” (*Analyticity-Holistic Scale, AHS*) был адаптирован и апробирован нами ранее для российской выборки [9].

Имеются данные о том, что воздействие алкоголя на поведение людей культуроспецифично. Показано [5; 13], что моральные оценки британцев и россиян меняются под воздействием алкоголя по-разному. Поскольку Великобритания относится к более аналитичным культурам, чем Россия, можно было предположить, что возможны отличия в воздействии алкоголя на аналитичных и холистичных индивидов. В работе [25] показано, что алкоголь по-разному влияет на успешность решения индивидами креативных (креативные задачи могут быть отнесены к холистическим) и аналитических задач. В работах [21; 23] приводятся результаты, показывающие связь алкогольного опьянения с изменением отдельных когнитивных свойств, которые могут быть в большей степени характерными для холистической ментальности, но не с изменением свойств, которые могут быть отнесены к аналитической. Таким образом, из этих работ вытекает предположение о возможности существования различий в воздействии алкоголя на аналитичных и холистичных индивидов, в том числе и в деятельности, связанной с заполнением теста на аналитичность и холистичность. В то же время связанность психических характеристик с опытом целостного индивида позволяет предполагать, что его существенные характеристики не поменяются принципиально при избирательном угнетении активности тех или иных систем, входящих в структуру опыта. Наша работа была направлена на то, чтобы проверить, какое из указанных предположений более верно, и тем самым приблизиться к системному описанию свойств аналитичности—холистичности. В связи с этим целью исследования являлась оценка вклада фактора алкоголя, избирательно угнетающего более дифференцированные, сравнительно более новые системы, в различия индивидов по аналитичности—холистичности. К задачам исследования можно отнести: а) оценку сдвига аналитичности—холистичности в контрольной и экспериментальной сериях; б) оценку взаимосвязи распределений аналитичности—холистичности в контрольной и экспериментальной сериях; в) оценку сдвига аналитичности—холистичности в отдельных группах аналитичных и холистичных индивидов.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В исследовании приняло участие 59 человек (22 мужчины и 37 женщин) в возрасте от 18 до 50 лет (средний возраст 22.2 года, $Me = 20$), которые получали за участие в экспериментах денежное вознаграждение.

Результаты двух участников исследования были исключены из обработки, так как они слишком часто отмечали вариант “Затрудняюсь ответить”; критерий исключения респондентов см. в [9; 12].

Для анализа эффектов алкоголя отдельно в группах аналитичных и холистичных индивидов вся выборка была разделена по медиане распределения баллов *AHS* без алкоголя ($X_{med} = 116$) на две подгруппы: аналитическую (индивиды с показателями *AHS* < 116, $N = 28$) и холистическую (индивиды с показателями *AHS* > 116, $N = 27$).

Схема исследования. Исследование для каждого участника проводилось в два этапа (с острым введением алкоголя и контроль: без алкоголя) со средней разницей между двумя тестированиями в 30 дней. Порядок этапов был контрбалансирован.

Процедура острого введения алкоголя. Все участники были предупреждены заранее о необходимости воздерживаться от приема алкоголя за два дня до эксперимента и воздерживаться от приема пищи за 4 часа до эксперимента, а также подписывали информированное согласие на участие в эксперименте и подтверждение отсутствия известных им противопоказаний к приему алкоголя.

После стандартизированной процедуры сбора социодемографической информации участнику предлагалось в течение 30 мин выпить напиток, содержащий медицинский спирт в дозировке 0.7 г/кг веса участника, разведенный до крепости 20° апельсиновым соком (экспериментальная серия). В случае если этап был безалкогольным по полной процедуре, напиток состоял только из апельсинового сока (контрольная серия). Через 45 мин после начала приема алкоголя проводилось измерение концентрации алкоголя в выдыхаемом воздухе (использовался алкотестер Alcoscan AL7000) и участнику предлагалось заполнить опросник *AHS* в бумажном либо в электронном виде в зависимости от способа проведения этапа без введения алкоголя. Временной интервал в 45 мин был обусловлен тем, что для измерения алкотестером необходим перерыв в 15 мин после приема пищи/напитков.

Доза алкоголя 0.7 г/кг веса участника была выбрана в результате анализа литературы (см. ниже) и серии пилотажных экспериментов.

При планировании экспериментов учитывалось, что доза 1 г алкоголя на 1 кг веса, использованная ранее в экспериментах на животных, была заведомо достаточной для выявления достоверных эффектов дедифференциации [4; 5; 16–18]. Также такая доза использовалась в экспериментах с моральными суждениями [13] и в экспериментах с категоризацией слов родного и иностранного языка [19]. В экспериментах с опросниками [3] и некоторых других использовалась доза 1 мл/кг веса, что соответствует ~0.8 г/кг (в зависимости от плотности спирта). В целом в экспериментах с участием людей используются меньшие дозы алкоголя, чем в экспериментах с участием животных, например, [24; 25].

В пилотаже четыре человека прошли процедуру острого введения алкоголя для дозы 1 г/кг веса участника, время употребления напитка — 20 мин. У трех участников из четырех наблюдались сильно выраженные явления дискомфорта (в одном случае — рвота). Для следующих пилотажных экспериментов доза алкоголя была снижена до 0.7 г/кг, а также до 30 мин увеличено время, отведенное для употребления напитка. Еще четыре участника прошли экспериментальную процедуру до конца, все отметили заметное опьянение, при этом не было нежелательных физиологических проявлений.

Для всей экспериментальной серии, исключая пилотаж, среднее значение концентрации алкоголя в выдыхаемом воздухе перед заполнением опросника *AHS* составило 0.8 ± 0.5 мг/л, что соответствует легкой и средней степени опьянения [10].

Методика измерения аналитичности—холистичности. Для измерения аналитичности—холистичности использовался опросник *AHS*, апробированный ранее на российской выборке [9]. Результатом заполнения опросника являются: суммарный балл аналитичности—холистичности, а также баллы по четырем субшкалам опросника: Фокус внимания, Каузальная атрибуция, Толерантность к противоречиям, Восприятие изменения.

Высокие показатели говорят о выраженности холистичности в целом (в случае с общим показателем) или выраженности тех или иных аспектов холистичности в соответствии с моделью Р. Нисбетта [26]. Низкие показатели говорят о выраженности аналитичности. Таким образом, аналитичность—холистичность рассматривается как континуум, а не дихотомия двух полюсов.

Методика включает в себя 24 утверждения, степень согласия или несогласия с которыми респондент оценивает по 7-балльной шкале Ликерта.

Статистические процедуры. Для статистического анализа применялись параметрические критерии, что было обусловлено нормальностью распределений. Вычисления проводились в статистическом пакете Statistica 10. Нулевая гипотеза отвергалась при уровне значимости $p \leq 0.05$.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате исследования были получены распределения баллов по шкале аналитичности—холистичности и баллов по субшкалам для участников исследования в экспериментальной (под воздействием алкоголя) и контрольной (без воздействия) сериях.

Описательную статистику для распределений по всем участникам, а также отдельно для аналитичных и холистичных индивидов см. на рис. 1. Табличное отображение описательной статистики и проверку соответствия распределений закону нормального распределения см. в табл. 1.

Значения критерия Колмогорова—Смирнова для всех распределений свидетельствуют о нормальности распределений, следовательно, к ним можно применять параметрические критерии.

Были проанализированы сдвиги показателей аналитичности—холистичности участников исследования в экспериментальной и контрольной сериях для всей выборки и для групп аналитичных и холистичных индивидов. Результаты анализа см. в табл. 2.

Как можно увидеть из табл. 2, значимых сдвигов средних показателей по общему баллу и всем субшкалам для всей выборки участников, а также для группы аналитичных индивидов в экспериментальной и контрольной серии не наблюдается. Для группы холистичных индивидов наблюдается значимое различие для субшкалы “Каузальная атрибуция”, для общего балла и остальных шкал значимые различия отсутствуют.

Был проведен корреляционный анализ между показателями по общему баллу и субшкалам методики в двух сериях исследования как для всей выборки, так и для групп аналитичных и холистичных индивидов. Это позволяет ответить на вопрос, сохраняется ли структура распределений аналитичности—холистичности в двух состояниях. Корреляционный анализ проводился с помощью расчета коэффициента корреляции Пирсона. Результаты данной проверки см. в табл. 3.

Как видно из табл. 3, корреляции для всех показателей шкалы аналитичности—холистичности для

полной выборки являются достоверными. Можно говорить о высоком уровне прямой взаимосвязи показателей аналитичности—холистичности вне зависимости от состояния индивидов (с введением и без введения алкоголя), но в большей степени для всей выборки, в меньшей — при разделении на отдельные подгруппы.

Был проведен сравнительный анализ дисперсий изучаемых показателей экспериментальной и контрольной серий во всей выборке и в группах аналитичных и холистичных индивидов. Результаты применения критерия Стьюдента представлены в табл. 4.

Можно говорить о том, что под влиянием алкоголя дисперсии общего показателя аналитичности—холистичности достоверно выросли в обеих подгруппах, но этот феномен не наблюдается при анализе всей выборки.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Было показано, что показатель аналитичности—холистичности является устойчивым при остром введении алкоголя. Не было найдено достоверных сдвигов в сторону увеличения или уменьшения общего показателя, а также было показано, что сохраняется структура распределения показателей индивидов в контрольной и экспериментальной группах. Хотя постоянных эффектов при делении выборки на группы аналитичных и холистичных индивидов обнаружено не было, обращает на себя внимание достоверный сдвиг для субшкалы “Каузальная атрибуция” в группе холистичных индивидов. Заметим, что этот феномен означает достоверный сдвиг от холистической ментальности в более аналитическую часть шкалы. Можно предположить исходя из самого смысла холистического целостного анализа, что холистическая ментальность связана с актуализацией большего числа систем из разных доменов или субдоменов. Если при этом учесть феномен угнетения значительного числа дифференцированных систем введением алкоголя, то полученный нами феномен свидетельствует в пользу высказанного предположения. Однако, конечно, эта логика представляется пока весьма спекулятивной. Подтверждение или опровержение этого предположения может быть получено в планируемых нами экспериментах, направленных на сопоставление эффектов алкоголя на активность мозга у холистов и аналитиков при решении ими одинаковых задач. Также требуют ответа вопросы о том, почему обсуждаемый феномен проявляется только для данной субшкалы.

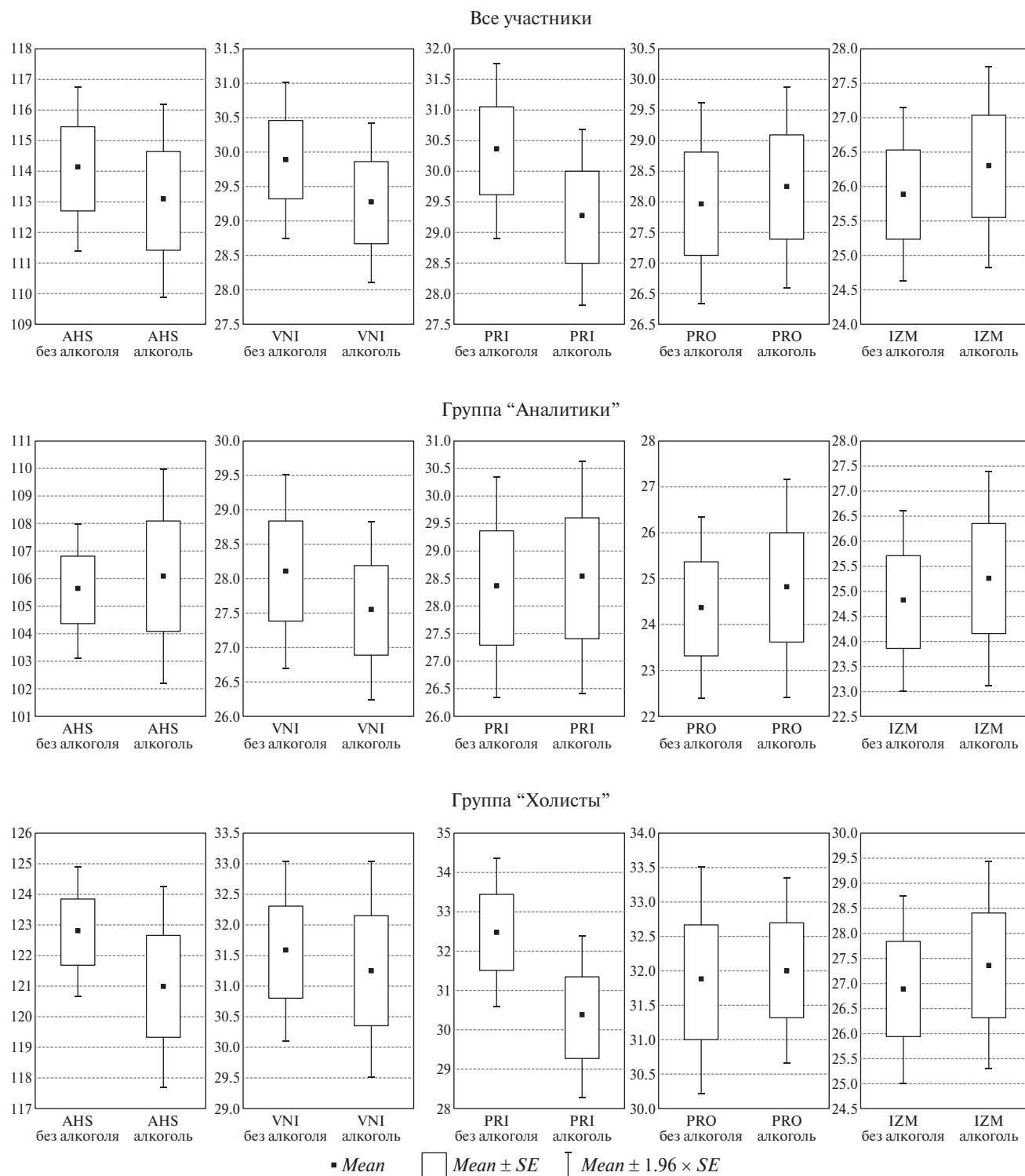

Рис. 1. Значения баллов по методике AHS и по субшкалам для всей выборки и для групп аналитических и холистических индивидов. VNI — балл по субшкале “Фокус внимания”; PRI — балл по субшкале “Каузальная атрибуция”; PRO — балл по субшкале “Толерантность к противоречиям”; IZM — балл по субшкале “Восприятие изменения”.

Увеличение вариативности в подгруппах аналитических и холистических индивидов при введении алкоголя может объясняться тем, что дифференциация опыта предполагает уменьшение количества степеней свободы отдельных элементов, что может

приводить к снижению вариативности. Дедифференциация, наоборот, за счет уменьшения вклада более нового опыта, приводит к ее увеличению.

Острое введение алкоголя рассматривается как фактор регрессии, приводящей к временной

Таблица 1. Описательная статистика для показателей аналитичности—холистичности в контрольной и экспериментальной сериях

Показатели АНС	Контрольная серия (без введения алкоголя)					Экспериментальная серия (с введением алкоголя)				
	X_{med}	$\bar{X}$	SD	d	p	X_{med}	$\bar{X}$	SD	d	p
Вся выборка										
Аналитичность—холистичность	116	114.1	10.4	0.08	>0.20	114	113.1	12.1	0.06	>0.20
Фокус внимания	29	29.9	4.4	0.10	>0.20	29	29.3	4.5	0.07	>0.20
Каузальная атрибуция	30	30.3	5.5	0.07	>0.20	29	29.3	5.6	0.07	>0.20
Толерантность к противоречиям	29	28.0	6.3	0.09	>0.20	29	28.3	6.3	0.14	>0.20
Восприятие изменения	26	25.9	4.9	0.11	>0.20	26	26.3	5.6	0.07	>0.20
Группа аналитичных индивидов										
Аналитичность—холистичность	107	105.6	6.5	0.13	>0.20	107	106.1	10.6	0.10	>0.20
Фокус внимания	27	28.1	3.8	0.19	>0.20	28	27.5	3.5	0.13	>0.20
Каузальная атрибуция	27	28.3	5.4	0.13	>0.20	29	28.5	5.7	0.11	>0.20
Толерантность к противоречиям	24.5	24.4	5.3	0.10	>0.20	25.5	24.8	6.4	0.10	>0.20
Восприятие изменения	24	24.8	4.9	0.11	>0.20	25	25.3	5.7	0.14	>0.20
Группа холистичных индивидов										
Аналитичность—холистичность	122	122.8	5.6	0.15	>0.20	121	121.0	8.7	0.07	>0.20
Фокус внимания	31	31.6	3.9	0.17	>0.20	31	31.3	4.7	0.12	>0.20
Каузальная атрибуция	33	32.5	5.0	0.10	>0.20	31	30.3	5.4	0.12	>0.20
Толерантность к противоречиям	32	31.9	4.3	0.11	>0.20	32	32.0	3.6	0.10	>0.20
Восприятие изменения	26	26.9	4.9	0.16	>0.20	28	27.4	5.5	0.15	>0.20

Примечание. X_{med} — медиана; $\bar{X}$ — математическое ожидание; SD — стандартное отклонение; d — значение критерия Колмогорова—Смирнова; p — уровень значимости.

Таблица 2. Значения t -критерия для зависимых выборок при сравнении контрольной и экспериментальной серий

Показатели АНС	t	p
Вся выборка		
Аналитичность—холистичность	0.700	0.487
Фокус внимания	1.066	0.291
Каузальная атрибуция	1.530	0.132
Толерантность к противоречиям	0.132	0.704
Восприятие изменения	−0.587	−0.587
Группа аналитичных индивидов		
Аналитичность—холистичность	−0.221	0.827
Фокус внимания	0.762	0.453
Каузальная атрибуция	−0.168	0.868
Толерантность к противоречиям	−0.369	0.715
Восприятие изменения	−0.410	0.685
Группа холистичных индивидов		
Аналитичность—холистичность	0.924	0.364
Фокус внимания	0.343	0.734
Каузальная атрибуция	2.213	0.036
Толерантность к противоречиям	−0.181	0.858
Восприятие изменения	−0.576	0.570

Примечание. t — значение критерия Стьюдента; p — уровень значимости. Жирным шрифтом выделена субшкала, для которой наблюдаются значимые различия.

дедифференциации, т.е. увеличение вклада в обеспечение поведения менее дифференцированных систем более раннего опыта. Ранее было показано изменение поведения, суждений людей, а также мозгового обеспечения поведения в результате

временной дедифференциации, вызванной фактором острого введения алкоголя либо фактором стресса [5]. В частности, меняются моральные суждения [13], причем эти изменения культуроспецифичны.

Таблица 3. Корреляционный анализ связи показателей аналитичности—холистичности в экспериментальной и контрольной сериях

Показатели <i>AHS</i>	<i>r</i>	<i>p</i>
Вся выборка		
Аналитичность—холистичность	0.518	<0.001
Фокус внимания	0.512	<0.001
Каузальная атрибуция	0.526	<0.001
Толерантность к противоречиям	0.659	<0.001
Восприятие изменения	0.517	<0.001
Группа аналитичных индивидов		
Аналитичность—холистичность	0.078	0.696
Фокус внимания	0.410	0.03
Каузальная атрибуция	0.495	0.007
Толерантность к противоречиям	0.4663	0.012
Восприятие изменения	0.371	0.052
Группа холистичных индивидов		
Аналитичность—холистичность	0.023	0.910
Фокус внимания	0.468	0.014
Каузальная атрибуция	0.527	0.005
Толерантность к противоречиям	0.656	<0.001
Восприятие изменения	0.434	0.024

Примечание. *r* — коэффициент корреляции Пирсона; *p* — уровень значимости.

Таблица 4. Анализ дисперсий показателей аналитичности—холистичности в экспериментальной и контрольной сериях

Показатели <i>AHS</i>	<i>t</i> _{набл}	<i>p</i>
Вся выборка		
Аналитичность—холистичность	−0.92	0.36
Фокус внимания	−0.14	0.89
Каузальная атрибуция	−0.08	0.94
Толерантность к противоречиям	−0.05	0.96
Восприятие изменения	−0.75	0.46
Группа аналитичных индивидов		
Аналитичность—холистичность	−2.52	0.02
Фокус внимания	0.49	0.63
Каузальная атрибуция	−0.29	0.77
Толерантность к противоречиям	−1.05	0.30
Восприятие изменения	−0.86	0.40
Группа холистичных индивидов		
Аналитичность—холистичность	−2.27	0.03
Фокус внимания	−1.05	0.30
Каузальная атрибуция	−0.49	0.63
Толерантность к противоречиям	1.06	0.30
Восприятие изменения	−0.74	0.47

Примечание. *t*_{набл} — наблюдаемое значение статистики критерия; *p* — уровень значимости. Жирным шрифтом выделены показатели, для которых отличия значимы.

Было показано, что структура индивидуального опыта аналитичных и холистичных индивидов различается на примере анализа компонент связанных с событием потенциалов при решении задач простого выбора и в разных формах социального взаимодействия [8; 20], а также при решении задач аналитического и холистического характера [7].

Данные настоящего исследования позволяют полагать, что эти различия объясняются не наличием специфических “аналитических” или “холистических” элементов индивидуального опыта, которые могут быть избирательно блокированы алкоголем, а особенностями организации всех — как “старых”, так и “новых” — систем в целостной структуре

опыта. Причем эти особенности сохраняются даже при “вычитании” части систем из числа актуализуемых в поведении.

В пользу того, что данная закономерность не является специфичной только для аналитичности и холистичности, свидетельствует тот факт, что ранее в нашей лаборатории при анализе других психологических характеристик индивидуальности также был выявлен сходный феномен их стабильности. М.В. Бодунов и др. [2; 11] обнаружили при сравнении данных, полученных в результате заполнения психодиагностических опросников (Павловский темпераментальный опросник, личностный опросник “Пять факторов” (ОПФ, Big five), адаптированный М.В. Бодуновым, а также опросник структуры темперамента (ОСТ)) до и после острого введения алкоголя, что структура связей между компонентами темперамента не изменяется, “матрица” индивидуальных свойств сохраняется, хотя и обнаруживаются некоторые изменения отдельных характеристик темперамента.

Обобщая наши результаты с полученными ранее в литературе, можно утверждать, что фактор контролируемой дедифференциации не оказался в нашем исследовании определяющим существенные изменения ментальности. Аналитичность—холистичность индивидов сохраняется даже при временной блокировке новых систем индивидуального опыта. Это может говорить о том, что аналитичность—холистичность является базовой фундаментальной характеристикой, которая связывается как с новыми системами опыта, так и со старыми. При этом необходимо учитывать, что новый опыт формируется на базе старого в процессе системогенеза, и это может говорить о важном вкладе более старого опыта в формирование и дальнейшую модификацию аналитического и холистического способов взаимодействия со средой.

Таким образом, можно говорить о том, что аналитичность—холистичность относится к опыту индивида как к целому, а не к отдельным его “специфическим” компонентам.

ВЫВОДЫ

1. При остром введении алкоголя отсутствуют общие значимые сдвиги в сторону увеличения или уменьшения холистичности индивидов. Исключение составляет субшкала “каузальной атрибуции”, которая демонстрирует сдвиг ментальности от холистичности в сторону аналитичности.

2. При остром введении алкоголя структура распределения выборки индивидов остается

стабильной, т.е. не меняется по сравнению с контрольной серией.

3. Дисперсии общего показателя аналитичности—холистичности достоверно увеличиваются в подгруппах аналитичных и холистичных индивидов, но этот феномен не наблюдается при анализе всей выборки.

4. Аналитичность и холистичность являются базовыми психологическими характеристиками индивида, относящимися к опыту индивида как целому, а не к отдельным его “специфическим” компонентам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю.И. Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. М.: Наука, 1989.
2. Александров Ю.И. Закономерности актуализации индивидуального опыта и реорганизации его системной структуры: комплексное исследование // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2011. Т. 61. № 3. С. 3–24.
3. Александров Ю.И., Безденежных Б.Н. Влияние острого введения алкоголя на личностные свойства и системную организацию поведения в реальной и виртуальной средах // Нейродегенеративные заболевания: от генома до целостного организма. Т. 2. М.: Научный мир, 2014. С. 680–704.
4. Александров Ю.И., Гринченко Ю.В., Светлаева И.А. Влияние острого введения этанола на реализацию поведения и его нейронное обеспечение // Журнал Высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 1990. Т. 40. № 3. С. 456–466.
5. Александров Ю.И. и др. Регрессия как этап развития. М.: Когито-Центр, 2017.
6. Апанович В.В., Александров Ю.И. Системное значение меж- и внутрикультурных ментальных вариаций // Вестник психофизиологии. 2021. № 21. С. 24–35.
7. Апанович В.В., Арамян Э.А., Дольникова М.С., Александров Ю.И. Различия мозгового обеспечения решения аналитических и холистических задач // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 2. С. 45–60.
8. Апанович В.В. и др. Различия мозгового обеспечения индивидуального, кооперативного и конкурентного поведения у субъектов с аналитическим и холистическим когнитивными стилями // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 2. С. 5–22.
9. Апанович В.В., Знаков В.В., Александров Ю.И. Апробация шкалы аналитичности—холистичности на российской выборке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 80–96.
10. Бабаян Э.А., Морозов Г.В., Рожнов В.Е. Алкоголизм: руководство для врачей. М.: Медицина, 1983.

11. Бодунов М.В., Безденежных Б.Н., Александров Ю.И. Изменения шкальных оценок тестовых психодиагностических методик при воздействии алкоголя // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 95–101.
12. Знаков В.В. Психология понимания: проблемы и перспективы. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005.
13. Крылов А.К., Александров Ю.И., Арутюнова К.Р. Влияние алкоголя на моральные суждения: кросс-культурное исследование // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2016. № 3–4. С. 155–168.
14. Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
15. Швырков В.Б. Введение в объективную психологию: нейрональные основы психики. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1995.
16. Alexandrov Yu.I. et al. Effect of ethanol on hippocampal neurons depends on their behavioural specialization // *Acta physiologica scandinavica*. 1993. V. 149. № 1. P. 105–115.
17. Alexandrov Yu.I. et al. Neuronal subserving of behavior before and after chronic ethanol treatment // *Alcohol*. 2000. V. 22. № 2. P. 97–106.
18. Alexandrov Yu.I. et al. A subset of cingulate cortical neurons is specifically activated during alcohol-acquisition behaviour // *Acta Physiologica Scandinavica*. 2001. V. 171. № 1. P. 87–97.
19. Alexandrov Y. et al. Differential effects of alcohol on the cortical processing of foreign and native language // *International Journal of Psychophysiology*. 1998. V. 28. № 1. P. 1–10.
20. Apanovich V.V. et al. Event-related potentials during individual, cooperative, and competitive task performance differ in subjects with analytic vs. holistic thinking // *International Journal of Psychophysiology*. 2018. V. 123. P. 136–142.
21. Benedek M., Panzierer L., Jauk E., Neubauer A.C. Creativity on tap? Effects of alcohol intoxication on creative cognition // *Consciousness and Cognition*. 2017. V. 56. P. 128–134.
22. Choi I., Koo M., Choi J.A. Individual differences in analytic versus holistic thinking // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. V. 33. № 5. P. 691–705.
23. Colflesh G.J.H., Wiley J. Drunk, but not blind: The effects of alcohol intoxication on change blindness // *Consciousness and Cognition*. 2013. V. 22. № 1. P. 231–236.
24. Fillmore M.T. Acute alcohol-induced impairment of cognitive functions: Past and present findings // *International Journal on Disability and Human Development*. 2007. V. 6. № 2. P. 115–126.
25. Jarosz A.F., Colflesh G.J.H., Wiley J. Uncorking the muse: Alcohol intoxication facilitates creative problem solving // *Consciousness and Cognition*. 2012. V. 21. № 1. P. 487–493.
26. Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A. Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // *Psychological Review*. 2001. V. 108. P. 291–310.

STABILITY OF ANALYTICITY AND HOLISM INDICATORS DURING ACUTE ETHANOL ADMINISTRATION²

E.A. Sukhino-Khomenko^{1,*}, V. V. Apanovich^{1,2,3,**}, A. G. Gorkin^{1,***}, T. N. Grechenko^{1,****},
I. O. Alexandrov^{1,2,*****}, I. Jaaskelainen^{3,*****}, Yu. I. Alexandrov^{1,2,3,*****}

¹*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

²*State Academic University for the Humanities;
119049, Moscow, Maronovsky per., 26, Russia.*

³*HSE University;
101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20, Russia.*

^{*}*Postgraduate student. E-mail: e.sukhino@gmail.com*

^{**}*PhD in Psychology, Researcher at the V.B. Shvyrkov Laboratory of Psychophysiology of the Institute of Psychology RAS, Deputy Dean of the Faculty of Psychology of the State Academic University for the Humanities, Junior Researcher at the HSE International Laboratory of Social Neurobiology. E-mail: apanovitschvv@yandex.ru*

^{***}*ScD in Biology, Leading Researcher at the V.B. Shvyrkov Laboratory of Psychophysiology.
E-mail: agorkin@yandex.ru*

² This study was supported by the International Laboratory of Social Neurobiology ICN HSE RF Government grant ag. no. 075-15-2022-1037.

**** *ScD in Psychology, Leading Researcher at the V.B. Shvyrkov Laboratory of Psychophysiology.*
E-mail: grecht@mail.ru

***** *ScD in Psychology, Leading Researcher at the V.B. Shvyrkov Laboratory of Psychophysiology, Professor of Faculty of Psychology of the State Academic University for the Humanities.*
E-mail: almax2000@inbox.ru

***** *PhD in Psychology, Scientific Director of the International Laboratory of Social Neuroscience of the Institute of Cognitive Neuroscience. E-mail: iiro.p.jaaskelainen@gmail.com*

***** *Academician of Russian Academy of Education (RAE), ScD in Psychology, Professor, Head of the V.B. Shvyrkov Laboratory of Psychophysiology of the Institute of Psychology RAS, Head of the Department of Psychophysiology of the State Academic University for the Humanities, Chief Researcher of the International Laboratory of Social Neurobiology of the HSE. E-mail: yuraalexandrov@yandex.ru*

Received 16.05.2023

Abstract. The results of the study of assessing the contribution of the acute alcohol administration factor to the indicators of analyticity–holism on the AHS scale are presented. The study was conducted on a sample of the Russian-speaking culture subjects ($N = 59$). Analyticity–holism is considered as an indicator reflecting the mentality type. Given that there is data on selective suppression of the neuronal activity of the most differentiated systems by ethanol in animals and humans, the alcohol administration factor is considered by us as a temporary dedifferentiation of the individual experience actualized in behavior. As a result, it was shown that there were no significant changes in the indicators of analyticity–holism during acute alcohol administration. Also, correlation analysis showed that the distribution of individuals on analyticity–holism is reproduced under experimental conditions compared to control ones. The conclusion is made that analyticity and holism are basic psychological characteristics related to an individual's experience as a whole, rather than its individual components.

Keywords: temporary dedifferentiation, alcohol, structure of individual experience, mentality, analyticity, holism.

REFERENCES

1. *Aleksandrov Yu.I.* Psikhofiziologicheskoe znachenie aktivnosti central'nykh i perifericheskikh neyronov v povedenii. Moscow: Nauka, 1989. (In Russian)
2. *Aleksandrov Yu.I.* Zakonomernosti aktualizatsii individual'nogo opyta i reorganizatsii ego sistemnoy struktury: kompleksnoe issledovanie. Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossijskoj akademii nauk. 2011. V. 61. № 3. P. 3–24. (In Russian)
3. *Aleksandrov Yu.I., Bezdenzhnykh B.N.* Vliyanie ostrogo vvedeniya alkogolja na lichnostnye svoystva i sistemnuju organizatsiju povedeniya v real'noj i virtual'noj sredakh. Nejrodegenerativnye zabolevaniya: ot genoma do celostnogo organizma. V. 2. Moscow: Nauchnyj mir, 2014. P. 680–704. (In Russian)
4. *Aleksandrov Yu.I., Grinchenko Ju.V., Svetlaeva I.A.* Vliyanie ostrogo vvedeniya ehtanola na realizatsiju povedeniya i ego nejjronnoe obespechenie. Zhurnal Vysshejj nervnoj dejatel'nosti im. I.P. Pavlova. 1990. V. 40. № 3. P. 456–466. (In Russian)
5. *Aleksandrov Yu.I. et al.* Regressija kak ehtap razvitiya. Moscow: Kogito-Centr, 2017. (In Russian)
6. *Apanovich V.V., Aleksandrov Yu.I.* Sistemnoe znachenie mezh- i vnutrikul'turnykh mental'nykh variatsij. Vestnik psikhofiziologii. 2021. № 21. P. 24–35.
7. *Apanovich V.V., Aramjan Eh.A., Dol'nikova M.S., Aleksandrov Yu.I.* Razlichija mozgovogo obespechenija reshenija analiticheskikh i kholisticheskikh zadach. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 2. P. 45–60. (In Russian)
8. *Apanovich V.V. et al.* Razlichija mozgovogo obespechenija individual'nogo, kooperativnogo i konkurentnogo povedeniya u sub'ektov s analiticheskimi i kholisticheskimi kognitivnymi stil'jami. Eksperimental'naja psikhologija. 2016. V. 9. № 2. P. 5–22. (In Russian)
9. *Apanovich V.V., Znakov V.V., Aleksandrov Yu.I.* Aprobatsija shkaly analitichnosti–kholistichnosti na rossijskoj vyborke. Psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 5. P. 80–96. (In Russian)
10. *Babajan Eh.A., Morozov G.V., Rozhnov V.E.* Alkogolizm: rukovodstvo dlja vrachejj. Moscow: Medicina, 1983. (In Russian)
11. *Bodunov M.V., Bezdenzhnykh B.N., Aleksandrov Yu.I.* Izmeneniya shkal'nykh ocenok testovykh psikhodiagnosticheskikh metodik pri vozdejstvii alkogolja. Psikhologicheskii zhurnal. 1997. V. 18. № 5. P. 95–101. (In Russian)
12. *Znakov V.V.* Psikhologija ponimaniya: problemy i perspektivy. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2005. (In Russian)
13. *Krylov A.K., Aleksandrov Yu.I., Arutjunova K.R.* Vliyanie alkogolja na moral'nye suzhdenija: krosskul'turnoe issledovanie. Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. 2016. № 3–4. P. 155–168. (In Russian)

14. *Ponomarev Ja.A.* Metodologicheskoe vvedenie v psikhologiju. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)
15. *Shvyrkov V.B.* Vvedenie v ob"ektivnuju psikhologiju: nejronal'nye osnovy psikhiki. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 1995. (In Russian)
16. *Alexandrov Yu.I. et al.* Effect of ethanol on hippocampal neurons depends on their behavioural specialization. *Acta Physiologica Scandinavica*. 1993. V. 149. № 1. P. 105–115.
17. *Alexandrov Yu.I., et al.* Neuronal subserving of behavior before and after chronic ethanol treatment. *Alcohol*. 2000. V. 22. № 2. P. 97–106.
18. *Alexandrov Yu.I. et al.* A subset of cingulate cortical neurons is specifically activated during alcohol-acquisition behaviour. *Acta Physiologica Scandinavica*. 2001. V. 171. № 1. P. 87–97.
19. *Alexandrov Yu. et al.* Differential effects of alcohol on the cortical processing of foreign and native language. *International Journal of Psychophysiology*. 1998. V. 28. № 1. P. 1–10.
20. *Apanovich V.V. et al.* Event-related potentials during individual, cooperative, and competitive task performance differ in subjects with analytic vs. holistic thinking. *International Journal of Psychophysiology*. 2018. V. 123. P. 136–142.
21. *Benedek M., Panzner L., Jauk E., Neubauer A.C.* Creativity on tap? Effects of alcohol intoxication on creative cognition. *Consciousness and Cognition*. 2017. V. 56. P. 128–134.
22. *Choi I., Koo M., Choi J.A.* Individual differences in analytic versus holistic thinking. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. V. 33. № 5. P. 691–705.
23. *Colflesh G.J.H., Wiley J.* Drunk, but not blind: The effects of alcohol intoxication on change blindness. *Consciousness and Cognition*. 2013. V. 22. № 1. P. 231–236.
24. *Fillmore M.T.* Acute alcohol-induced impairment of cognitive functions: Past and present findings. *International Journal on Disability and Human Development*. 2007. V. 6. № 2. P. 115–126.
25. *Jarosz A.F., Colflesh G.J.H., Wiley J.* Uncorking the muse: Alcohol intoxication facilitates creative problem solving. *Consciousness and Cognition*. 2012. V. 21. № 1. P. 487–493.
26. *Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. *Psychological Review*. 2001. V. 108. P. 291–310.

УДК 159.938

ОТРАЖЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКА РАЗЛИЧЕНИЯ КОРОТКИХ ИНТЕРВАЛОВ ВРЕМЕНИ В ПАРАМЕТРАХ ССП¹

© 2023 г. К. С. Юдаков^{1,*}, В. В. Апанович^{1,2,4,**}, Э. А. Арамян^{2,***},
Д. Л. Гладиллин^{2,3,****}, Ю. И. Александров^{1,2,4,*****}

¹ФГБОУ ВО “Государственный академический университет гуманитарных наук”;
119049, г. Москва, Мароховский пер., д. 26, Россия.

²ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

³ФГБОУ ВО Московский государственный психолого-педагогический университет;
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Россия.

⁴ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”;
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.

*Магистрант.

E-mail: kost05062000@mail.ru

**Кандидат психологических наук, заместитель декана факультета психологии ГАУГН,
научный сотрудник лаборатории психофизиологии им. Швыркова ИП РАН, младший научный сотрудник
международной лаборатории социальной нейробиологии ВШЭ.

E-mail: arpanovitschvv@yandex.ru

***Младший научный сотрудник. E-mail: aramyam.eric@gmail.com

****Аспирант ИП РАН, лаборант-исследователь лаборатории нейрокognитивных исследований
индивидуального опыта МГППУ. E-mail: dima.gladilin.psy@gmail.com

*****Академик РАО, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психофизиологии
факультета психологии ГАУГН, зав. лабораторией психофизиологии им. Швыркова ИП РАН, главный
научный сотрудник международной лаборатории социальной нейробиологии ВШЭ.

E-mail: yuraalexandrov@yandex.ru

Поступила 28.07.2023

Аннотация. На основе теории обнаружения сигнала была разработана и апробирована методика, включающая регистрацию электроэнцефалограммы (ЭЭГ), направленная на изучение процессов приобретения и совершенствования навыка. Экспериментальная задача заключалась в различении коротких интервалов времени. Были проанализированы психофизиологические данные 10 участников исследования (группа научившихся) из общей выборки ($N = 28$). Выявлены типичные (встречающиеся у всех участников исследования при решении данной задачи) компоненты связанных с событием потенциалов (ССП) на эпохе предъявления оцениваемого сигнала, описаны их амплитудно-временные характеристики. Полученные компоненты интерпретируются с позиций системно-эволюционного подхода.

Ключевые слова: системно-эволюционный подход, ЭЭГ, психофизика, научение, приобретение навыка, связанные с событием потенциалы, различение коротких интервалов времени.

DOI: 10.31857/S020595920029011-8

В психологии большой пласт исследований относится к проблематике и феноменологии процесса научения, которые можно разделить на относящиеся к двум смежным процессам: приобретение и совершенствование навыка (см., напр., [6]).

Важным аспектом является исследование мозгового обеспечения данных процессов при помощи ЭЭГ (см., напр., [29; 31; 32]). При этом, хоть большая часть теоретических построений подразумевает научение как процесс, большинство ЭЭГ-исследований научения основано на экспериментах, построенных по принципу сравнения “до—после” (см., напр., [31–33]) или на произвольном выделении

¹ Исследование поддержано грантом РНФ № 23-18-00473 (Институт психологии РАН).

эпох анализа [24; 25; 29] и не подразумевающих специального анализа процессуальной составляющей. Ввиду чего мозговое обеспечение научения как процесса является слабо изученным. В основном в фокус анализа попадали такие компоненты, как P300 и CNV, и в различных работах демонстрировалось увеличение амплитуд [31], их уменьшение [30], рост с последующим уменьшением [29] и, напротив, уменьшение с последующим ростом [25]. Исследования научения с позиций системно-эволюционного подхода в основном базируются на дискретном понимании категории системогенеза [1]. Настоящее исследование сформулировано в контексте проблематики континуального характера системогенеза.

Для изучения процессуальной характеристики было необходимо разработать методический аппарат, позволяющий исследовать научение в динамике и выделять типичные (встречающиеся у всех участников исследования) компоненты ССП, характерные для решения задачи, для возможности их использования в дальнейшем в качестве специфических маркеров динамики научения. Нами была использована [4] методика, разработанная В.А. Садовым на основе Теории обнаружения сигнала [23] и методе “Да—Нет” [10] и примененная в работах И.Г. Скотниковой [15; 16]. Данная методика была выбрана, адаптирована и апробирована, потому что она предполагает решение задачи различения коротких интервалов времени, в силу чего она: 1) имеет предполагаемую низкую экологическую валидность [13], что необходимо для исследования научения *de novo* (когда влияние прошлого опыта может быть минимизировано), т.е. для допущения об отсутствии приобретаемого в эксперименте навыка в уже имеющемся опыте; 2) позволяет наблюдать процесс научения растянутым по времени из-за сложности задачи [10]; 3) имеет одинаковые условия (схему, процедуру и предъявляемый материал) и одинаковую систему измерения для процессов приобретения и совершенствования навыка [4]. Также в литературе отмечался [10; 14], но детально не анализировался факт наличия динамики при решении задачи различения коротких интервалов времени. Это позволяет говорить о том, что в данной задаче может наблюдаться процесс научения.

Ранее уже проводились исследования мозгового обеспечения с регистрацией ЭЭГ во время решения задачи оценки временных интервалов. Однако они не подразумевали рассмотрения процессов научения (см., напр., [5; 27; 28]). Большая часть работ, посвященных анализу компонентов ЭЭГ у индивидов при решении ими задачи различения

интервалов времени, базируется на традиционных представлениях о компонентах и предполагает анализ таких компонентов, как, например, P300 и CNV. Эти компоненты связываются с различными когнитивными процессами, и их интерпретация базируется на гносеологическом представлении о мозговом обеспечении поведения (о гносеологическом подходе к психологическим категориям см.: [13]).

Для описания феноменологии и закономерностей мозгового обеспечения процессов приобретения/совершенствования навыка, в том числе при различении коротких интервалов времени, мы опираемся на интерпретационный инструментарий, накопленный в рамках СЭП. С позиций СЭП результатом научения выступают формирование и реорганизация набора функциональных систем, которые актуализируются в ситуации решения задачи, относительно которой происходило научение. Процессы приобретения и совершенствования навыка связываются с системной специализацией нейронов и изменением межсистемных отношений, для изучения которых необходим анализ нейрональной активности в процессе решения задачи, проявляемой в виде изменения частоты электрической активности нейронов [1–3; 17–20]. Ввиду чего динамика амплитудно-временных характеристик определенного набора типичных компонентов ССП позволит исследовать процессуальную характеристику научения. Позитивные и негативные колебания на ЭЭГ позволяют оценить изменение относительного количества актуализируемых систем опыта. Позитивные колебания связываются с увеличением количества актуализированных систем опыта, негативные колебания — с уменьшением количества актуализированных систем опыта [8] и реализацией поведения [12].

Как было описано выше, приобретение и совершенствование навыка понимаются как два разных процесса, поэтому в настоящей работе внимание фокусируется на процессе приобретения навыка. Таким образом, *цель исследования* можно сформулировать как выделение и системно-эволюционное описание типичных компонентов ССП, связанных с поведенческим актом оценки сигнала, при решении задачи различения коротких интервалов времени у группы участников исследования, которые научились выполнению задачи в ходе эксперимента. Анализ динамики амплитудно-временных характеристик выделенных компонентов ССП целью данной работы не являлся.

Предмет исследования — системные процессы при решении задачи различения коротких интервалов времени.

Объект исследования — компоненты ССП и их амплитудно-временные характеристики у участников исследования, которые приобрели навык различения коротких интервалов времени.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В исследовании приняло участие 28 человек (20 женщин и 8 мужчин, возраст — от 17 до 45 лет, медиана — 19). Для анализа были отобраны данные участников исследования, которые были включены в группу тех, кто приобрел новый навык: участники исследования ($N = 15$; 11 женщин и 4 мужчины, возраст — от 18 до 44, медиана — 19), которые изначально не решали на достоверно отличающемся от нуля уровне основную экспериментальную задачу (показатель их текущей результативности статистически не отличался от нуля [4]), но в дальнейшем научились [Там же]. В анализ ЭЭГ были включены результаты 10 человек (7 женщин и 3 мужчин, возраст — от 18 до 37, медиана — 19.5), другие участники исследования были исключены в силу большого количества артефактов на записи ЭЭГ. Возраст участников исследования ограничивался интервалом от 18 до 45 лет ввиду того, что данный возрастной период является “относительно стабильным и наиболее адекватным в процессе восприятия временных интервалов” [11, с. 13].

Критерии определения участника исследования как не решавшего задачу и “научившегося”. Если показатели результативности d' (определяемые нами [4] как показатель текущей результативности решения психофизической задачи, построенной на модели теории обнаружения сигнала, который связан с количеством правильных ответов) на стартовом плато [4] были ниже уровня 0.546 (уровень результативности, значения выше которого описываются как неслучайное решение, а значения ниже которого — как случайное [Там же]), то участник исследования определялся как изначально не решающий задачу. Протяженность стартового плато и его среднее значение определялись следующим образом: показатель d' первого окна (с 1-й по 50-ю пробу) статистически сравнивался со всеми последующими по t -критерию Стьюдента (в качестве стандартного отклонения использовалось значение стандартной ошибки показателя d' на данном интервале; $p = 0.05$; $t_{\text{теор}} = 1.984$; степени свободы 49), пока не находилось окно статистически отличающееся от первого. Далее значения d' до первого достоверно отличающегося усреднялись, и это среднее использовалось в качестве показателя стартового плато.

Если участник исследования в течение эксперимента переходил порог результативности в 0.546, то максимальное значение его d' сравнивалось с показателем его стартового плато по t -критерию Стьюдента (в качестве стандартного отклонения использовалось значение стандартной ошибки показателя d' на данном интервале; $p = 0.05$; $t_{\text{теор}} = 1.984$; степени свободы 49), если различие оказывалось статистически достоверным, то участника исследования определяли как “научившегося”. В случае если показатели респондента не соответствовали вышеуказанным критериям, то его показатели не учитывали при анализе физиологических данных в настоящем исследовании.

Схема и процедура исследования. На основе проведенной апробации методики [4] были подобраны параметры экспериментальной задачи и сконструирована процедура исследования. Перед началом эксперимента участники проходили 15-минутную адаптацию к условиям помещения, во время которой проводились инструктаж и предэкспериментальный опрос. Собственно эксперимент состоял из трех задач.

После адаптации зачитывалась инструкция к первой задаче, направленной на проверку скорости и точности ответов участника исследования, по окончании которой участник исследования приступал к выполнению. Задача была следующей: при появлении вертикальных или горизонтальных линий светло-серого цвета на черном фоне необходимо было нажать на левую или правую соответствующую предъявленному сигналу кнопку на клавиатуре (инструкция по нажатию кнопок предполагала контрбалансирование; данная задача выступала в качестве контрольной и сообщала информацию о скорости нажатия указательным и безымянным пальцем для дальнейшего анализа динамики времени ответа).

После прохождения первой задачи экспериментаторы приступали к установке электродов ЭЭГ. После чего участнику исследования зачитывалась инструкция к “сенсibiliзирующей” задаче² (подробнее см. [Там же]), после которой он приступал к ее выполнению. Она представляла собой 1 серию из 150 проб (в среднем серия занимала примерно 10 мин), в каждой из которых участнику исследования было необходимо различать по методу “Да/Нет”

² Феноменологически “сенсibilизация” — это процесс “взабывания” в задачу, возникающий вследствие смены поведения. В психофизике характеризуется интеграцией “сенсорных процессов” и изменением показателей “чувствительности” [7]. Таким образом, данная задача необходима для возможности разграничения феноменологии “сенсibilизации” и феноменологии приобретения/совершенствования навыка [4].

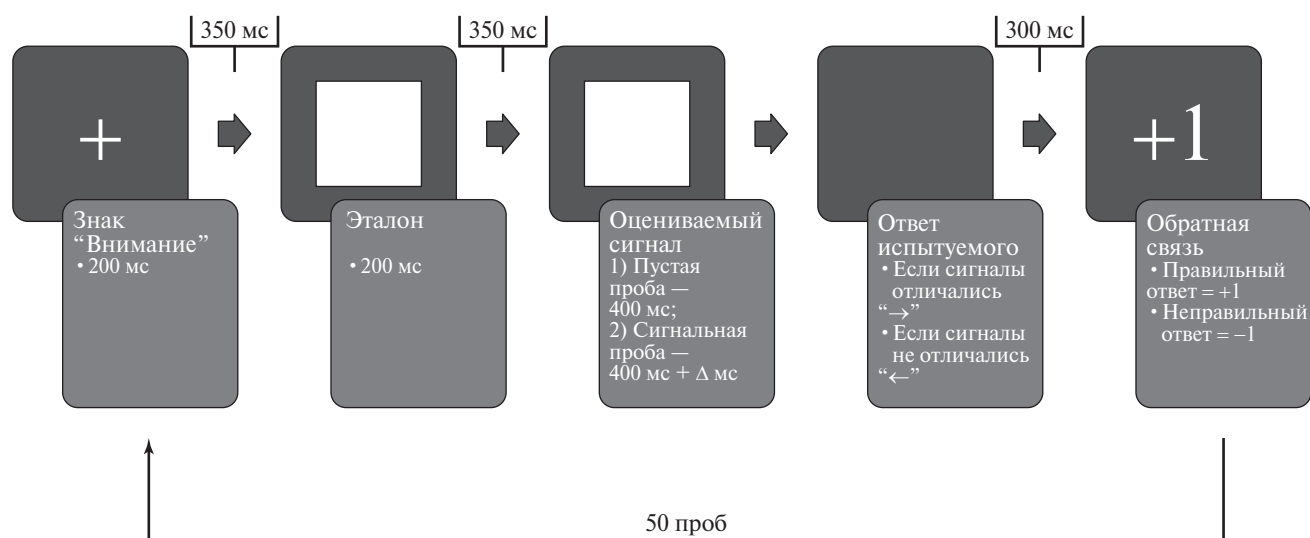

Рис. 1. Описание одной пробы [4]

[10; 23] предъявляемые сигналы по их форме и размеру. Во время этой серии испытуемому последовательно и попарно предъявлялись два прямоугольника, первый из которых был эталоном (3×3 см), а второй либо соответствовал по своим размерам эталону, либо имел размеры 3×3.3 см. Задачей испытуемого было определить, отличался ли второй прямоугольник от эталона. В случае "пустой" пробы необходимо было нажать клавишу "←", в случае с сигнальной — клавишу "→". Данная серия была направлена на подготовку испытуемого к прохождению основной экспериментальной серии [4].

Далее испытуемому давался перерыв 1–2 мин, во время которого ему было необходимо сидеть с закрытыми глазами и прослушать инструкцию к третьей (основной) экспериментальной задаче — 10 серий по 50 проб (40–45 мин), между которыми участник сидел с закрытыми глазами. Количество серий участнику исследования не сообщалось. Ему было необходимо различать сигналы по методу "Да/Нет" [10; 23] по параметру длительности их предъявления. После прохождения последней серии участник исследования проходил постэкспериментальный опрос.

Описание одной пробы основной экспериментальной задачи. Предъявление проходило с помощью специально написанной программы Visual Yes—No test³, позволяющей менять все параметры предъявления: размеры, длительности, цвета, оцениваемый параметр, форму и наличие обратной связи, вероятность предъявления и платежные матрицы. Задача представляла собой последовательность нескольких проб.

На черном экране (Samsung SyncMaster 2243bw с частотой обновления 60 Гц) на 200 мс предъявлялся белый крест размером 1×1 см (значения по 183 для всех трех составляющих по международной системе RGB), который обозначал начало пробы. Через 350 мс после него на 400 мс предъявлялся эталонный сигнал — белый квадрат (с идентичными значениями по системе RGB) размерами 3×3 см. Далее после паузы в 350 мс предъявлялся оцениваемый сигнал, который либо был равен эталону, либо отличался от него на определенный параметр: в "сенсibiliзирующей" задаче отличался размер сигнала; в основной задаче отличалась длительность предъявления на 66 или 92 мс в зависимости от сложности задачи (обоснование значений см.: [4]). По окончании сигнала участник исследования должен был оценить параметр и дать ответ: если сигналы, по его мнению, отличались, участник исследования нажимал на клавиатуре клавишу "→"; если сигналы были одинаковыми — клавишу "←". После ответа через 300 мс давалась обратная связь: надпись (с идентичными значениями по системе RGB) "+1" в случае правильного ответа, "-1" — неправильного. Схематичное описание см. на рис. 1.

Метод усреднения показателя d' и компонентов ССП. Показатели d' подсчитывались окнами в 50 проб с шагом в 1 пробу (рис. 2, а). По каждому участнику исследования проводилась проверка отличия распределений ощущений на пустую и сигнальную пробы от нормального для подтверждения правомерности использования показателя d' . Компоненты ССП также усреднялись окнами в 50 проб с шагом в 1 пробу (рис. 2, б) с помощью

³ Автор программы — С.А. Карпов

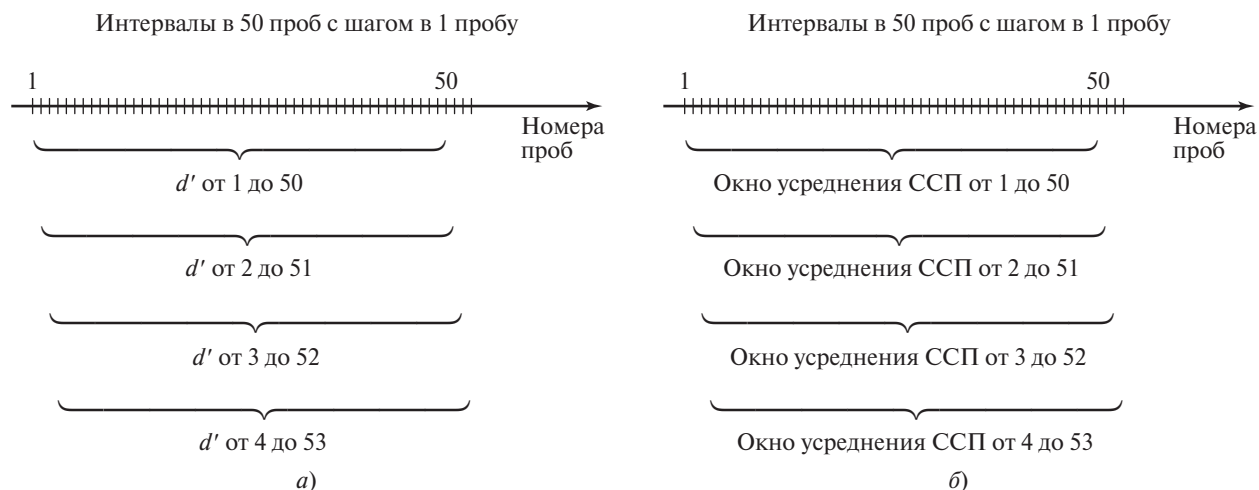

Рис. 2. Иллюстрация интервалов в 50 проб с шагом в 1 пробу

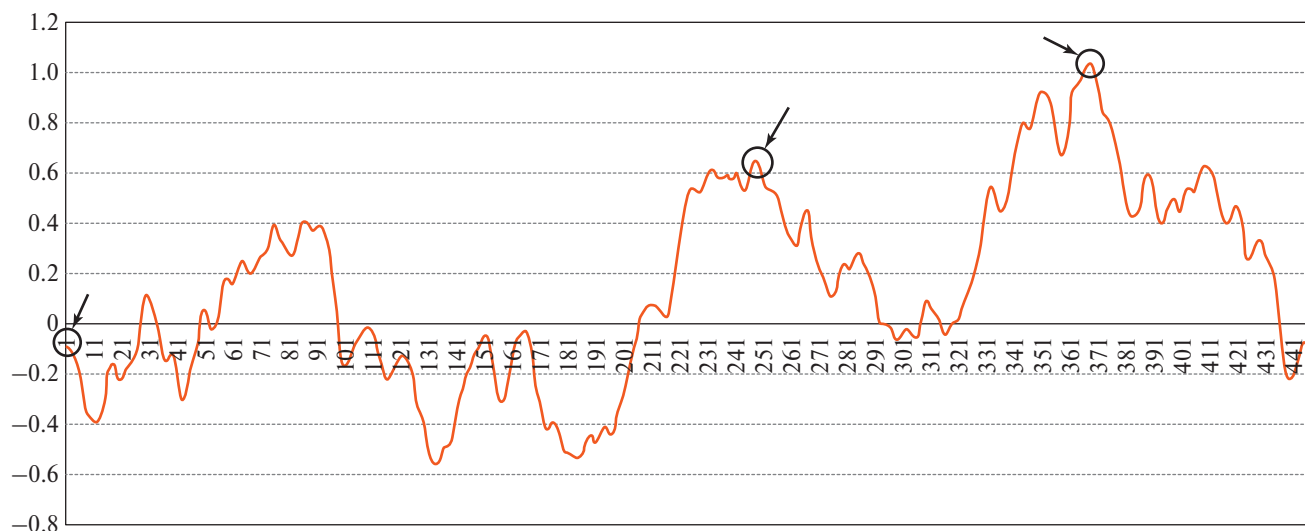

Рис. 3. Эпохи высокой результативности 28-го участника исследования. По вертикали — d' , по горизонтали — окна усреднения специально разработанных программ⁴. Эпоха усреднения была следующая: с момента начала паузы после эталонного сигнала до 400 мс предъявления оцениваемого сигнала (итого 750 мс, см. рис. 1).

Данный метод обработки был выбран для возможности напрямую отталкиваться от поведенческих результатов с высокой степенью подробности анализа и максимальной динамикой рассмотрения [4]. Ввиду специфичности данного способа обработки каждая короткая случайная последовательность одинаковых ответов участника исследования создает незначительные нестационарные колебания в результатах, которые можно назвать случайными. Использовался метод сглаживания Гаусса по 7 точкам. Данный вид анализа был использован

в дальнейшем для получения эпох с наивысшей результативностью.

В данной работе проводился анализ общей феноменологии компонентов ССП в период максимальной результативности решения задачи, которые определялись по следующему принципу: брались окна усреднения ССП, соответствующие пикам результативности (рис. 3), которые были по показателю d' выше значения 0.546. Расстояние между двумя пиками, входящими в анализ, было не менее 50 окон, в случае если они были ближе друг к другу, то бралась эпоха результативности с более высоким показателем d' (см. рис. 3). Также в анализ входило самое первое окно усреднения ССП.

Метод регистрации ЭЭГ. Запись производилась неполяризуемыми хлорсеребряными электродами монополярно в 19 отведениях: Fp1, Fp2, F7, F8, F3, Fz, F4, T3, T4, T5, T6, C3, Cz, C4, P3, Pz,

⁴ Автор программ — С.А. Карпов.

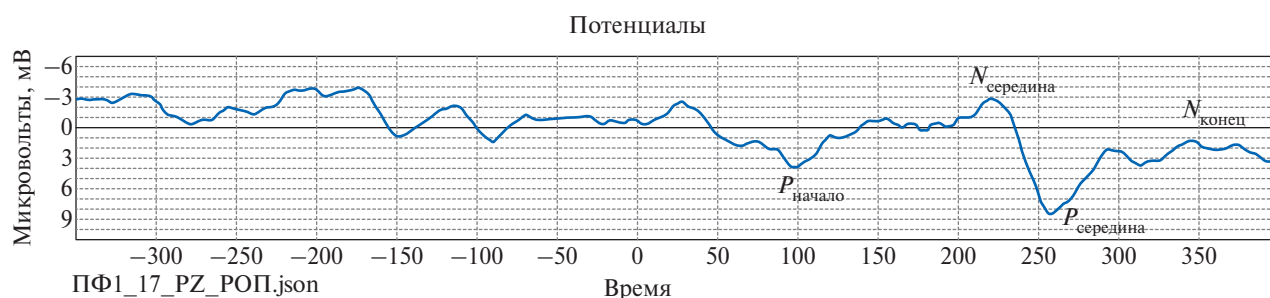

Рис. 4. Компоненты ССП. 1 эпоха анализа. Участник исследования № 17. Отведение Pz

P4, O1, O2. Также устанавливались два индифферентных электрода на сосцевидных отростках за ушами, два электрода для отслеживания артефактов ЭОГ. Контактное сопротивление не превышало 10 кОм для ЭЭГ- и ЭОГ-электродов. Частота дискретизации для ЭЭГ и ЭОГ составляла 250 Гц, ФВЧ — 70 Гц, ФНЧ — 0.1 Гц, режекторный фильтр на частоте — 50 Гц. Модель электроэнцефалограф-регистратора: “Энцефалан-ЭЭГР-19/26”.

После ручного удаления глазодвигательных и мышечных артефактов потенциалы усреднялись относительно точки начала предъявления оцениваемого сигнала.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На первом этапе обработки были проанализированы поведенческие данные для возможности выделить интересующую нас группу: участников исследования, которые в ходе экспериментальной процедуры приобрели новый навык (не умели решать задачу в начале экспериментальной процедуры, но смогли преодолеть порог неслучайного решения в процессе исследования). Было показано, что из 28 участников исследования только 15 смогли приобрести навык, 2 — усовершенствовать навык. В силу недостаточности выборки усовершенствовавших навык эта группа в данной работе не рассматривалась, поэтому в анализ попали только данные по тем респондентам, которые приобрели новый навык.

В данной группе ($N = 15$) средняя эпоха преодоления точки неслучайности решения ($d' = 0.546$) соответствует 164.7 окна усреднения (пробы с 164 по 213), при этом наблюдается существенная межиндивидуальная вариативность: от 35 эпохи усреднения до 436. Также в конце экспериментальной процедуры у большинства участников исследования наблюдалось утомление, выраженное в резком снижении результативности. В среднем утомление наступало после 8.7 экспериментальной серии из 10 (данные подсчитаны по всей выборке $N = 28$).

Описание компонентов ССП. Было выделено четыре типичных, т.е. встречающихся у всех участников исследования при решении данной задачи, компонента ССП (рис. 4), все из которых приходятся на момент предъявления оцениваемого сигнала⁵ (в период паузы между эталонным и оцениваемым сигналом типичных компонентов обнаружено не было):

- 1) позитивный пик, проявляющийся в начале предъявления оцениваемого сигнала, условное обозначение — $P_{\text{начало}}$ (сопоставим с $P100$);
- 2) негативный пик, проявляющийся в середине предъявления оцениваемого сигнала, — $N_{\text{середина}}$ (сопоставим с $N200$);
- 3) высокоамплитудный позитивный пик, проявляющийся в середине сигнала, — $P_{\text{середина}}$;
- 4) негативный пик, проявляющийся в конце предъявления сигнала, — $N_{\text{конец}}$ (сопоставим с $N300$);

Компоненты $N_{\text{середина}}$ и $P_{\text{середина}}$ выделяются у всех участников исследования в проанализированной группе (т.е. 100%-я воспроизводимость). Компонент $P_{\text{начало}}$ не выделялся лишь у 7-го участника исследования, компонент $N_{\text{конец}}$ — у 14-го. Таким образом, можно говорить о типичности этих компонентов и об их важности для решения данной задачи. Усредненные амплитудные и временные (с поправкой на задержку передачи сигнала между ПК, предъявляющим задачу, и регистрирующим ЭЭГ) характеристики выделенных компонентов представлены в таблице.

Таким образом, наиболее выраженным является паттерн негативного и позитивного пиков (“ N – P паттерн”), во время развертки которых в среднем в течение 67 мс происходит перепад амплитуд на 6.7 мкВ.

⁵ Мы устанавливаем возможное соответствие с теми компонентами, которые приняты в литературе, однако не соотносим с процессами, традиционно связываемыми с этими компонентами, поскольку рассматриваем системные процессы [17; 18].

Таблица. Усредненные амплитудно-временные характеристики компонентов ССП, выделенных на 1 эпохе анализа

	Латенция пика, мс	Стандартное отклонение латенции пика	Мгновенная амплитуда пика, мкВ	Амплитуда от предыдущего пика (peak to peak), мкВ
$P_{\text{начало}}$	75	12.6	3.100	5.219
$N_{\text{середина}}$	166	32.9	-3.089	-6.190
$P_{\text{середина}}$	233	45.6	3.633	6.723
$N_{\text{конец}}$	309	11.8	-1.833	-5.467

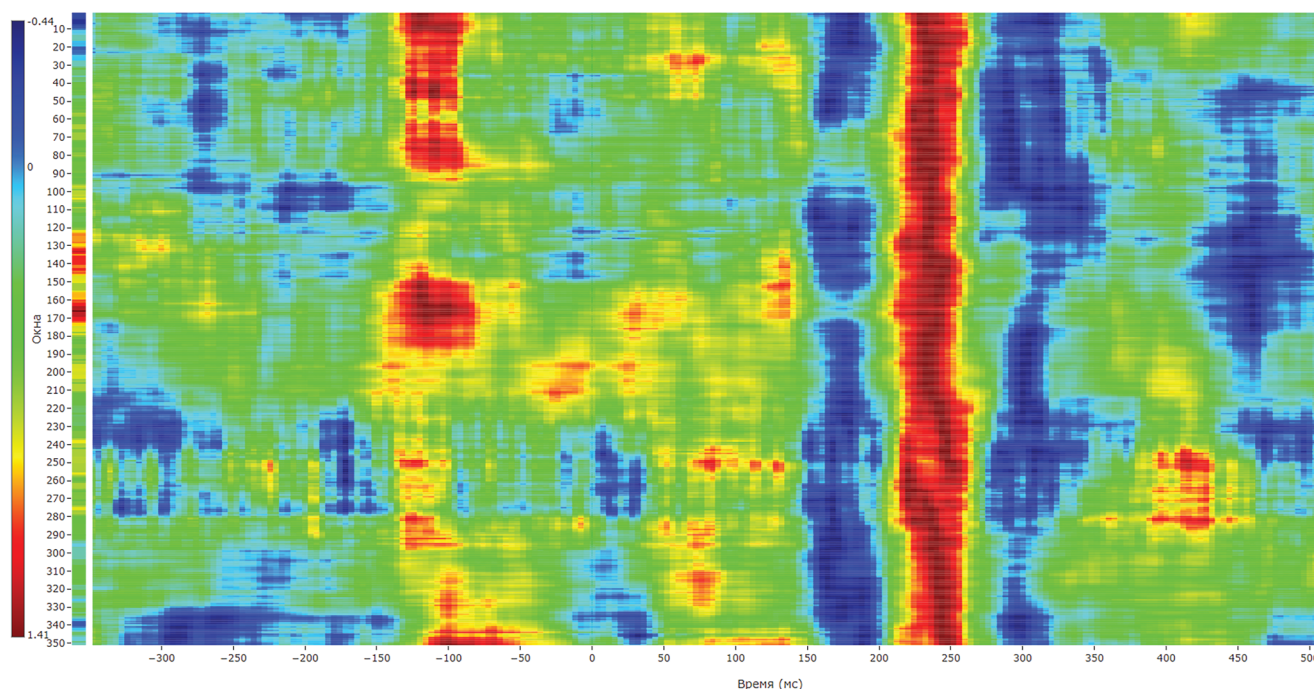
Помимо вышеописанных компонентов с уровнем воспроизводимости, близким к 100%, в ряде случаев были обнаружены два компонента, выделяемые у двух (в каждом случае разных) участников исследования: второй позитивный пик в начале предъявления оцениваемого сигнала (средняя латенция — 148 мс) и дополнительный N – P -паттерн в середине его предъявления (средняя латенция P -компонента — 256 мс). Ввиду нетипичности данных компонентов (т.е. их малой встречаемости) они не вошли в анализ в данной работе

Помимо оценки типичности в контексте воспроизводимости ряда компонентов у всех участников исследования проводилась оценка стабильности данных компонентов по ходу экспериментальной серии. Для этого использовался метод тепловых карт [21]. Было показано, что латенции выделенных компонентов отличаются высокой стабильностью на протяжении всего решения задачи (см.

иллюстрацию динамики компонентов ССП методом тепловых карт на рис. 5).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Процесс оценки длительности предъявляемого сигнала можно охарактеризовать как целостный поведенческий акт, направленный на достижение определенного полезного приспособительного результата. Согласно положениям системно-эволюционного подхода, формируемая на основе параметров ожидаемого результата программа действия (и разворачивающийся на ее основе поведенческий акт) может быть описана как набор определенных этапов, направленных на достижение предварительных (этапных) результатов. Реализация поведенческого акта представляет собой актуализацию набора функциональных систем. Увеличению количества актуализированных систем соответствуют позитивные колебания на ЭЭГ, его снижению

Рис. 5. Иллюстрацию динамики компонентов ССП методом тепловых карт. Участник исследования № 10. Отведение F3

Примечание. По оси абсцисс — время в мс, по оси ординат — окна усреднения d' ; красный/бордовый — позитивные пики, синий — негативные.

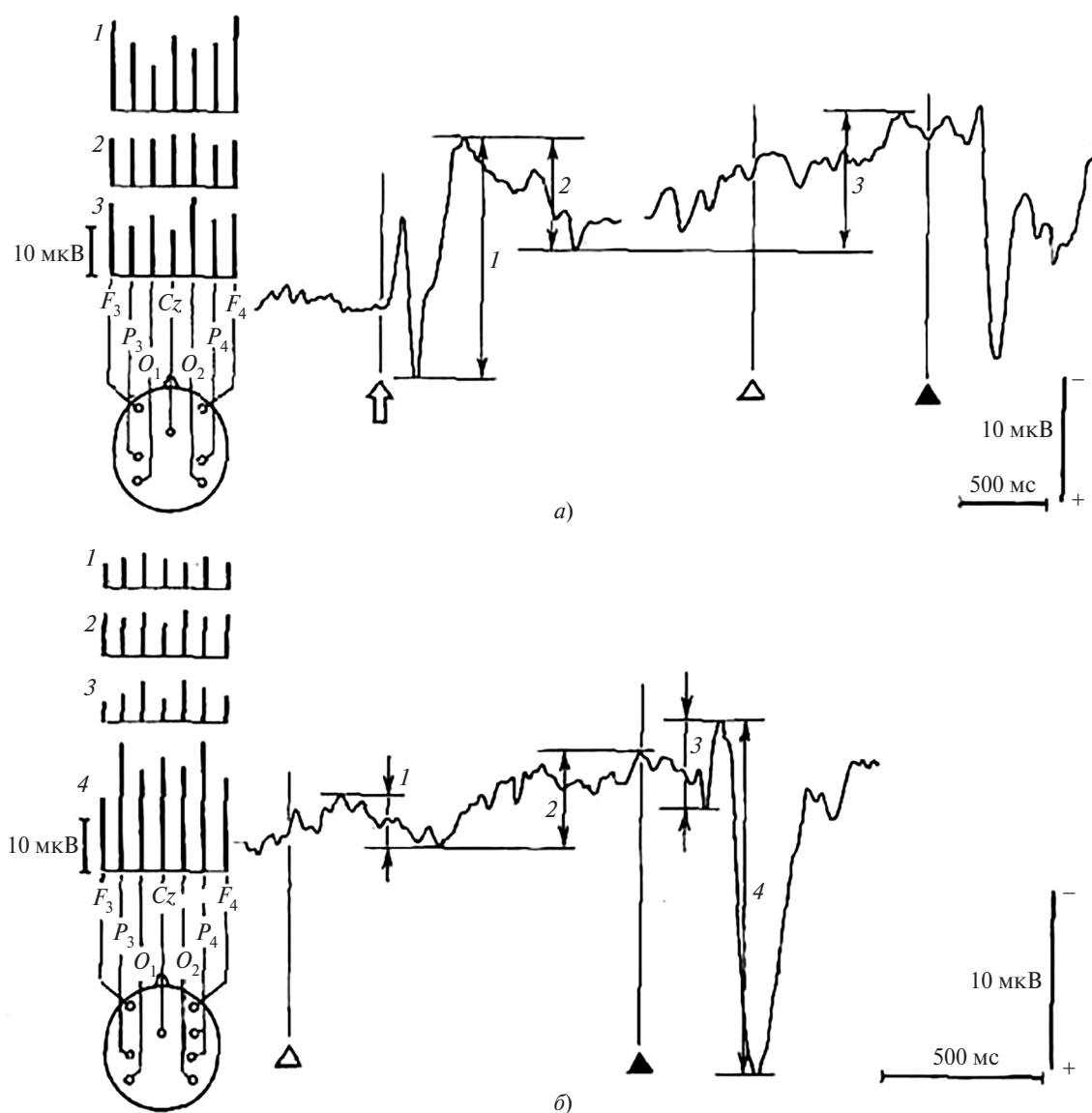

Рис. 6. Потенциал универсальной конфигурации [12]

(и реализации поведения) — негативные [8]. Смена поведенческого акта или этапа поведенческого акта проявляется через негативно-позитивный комплекс (иллюстрацию см. рис. 6: потенциал 1 — рис. 6, а, потенциал 4 — рис. 6, б) [8; 12].

В эпоху предъявления оцениваемого сигнала (с 0 до 400 мс) был выделен ряд типичных компонентов ССП: позитивный пик ($P_{\text{начало}}$) в начале предъявления сигнала (средняя латенция — 75 мс); в середине интервала предъявления оцениваемого сигнала стабильно выделяются два типичных компонента: высокоамплитудные и следующие подряд с малой латенцией между ними негативное и позитивное колебания ($N_{\text{середина}}$, $P_{\text{середина}}$, со средними латенциями 166 и 233 мс соответственно); негативный пик в конце предъявления оцениваемого сигнала $N_{\text{конец}}$ (средняя латенция — 309 мс). Стоит

обратить внимание на то, что такие типичные компоненты встречаются и у испытуемых, которые не решали данную задачу; динамика амплитудно-временных характеристик данных компонентов (в группе научившихся) будет являться логическим продолжением данной работы.

Основываясь на конфигурации данных компонентов, можно условно выделить три эпохи актуализации функциональных систем: позитивация в начале предъявления сигнала, позитивация в составе N – P -паттерна ($N_{\text{середина}}$ – $P_{\text{середина}}$), позитивация в конце предъявления сигнала после $N_{\text{конец}}$, что можно проинтерпретировать следующим образом:

— позитивация к пику $P_{\text{начало}}$ — актуализация функциональных систем, соответствующая началу поведения, направленного на оценивание предъ-

являемого сигнала, что содержательно можно сопоставить с “ранними” компонентами;

— N – P -паттерн соответствует своей архитектурой описанному ранее негативно-позитивному комплексу “потенциала универсальной конфигурации” [12], ввиду чего данную эпоху интерпретируется в качестве смены некоторых этапов поведенческого акта;

— негативацию $P_{\text{середина}} - N_{\text{конец}}$ (схожую с негативной волной ожидания CNV) можно проинтерпретировать как своего рода ожидание окончания сигнала, т.е. ожидание интервала после 400 мс (до 466/492 мс), когда различие (или сходство) оцениваемого сигнала с эталонным будет физически проявляться, а позитивацию после пика $N_{\text{конец}}$ — как актуализацию систем, направленную на различение сигналов в данном интервале.

Самым неоднозначным в контексте интерпретации и сопоставления с литературой является N – P -паттерн. Стоит отметить, что при регистрации ЭЭГ у индивидов во время решения задач похожего рода (при этом данные исследования были направлены на другие цели и задачи) выделялись сходные по конфигурации компоненты. Н.Е. Максимова и И.О. Александров при изучении медленных потенциалов [12] также предъявляли задачу, направленную на обнаружение сигнала, при этом, как можно заметить, полученная ими конфигурация потенциалов (см. рис. 6) очень схожа с полученной нами (см. рис. 4). В.В. Гаврилов при сопоставлении ЭЭГ и регистрации нейрональной активности показал похожую картину [9]. В недавнем исследовании Н. Gibbons [22], направленном на изучение процессов восприятия времени (терминология приведена в соответствии с авторской), использовалась схожая методика предъявления сигналов с близкими параметрами длительности и была получена почти идентичная конфигурация потенциалов. Однако во всех вышеописанных работах данные компоненты либо интерпретировались в другом ключе ввиду иных целей исследований, либо не описывались вовсе. Поэтому на данном этапе исследования сложно однозначно говорить, чем вызвано такое разделение в середине предъявления сигнала.

Выдвигается предположение, что данный феномен может объясняться за счет следующих альтернативных гипотез: 1) происходит дробление оцениваемого сигнала на две части для упрощения задачи сравнения сигналов (предположительно субъективно вместо сравнения 466/492 мс с 400 мс эталона происходит сравнение второй половины сигнала в 266/292 мс с первой половиной, а также с эталонным сигналом); 2) максимальная продолжительность поведенческого акта в целом или

в условиях данной задачи имеет определенные временные ограничения; 3) найденный паттерн является типичным для задач такого рода и отражает смену физической среды (сопоставимо с классической интерпретацией компонента $P200$ [26]). При этом плавную негативацию $P_{\text{начало}} - N_{\text{середина}}$ можно проинтерпретировать как негативную волну ожидания (CNV) смены этапов процесса оценки сигнала.

Объяснение данного феномена требует дальнейшего изучения, а высказанные выше взаимоисключающие допущения можно рассматривать как гипотезы для будущих исследований. Для дальнейшего исследования предполагается проведение контрольных серий с изменением длительности предъявления сигналов с 400 на 600 мс. В случае если дробление поведенческого акта вызвано субъективным делением индивидом оцениваемого сигнала пополам для упрощения решаемой задачи, то данный потенциал будет проявляться также в середине акта (средняя латенция паттерна будет приблизительно равна 300 мс) оценки сигнала в 600 мс. Если же это вызвано временными ограничениями длительности поведенческого акта в условиях данной задачи, то дробление акта оценки сигнала будет проходить качественно другим образом и на эпохе предъявления сигнала в 600 мс будут выделены два следующих друг за другом N – P -паттерна со средними латенциями 200 и 400 мс. Если данный паттерн отражает смену физической среды и концептуально схож с компонентом $P200$, то средняя латенция паттерна останется неизменной (около 200 мс), а следующего за ним второго схожего N – P -паттерна наблюдаться не будет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, у группы участников исследования, научившихся в ходе эксперимента выполнению задачи различения коротких интервалов времени, выделяется ряд типичных и стабильных компонентов связанных с событием потенциалов в эпоху предъявления оцениваемого сигнала. Данные компоненты и их соотношение позволяют нам делать предварительные выводы или предположения о характеристиках и составе поведенческого акта, связанного с решением данной задачи.

Выделенные в данном исследовании стабильные типичные компоненты ССП в дальнейшем смогут выступить в качестве маркеров для изучения процессуальной характеристики приобретения и совершенствования навыка.

Ввиду стабильного выделения у всех участников исследования паттерна компонентов ССП, схожего с негативно-позитивным комплексом “потенциала универсальной конфигурации”, который связывается с разделением процесса оценки сигнала на специфические этапы, можно сделать заключение о том, что, несмотря на внешне сходное поведение в каждой из проб, оно характеризуется разным набором сменяющихся поведенческих актов и этапов поведенческих актов, которые не выделяются с “ракурса внешнего наблюдателя”.

По итогам обработки результатов других поведенческих групп и проведении дополнительных контрольных экспериментов станет возможной более точная реконструкция состава поведенческого акта, связанного с данной задачей, и более точная интерпретация выделенных этапов данного поведенческого акта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю.И. и др. Консолидация и реконсолидация памяти: психофизиологический анализ // Вопросы психологии. № 3. 2015. С. 133–144.
2. Александров Ю.И. Научение и память: традиционный и системный подходы // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2005. Т. 55. № 6. С. 842–860.
3. Александров Ю.И. Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. М.: Наука, 1989. 198 с.
4. Апанович В.В. и др. Разработка и апробация психофизической методики исследования приобретения и совершенствования навыка // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 3. С. 222–238.
5. Безденежных Б.Н., Мединцев А.А., Александров Ю.И. Системная организация поведения, связанного с произвольной и непроизвольной оценкой интервалов времени разной длительности // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 3. С. 5–18.
6. Безденежных Б.Н. Психофизиологические закономерности взаимодействия функциональных систем при реализации деятельности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004.
7. Величковский Б.М., Зинченко В.П., Лурия А.Р. Психология восприятия. М.: МГУ, 1973.
8. Гаврилов В.В. Соотношение ЭЭГ и импульсной активности нейронов в поведении у кролика // ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях. М.: Наука, 1987. С. 33–44.
9. Гаврилов В.В. Соотношение импульсной активности нейронов с медленными потенциалами мозга в поведении. Дис. ... канд. биол. наук. М., 1992.
10. Гусев А.Н., Измайлов Ч.А., Михалевская М.Б. Измерение в психологии: общий психологический практикум. 2-е изд. М.: Смысл, 1998. 286 с.
11. Лисенкова В.П., Шпагонова Н.Г. Индивидуальные и возрастные особенности восприятия времени взрослыми людьми // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 5–16.
12. Максимова Н.Е., Александров И.О. Типология медленных потенциалов мозга, нейрональная активность и динамика системной организации поведения // ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях. М.: Наука, 1987. С. 44–72.
13. Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 280 с.
14. Садов В.А. Психофизическое исследование сенсорных эталонов памяти // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 1. С. 77–84.
15. Скотникова И.Г. Зрительное различение и рефлексивность-импульсивность // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 4. С. 82–89.
16. Скотникова И.Г. Психофизические характеристики зрительного различения и когнитивный стиль // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 1. С. 84–94.
17. Швырков В.Б. Введение в объективную психологию. М.: Изд-во Института психологии РАН, 1995.
18. Швырков В.Б. Нейрофизиологическое изучение системных механизмов поведения. М.: Наука, 1978. 240 с.
19. Alexandrov Y.I. et al. Neuronal Bases of Systemic Organization of Behavior // Systems Neuroscience / Eds. A. Cheung-Hoi Yu, L. Li // Advances in Neurobiology. Copenhagen: Springer; Cham, 2018. V. 21. P. 1–33.
20. Alexandrov Yu.I. et al. Formation and realization of individual experience: a psychophysiological approach // Conceptual advances in Russian neuroscience: Complex brain functions // Conceptual advances in brain research. V. 2 / Eds. R. Miller, A.M. Ivanitsky, P.V. Balaban. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 2000. P. 181–200.
21. Delorme A. et al. Grand average ERP-image plotting and statistics: A method for comparing variability in event-related single-trial EEG activities across subjects and conditions // Journal of neuroscience methods. 2015. V. 250. P. 3–6.
22. Gibbons H. Event-related brain potentials of temporal generalization: the P300 span marks the transition between time perception and time estimation // Behavioral Neuroscience. 2022. V. 136. № 5. P. 430–444.
23. Green D.M., Swets J.A. Signal detection theory and psychophysics. N.Y.: Wiley, 1966.
24. Jongsma M.L.A. et al. Tracking pattern learning with single-trial event-related potentials // Clinical Neurophysiology. 2006. V. 117. № 9. P. 1957–1973.

25. *Kececi H., Degirmenci Y., Atakay S.* Habituation and dishabituation of P300 // *Cognitive and behavioral neurology*. 2006. V. 19. № 3. P. 130–134.
26. *Key A.P.F., Dove G.O., Maguire M.J.* Linking brainwaves to the brain: an ERP primer // *Developmental neuropsychology*. 2005. V. 27. № 2. P. 183–215.
27. *Macar F., Vidal F., Casini L.* The supplementary motor area in motor and sensory timing: evidence from slow brain potential changes // *Experimental brain research*. 1999. V. 125. P. 271–280.
28. *Macar F., Vidal F.* Timing processes: an outline of behavioural and neural indices not systematically considered in timing models // *Canadian Journal of Experimental Psychology*. 2009. V. 63. № 3. P. 227–239.
29. *McAdam D.W.* Slow potential changes recorded from human brain during learning of a temporal interval // *Psychonomic Science*. 1966. V. 6. № 9. P. 435–436.
30. *Peters J.F., Billinger T.W., Knott J.R.* Event Related Potentials of Brain (CNV and P300) In A Paired Associate Learning Paradigm // *Psychophysiology*. V. 14. № 6. P. 579–585.
31. *Poon L.W. et al.* Changes of antero-posterior distribution of CNV and late positive component as a function of information processing demands // *Psychophysiology*. 1974. V. 11. № 6. P. 660–673.
32. *Rüsseler J. et al.* Differences in incidental and intentional learning of sensorimotor sequences as revealed by event-related brain potentials // *Cognitive Brain Research*. 2003. V. 15. № 2. P. 116–126.
33. *Verleger R., Gasser T., Möcks J.* Short term changes of event related potentials during concept learning // *Biological Psychology*. 1985. V. 20. № 1. P. 1–16.

ERP PARAMETERS OF THE FORMATION OF THE SKILL OF DISTINGUISHING SHORT TIME INTERVALS⁶

K. S. Yudakov^{1,*}, V. V. Apanovich^{1,2,4,}, E. A. Aramyan^{2,***}, D. L. Gladilin^{2,3,****},
Yu. I. Alexandrov^{1,2,4,*****}**

¹*State Academic University for the Humanities;
119049, Moscow, Maronovsky per., 26, Russia.*

²*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

³*Moscow State University of Psychology and Education;
127051, Moscow, Sretenka str., 29, Russia.*

⁴*HSE University;
101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20, Russia.*

^{*}*Graduate student.*

E-mail: kost05062000@mail.ru

^{**}*Deputy Dean of the Faculty of Psychology of the State Academic University for the Humanities,
PhD in Psychology, Researcher at the V.B. Shvyrkov Laboratory of Psychophysiology of the Institute
of Psychology RAS, Junior Researcher at the HSE International Laboratory of Social Neurobiology.*

E-mail: apanovitschvv@yandex.ru

^{***}*Junior Researcher.*

E-mail: aramyan.eric@gmail.com

^{****}*Postgraduate Student of the Institute of Psychology RAS, Laboratory Assistant Researcher,
Moscow State University of Psychology and Education.*

E-mail: dima.gladilin.psy@gmail.com

^{*****}*Academician of Russian Academy of Education (RAE), ScD in Psychology, Professor,
Head of the Department of Psychophysiology of the State Academic University for the Humanities,
Head of the V.B. Shvyrkov Laboratory of Psychophysiology of the Institute of Psychology RAS,
Chief Researcher of the International Laboratory of Social Neurobiology of the HSE.*

E-mail: yuraalexandrov@yandex.ru

Received 28.07.2023

⁶The research is supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00473 (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences).

Abstract. A method including registration of an electroencephalogram (EEG) has been developed and tested to study the processes of acquisition/improvement of a skill. The method is based on the Signal Detection Theory. The experimental task was to distinguish of short time intervals. The psychophysiological data of 10 study participants (learning group) from the total sample ($N = 28$) were analyzed. Typical components of event-related potentials (ERPs) during the presentation of the estimated signal were identified. Time-amplitude characteristics of the components were analyzed. The results obtained are discussed from a system-evolutionary approach.

Keywords: system-evolutionary approach, EEG, psychophysics, learning, improvement of the skill, event-related potentials, detection of short time intervals.

REFERENCES

1. *Aleksandrov Ju.I. i dr.* Konsolidacija i rekonsolidacija pamjati: psihofiziologicheskij analiz. Voprosy psihologii. № 3. 2015. P. 133–144. (In Russian)
2. *Aleksandrov Ju.I.* Nauchenie i pamjat': tradicionnyj i sistemnyj podhody. Zhurnal vysshej nervnoj dejatel'nosti im. I.P. Pavlova. 2005. V. 55. № 6. P. 842–860. (In Russian)
3. *Aleksandrov Ju.I.* Psihofiziologicheskoe znachenie aktivnosti central'nyh i perifericheskikh neyronov v povedenii. Moscow: Nauka, 1989. 198 p. (In Russian)
4. *Apanovich V.V. i dr.* Razrabotka i aprobacija psihofizicheskoy metodiki issledovanija priobretenija i sovershenstvovanija navyka. Jekspirimental'naja psihologija. 2022. V. 15. № 3. P. 222–238. (In Russian)
5. *Bezdenezhnyh B.N., Medynceva A.A., Aleksandrov Ju.I.* Sistemnaja organizacija povedenija, svjazannogo s proizvol'noj i neproizvol'noj ocenкой intervalov vremeni raznoj dlitel'nosti. Jekspirimental'naja psihologija. 2009. V. 2. № 3. P. 5–18. (In Russian)
6. *Bezdenezhnyh B.N.* Psihofiziologicheskie zakonomernosti vzaimodejstvija funkcional'nyh sistem pri realizacii dejatel'nosti: Dis. ... d-ra psihol. nauk. Moskva, 2004. (In Russian)
7. *Velichkovskij B.M., Zinchenko V.P., Lurija A.R.* Psihologija vosprijatija. Moscow: MGU, 1973. (In Russian)
8. *Gavrilov V.V.* Sootnoshenie JeJeG i impul'snoj aktivnosti neyronov v povedenii u krolika. JeJeG i neyronal'naja aktivnost' v psihofiziologicheskikh issledovanijah. Moscow: Nauka, 1987. P. 33–44. (In Russian)
9. *Gavrilov V.V.* Sootnoshenie impul'snoj aktivnosti neyronov s medlennymi potencialami mozga v povedenii: Dis. ... kand. biol. nauk. Moskva, 1992. (In Russian)
10. *Gusev A.N., Izmajlov Ch.A., Mihalevskaja M.B.* Izmerenie v psihologii: obshhij psihologicheskij praktikum. 2-e izd. Moscow: Smysl, 1998. 286 p. (In Russian)
11. *Lisenkova V.P., Shpagonova N.G.* Individual'nye i vozrastnye osobennosti vosprijatija vremeni vzroslymi ljud'mi. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 5. P. 5–16. (In Russian)
12. *Maksimova N.E., Aleksandrov I.O.* Tipologija medlennykh potencialov mozga, neyronal'naja aktivnost' i dinamika sistemnoj organizacii povedenija. JeJeG i neyronal'naja aktivnost' v psihofiziologicheskikh issledovanijah. Moscow: Nauka, 1987. P. 44–72. (In Russian)
13. *Ponomarev Ja.A.* Psihologija tvorчества. Moscow: Nauka, 1976. 280 p. (In Russian)
14. *Sadov V.A.* Psihofizicheskoe issledovanie sensorykh jetalonov pamjati. Psikhologicheskii zhurnal. 1982. V. 3. № 1. P. 77–84. (In Russian)
15. *Skotnikova I.G.* Zritel'noe razlicenie i reflektivnost'-impul'sivnost'. Psikhologicheskii zhurnal. 1999. V. 20. № 4. P. 82–89. (In Russian)
16. *Skotnikova I.G.* Psihofizicheskie harakteristiki zritel'nogo razlicenija i kognitivnyj stil'. Psikhologicheskii zhurnal. 1990. V. 11. № 1. P. 84–94. (In Russian)
17. *Shvyrykov V.B.* Vvedenie v obektivnuju psihologiju. Moscow: Izd-vo Institut psihologii RAN, 1995. (In Russian)
18. *Shvyrykov V.B.* Nejfiziologicheskoe izuchenie sistemnykh mehanizmov povedenija. Moscow: Nauka, 1978. 240 p. (In Russian)
19. *Alexandrov Y.I. et al.* Neuronal Bases of Systemic Organization of Behavior. Systems Neuroscience. Eds. A. Cheung-Hoi Yu, L. Li. Advances in Neurobiology. Copenhagen: Springer; Cham, 2018. V. 21. P. 1–33.
20. *Alexandrov Yu.I. et al.* Formation and realization of individual experience: a psychophysiological approach. Conceptual advances in Russian neuroscience: Complex brain functions. Conceptual advances in brain research. V. 2. Eds. R. Miller, A.M. Ivanitsky, P.V. Balaban. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 2000. P. 181–200.
21. *Delorme A. et al.* Grand average ERP-image plotting and statistics: A method for comparing variability in event-related single-trial EEG activities across subjects and conditions. Journal of neuroscience methods. 2015. V. 250. P. 3–6.
22. *Gibbons H.* Event-related brain potentials of temporal generalization: the P300 span marks the transition between time perception and time estimation. Behavioral Neuroscience. 2022. V. 136. № 5. P. 430–444.
23. *Green D.M., Swets J.A.* Signal detection theory and psychophysics. New York: Wiley, 1966.
24. *Jongsma M.L.A. et al.* Tracking pattern learning with single-trial event-related potentials. Clinical Neurophysiology. 2006. V. 117. № 9. P. 1957–1973.

25. *Kececi H., Degirmenci Y., Atakay S.* Habituation and dishabituation of P300. Cognitive and behavioral neurology. 2006. V. 19. № 3. P. 130–134.
26. *Key A.P.F., Dove G.O., Maguire M.J.* Linking brainwaves to the brain: an ERP primer. Developmental neuropsychology. 2005. V. 27. № 2. P. 183–215.
27. *Macar F., Vidal F., Casini L.* The supplementary motor area in motor and sensory timing: evidence from slow brain potential changes. Experimental brain research. 1999. V. 125. P. 271–280.
28. *Macar F., Vidal F.* Timing processes: an outline of behavioural and neural indices not systematically considered in timing models. Canadian Journal of Experimental Psychology. 2009. V. 63. № 3. P. 227–239.
29. *McAdam D.W.* Slow potential changes recorded from human brain during learning of a temporal interval. Psychonomic Science. 1966. V. 6. № 9. P. 435–436.
30. *Peters J.F., Billinger T.W., Knott J.R.* Event Related Potentials of Brain (CNV and P300) In A Paired Associate Learning Paradigm. Psychophysiology. V. 14. № 6. P. 579–585.
31. *Poon L.W. et al.* Changes of antero-posterior distribution of CNV and late positive component as a function of information processing demands. Psychophysiology. 1974. V. 11. № 6. P. 660–673.
32. *Rüsseler J. et al.* Differences in incidental and intentional learning of sensorimotor sequences as revealed by event-related brain potentials. Cognitive Brain Research. 2003. V. 15. № 2. P. 116–126.
33. *Verleger R., Gasser T., Möcks J.* Short term changes of event related potentials during concept learning. Biological Psychology. 1985. V. 20. № 1. P. 1–16.

УДК: 159.9.072

БОЛЬШОЙ ОРИЕНТАЦИОННЫЙ ТЕСТ: РАЗРАБОТКА И ОЦЕНКА ПСИХОМЕТРИЧЕСКИХ СВОЙСТВ

© 2023 г. Д. Ф. Алиев*, Д. В. Каширский**, В. В. Уроженко***

*Российский государственный социальный университет;
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, Россия.*

**Кандидат экономических наук, DBA, PhD, первый проректор.*

E-mail: alievdf@rgsu.net

***Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики.*

E-mail: kashirskiiv@rgsu.net

****Кандидат экономических наук, проректор по научной деятельности.*

E-mail: urozhenkovv@rgsu.net

Поступила 05.06.2023

Аннотация. Представлены результаты оценки психометрических свойств разработанного авторами опросника “Большой ориентационный тест” (БОТ). Выборку стандартизации составили учащиеся колледжа, студенты и аспиранты вузов, взрослые люди ($n = 1648$) в возрасте 16–63 года ($M = 19.35$; $SD = 6.52$), женщины — 76%. Доказана конструктивная валидность методики — обоснована факторная структура, проведена оценка конвергентной и дискриминантной валидности, обоснована надежность опросника. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о пригодности данного теста для использования в исследовательских целях, а также для решения широкого спектра прикладных задач в различных сферах социальной практики — бизнес, образование, политика, медицина, юриспруденция и др.

Ключевые слова: Большой ориентационный тест, БОТ, диспозиционный подход, свойства личности, профессиональные компетенции, валидность, надежность.

DOI: 10.31857/S020595920029012-9

Проблема личности является фундаментальной проблемой психологической науки, в которой на данный момент соседствует широкое разнообразие теоретических подходов и направлений, отстаивающих собственный взгляд на этот феномен. Данная область знания находится в ситуации крайнего плюрализма мнений в отношении предмета изучения. Впрочем, эта особенность свойственна для всей современной психологии, рассматриваемой многими учеными в качестве “мультипарадигмальной” науки [7].

Среди психологов никогда не было единства в понимании природы личности, факторов, закономерностей и механизмов ее функционирования и развития. В некоторых подходах высказывается сомнение или полностью отрицается наличие личности как предмета изучения, поэтому данное понятие в соответствующих теоретических моделях не применяется и в интерпретационных схемах не используется. В других концепциях задаются резонные вопросы по поводу того, какая реальность

описывается в психологии термином “личность” [4; 5]. Крайне неоднозначна точка зрения ученых по поводу количества структурных компонентов личности, необходимых и достаточных для ее полного описания, понимания, объяснения, интерпретации поведенческих проявлений, в основе которых лежат те или иные индивидуально-психологические особенности личности.

Некоторые психологи критикуют саму постановку задачи выделения “образующих” личности и склонны подходить к ее анализу не по элементам, а по единицам [2; 3]. Впрочем, ценность того или иного подхода в конечном счете определяется тем, в какой мере он позволяет раскрыть системное строение человеческой личности и ее генезис [6].

В последнее время в психологии стал активно разрабатываться подход, использующий различные динамические и процессуальные аспекты в описании и диагностике личности [17]. Однако исследования, ведущиеся в этом направлении, не могут не принимать во внимание наработки в области

диспозиционной методологии и других подходов в психологии личности.

Теоретическая разногласия в понимании феномена личности отразилась на методах исследования человеческой индивидуальности. Фактически вся история психологической диагностики демонстрирует нам поиск способов измерения и оценки личностных характеристик, факторов, черт, диспозиций, таксономий, группировок и т.п., выделение качественного своеобразия в личностных типах. Все это делается для того, чтобы понять, чем один человек отличается от другого человека и как эти различия проявляются в поведении и деятельности субъекта.

Так, в русле лексического подхода (Г. Олпорт, Х.С. Одберт, Р. Кеттел и др.) [8; 14] была сформулирована гипотеза, в соответствии с которой наиболее существенные различия между людьми зафиксированы в языке, поэтому для выделения наиболее устойчивых личностных свойств (диспозиций) следует обратиться к тезаурусу литературного языка с тем, чтобы провести обобщение синонимичных характеристик личности, выявить кросс-культурные универсалии среди таких описаний. Результатом реализации данного подхода стала, в частности, разработка Г. Олпортом с коллегами опросника SOV, направленного на диагностику ценностных предпочтений как устойчивых черт личности [9].

В логике статистического подхода (Р. Кеттел) [14] работа по выделению личностных черт начинается с измерения и последующего применения факторного анализа к данным наблюдения, самоотчетов и экспериментов (Q-, L- и T-данным). Как известно, результатом этой работы стало появление 16-факторного личностного опросника (16PF) и различных его модификаций.

В рамках дедуктивного подхода работа по описанию черт начинается не с изменения и оценки, а с теоретического обоснования необходимости введения определенного конструкта как значимой личностной диспозиции (Г. Айзенк и др.) [15]. Результатом этой деятельности с опорой на клинические наблюдения стала разработка Г. Айзенком нескольких личностных опросников, наиболее известные из которых EPI и EPQ.

Несмотря на методологические расхождения в этих подходах, каждый из них исходит из предположения о существовании некоторого универсального набора черт (качеств, личностных диспозиций, факторов и т.п.), способного описать человеческую личность. Однако среди ученых нет единства в понимании того, какое количество черт или

факторов необходимо для этого. На данный момент число выделенных факторов колеблется от 2–3 (Г. Айзенк, EPI, EPQ) [15] до 5 (У. Норман, Р. Мак-Крае, П. Коста и др., NEO PI-R, BFI, BFI-2-S и др.) [19; 20], 6 (М. Эштон, К. Ли) [11], 8 (Т. Лири) [18], 16 (Кеттел, 16PF) [14] и т.д. При этом современные тестологи сходятся во мнении, что наибольшую полноту описания личности дает модель “Большая пятерка”, хотя и она не лишена недостатков и ограничений в использовании [10; 13]. Состояние современной психодиагностики личностных черт напоминает ситуацию, сложившуюся когда-то в химии, где до публикации работ Д.И. Менделеева существовало порядка 50 периодических систем элементов, каждая из которых была чем-то хороша и для чего-то пригодна, однако не описывала химическую реальность во всей полноте. По мнению Б.Ф. Ломова [6], научная классификация свойств человека могла бы сыграть в психологии не меньшую роль, чем периодическая система в химии.

Диагностика индивидуальных особенностей личности ведется в рамках так называемого ассесмент-подхода, одним из ярких представителей которого являются Р. Хоган и его коллеги [16]. Опросники Хогана (HPI, HDS, MVP и др.) решают *сугубо практические задачи* и позволяют, как утверждают разработчики, предсказывать эффективность труда при помощи оценки личностных характеристик. Эти тесты специально разработаны для использования в бизнесе, они описывают характеристики личности, необходимые для успеха в карьере, деловых отношениях, обучении и в жизни вообще. Данные диагностические методики нашли широкое применение и в нашей стране, активно взяты на вооружение представителями кадровых агентств и специалистами в сфере профотбора, однако без требуемой критической оценки психометрических свойств этих тестов. Часто эти и подобные им диагностические методики не выдерживают элементарной критики даже на уровне оценки их содержательной валидности. Складывается впечатление, что их русскоязычные версии, реализованные, как правило, в онлайн-формате, являются простой калькой с английского языка, существуют и активно используются на рынке психодиагностических услуг без должной проверки валидности, надежности и репрезентативности тестовых показателей на российской выборке. Обработка результатов этих тестов проводится на зарубежных сайтах, на которых, естественно, хранятся и полученные диагностические показатели, непрерывно пополняя базу данных наших соотечественников — представителей различных социальных и профессиональных групп.

В ситуации ориентации российского общества на повышение суверенитета и безопасности в различных сферах жизни, включая и область психологии личности наших граждан, сложившаяся ситуация выглядит крайне неприемлемой и требует разрешения. В частности, для решения задач профессионального отбора кадров необходим инструмент, отвечающий всем современным требованиям, предъявляемым к диагностическим методикам. Этот тест должен учитывать культурную специфику нашей страны и быть доступным для понимания не только специалистами-практиками, непосредственно занимающимися отбором людей на ту или иную должность (со стороны содержания диагностических шкал, интерпретации тестовых показателей и т.д.), но и сотрудниками организаций, а также их руководителями, принимающими кадровые решения. Последнее может быть достигнуто, если руководители примут и в целом одобряют саму методологию исследования, перечень шкал и показателей, которые способен предоставить тест. На наш взгляд, это возможно, если разработка теста будет строиться “снизу”, т.е. двигаться от самой жизни, практики. Поэтому разработка диагностической методики должна вестись так, чтобы принимался во внимание не только “язык науки”, но и “язык заказчика”.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы представить результаты разработки и оценки психометрических свойств Большого ориентационного теста (БОТ) — оригинального российского опросника, направленного на диагностику индивидуально-психологических особенностей личности, наиболее релевантных для оценки успешности субъекта в трудовой деятельности. БОТ построен на основе обобщения исследований в области создания тестовых методик, разработанных в русле диспозиционных моделей личности. Создание опросника опирается на многолетний опыт авторов в области психометрических исследований и практики управления персоналом. Предлагаемый тест ставит одной из своих задач замещение системы Р. Хогана в сфере профессиональной диагностики и подбора кадров в нашей стране.

Задачи исследования: 1) провести доказательство конструктивной валидности БОТ за счет обоснования факторной структуры опросника; 2) оценить конвергентную и дискриминантную валидность шкал БОТ; 3) провести обоснование надежности БОТ путем выявления внутренней consistency его шкал и устойчивости результатов тестирования во времени.

В связи с этим нами были поставлены следующие *исследовательские вопросы*:

- 1) может ли быть эмпирически обоснована гипотетическая модель успешного работника, лежащая в основе разрабатываемого опросника;
- 2) каков характер связей между показателями шкал БОТ и другими личностными особенностями человека (факторами “Большой пятерки” и др.);
- 3) являются ли шкалы БОТ внутренне однородными и можно ли утверждать о стабильности показателей, диагностируемых с помощью данного опросника?

МЕТОДИКА

Опросник БОТ. Большой ориентационный тест (БОТ) направлен на выявление индивидуально-психологических особенностей личности, лежащих в основе успешности человека в различных видах деятельности и склонностей субъекта к реализации того или иного репертуара поведения.

При разработке теста реализован комплексный подход к изучению и диагностике личностных черт, который базируется на результатах более чем 15-летнего исследования. Работа над методикой начиналась с практического обоснования необходимости выделения диагностических показателей (шкал опросника), наиболее подходящих с точки зрения бизнес-сообщества для оценки личностных качеств успешного в карьере сотрудника. Для этого на основе анализа анкет 2275 потенциальных экспертов¹ была скомплектована случайная выборка из 51 человека, с каждым из которых в течение 20–30 мин было проведено глубинное интервью, цель которого заключалась в том, чтобы установить, чем успешный сотрудник отличается от неуспешного. Далее на основе обобщения материалов этого исследования был составлен перечень из 33 личностных качеств, лежащих в основе профессиональной успешности работника. На основе результатов экспертного опроса были построены также личностные профили успешных сотрудников, относящихся к трем профессиональным группам: “менеджер” (исполнительный руководитель); “предприниматель” (лидер, принимающий решения и готовый к риску); “консультант” (дает рекомендации, выступает в роли эксперта). Профили выделены на основе анализа контингента слушателей, регулярно проходящих

¹ В качестве экспертов выступили представители крупных российских компаний, представляющих различные сферы промышленности, производства и бизнес-сообщество, — управленцы, имеющие большой опыт работы и признание в соответствующих областях практики.

бизнес-обучение (подробнее об этой стадии работы см. [1]).

На следующей (измерительной, статистической) стадии исследования был составлен оригинальный опросник — Большой ориентационный тест (БОТ), содержащий 33 измерительных шкалы и включающий 1392 пункта, и проведена оценка его психометрических свойств. Тест реализован в онлайн-формате, может быть пройден по гиперссылке. По результатам обработки ответов каждый респондент получает индивидуальный профиль в виде лепестковой диаграммы (см. приложение 1), который может быть сопоставлен со среднегрупповыми показателями, характерными для людей того же возраста, пола, занимаемой должности и т.п., т.е. результатами тестирования “референтной группы”.

К лепестковой диаграмме прилагается детальная интерпретация полученных результатов по каждой шкале опросника с описанием уровневых характеристик изучаемых свойств. Фрагмент одного из таких описаний представлен в приложении 1. Разработаны и более подробные варианты отчетов, содержащие, например, рекомендации для респондента по выбору наиболее подходящей для него сферы профессиональной деятельности или для работников кадровых служб, что дает возможность строить траектории развития сотрудников, организовывать курсы повышения квалификации, формировать кадровый резерв организации и многое другое. Подробное описание диагностических шкал БОТ и примеров пунктов опросника также представлено в приложении 1.

Выборку стандартизации БОТ после исключения выбросов и отсеивания недостоверных ответов составили 1648 человек в возрасте 16–63 года ($M = 19.35$; $SD = 6.52$; $Md = 18.00$), из которых женщины — 76%. Среди них — учащиеся колледжа, студенты вуза, взрослые люди. Статистическая обработка данных проведена в программе JASP 0.17.1.0.

Организация обследования и соблюдение этических норм. Работа над созданием опросника выполнена с учетом всех этических норм проведения диагностических исследований, принятых в современной психологии. Все участники проходили тестирование анонимно, на добровольной и безвозмездной (с обеих сторон) основе. На любой стадии работы опрашиваемый мог отказаться от участия в исследовании. От респондентов была получена обратная связь, в том числе по поводу длительности прохождения теста. Однако данная особенность БОТ принципиальных сложностей у участников не вызвала. Участники опроса (особенно студенты колледжа и вуза) были мотивированы получить

расширенный отчет по результатам диагностики, содержащий в том числе сведения о сильных и слабых сторонах их личности, важных для успешности в будущей профессиональной деятельности. Студентам было сообщено о имеющейся у вуза договоренности с крупными работодателями, представляющими различные отрасли промышленности РФ, о том, что они готовы использовать БОТ для оценки кандидатов при трудоустройстве. Таким образом, для студентов прохождение опросника стало отличной возможностью получить отчет о выраженности 33 личностных качеств, релевантных профессиональной деятельности, и предоставить его потенциальным работодателям.

Конструктивная валидность БОТ доказывалась с помощью обоснования факторной структуры опросника, а также путем оценки конвергентной и дискриминантной валидности его шкал.

Факторная структура опросника. Оценка факторной структуры БОТ производилась в два этапа. Вначале с помощью эксплораторного факторного анализа (EFA) (метод максимального правдоподобия, Promax-вращение) была обоснована гипотетическая модель, лежащая в основе опросника, после чего найденное статистическое решение было оценено с помощью конфирматорного факторного анализа (CFA). Авторы исходили из принципиального положения о взаимосвязанности личностных качеств успешного работника. В соответствии с этим был выбран метод анализа корреляционной матрицы с использованием неортогонального вращения факторов. На необходимость выделения именно коррелирующих факторов указывает сама практика профессиональной деятельности эффективного работника, выражающаяся во взаимозаменимости одного свойства другим, компенсации одних личностных качеств другими особенностями личности в процессе труда. Мы не ставили своей задачей обоснование структуры личностных черт, когда входящие в ее состав свойства являются несвязанными друг с другом характеристиками (например, по типу двухфакторной модели Айзенка или модели “Большой пятерки”). Таким образом, мы не пытались выделить отдельные и независимые друг от друга аспекты для рассмотрения личности, с тем чтобы из них, как из кирпичиков, воссоздать в дальнейшем ее “образ”. Нас интересовал конкретный живой человек, реальный субъект трудовой деятельности, личностные свойства которого “недизъюнктивны” (А.В. Брушлинский), а не абстрактно понятый субъект труда.

Конвергентная и дискриминантная валидность. Оценка конвергентной и дискриминантной валидности осуществлялась на основе корреляционного

анализа шкал БОТ со шкалами опросников, теоретически с ними связанными, в числе которых были использованы:

1) *Опросник “Большая пятерка”* (Big Five Inventory — BFI, John et al., 2008) в адаптации С.А. Щербетенко (2014);

2) *Опросник мотивации достижения успеха и избегания неудач* (А.А. Реан, 2004);

3) *Шкала удовлетворенности жизнью* Э. Динера (Satisfaction with Life Scale — SWLS, E. Diener et al., 1985) в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина (2003);

4) *Шкала самоуважения* М. Розенберга (Rosenberg Self-Esteem Scale, RSE, 1965) в адаптации Д.В. Лубовского (2006);

5) *Опросник “Уровень субъективного контроля”* (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд, 1984);

6) *Шкала общей самооффективности* Р. Шварцера и М. Ерусалема (General Self-Efficacy Scale — GSES, R. Schwarzer, M. Jerusalem, 1981, 1992) в адаптации В.Г. Ромека (1996).

Надежность шкал опросника определялась с помощью коэффициентов ω Макдональда, α Кронбаха, GLB — наилучшей возможной нижней границы надежности, AIC — средней межпунктовой корреляции и $r_{XX'}$ — ретестовой надежности ($N = 224$; интервал между тестированиями — три недели).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Оценка нормальности и выбросы. Нормальность распределения всех участвующих в анализе количественных переменных была доказана с помощью

k - s критерия Колмогорова—Смирнова ($p > 0.10$). Данные были оценены на наличие выбросов — значений, выходящих за пределы отрезка $[Q_1 - 1.5 \cdot IQR; Q_3 + 1.5 \cdot IQR]$, где Q_1 и Q_3 — нижний и верхний квартили распределения соответственно, а IQR — межквартильный размах.

Факторная структура опросника. Критерий Кайзера—Мейера—Олкина и критерий сферичности Бартлетта показали, что к результатам диагностики может быть применен ЕФА (КМО = 0.922; $\chi^2 = 226084.265$; $p \leq 0.001$), который был реализован методом максимального правдоподобия (MLE) в облических координатах (Promax-вращение). Выбор данного метода обусловлен прежде всего тем, что шкалы БОТ не являются независимыми друг от друга переменными; напротив, они диагностируют связанные между собой личностные качества, важные в профессиональной деятельности. С помощью метода параллельного анализа было выделено 33 фактора, которые объясняют 61.6% общей дисперсии.

Подтверждение гипотетической структуры валидируемого опросника может быть продемонстрировано с помощью графического критерия Р. Кеттела: в точке с абсциссой 33 убывание собственных значений замедляется наиболее интенсивно (см. рисунок).

По данным ЕФА выделенные факторы (после вращения) принимали собственные значения в диапазоне от 1.706 до 14.311 и объясняли от 4 до 37% общей дисперсии соответственно. При этом пункт опросника считался вошедшим в шкалу БОТ, если его факторная нагрузка удовлетворяла неравенству $|a_{ij}| \geq 0.4$.

Таким образом, модель, лежащая в основе опросника, признана обоснованной. После чего

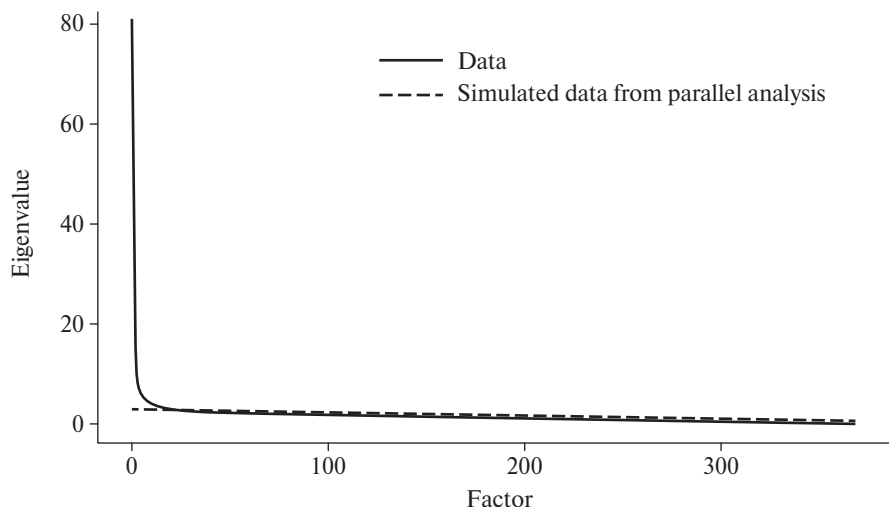

Рис. Диаграмма “каменистой осыпи” (критерий Р. Кеттела)

найденное статистическое решение было оценено с помощью CFA. Все корреляции пунктов со шкалами оказались статистически значимыми ($p \leq 0.001$), а индексы соответствия структурной модели эмпирическим данным указали на высокую факторную валидность БОТ (табл. 1).

Конвергентная и дискриминантная валидность.

Найдены статистически значимые корреляции между шкалами БОТ и диагностическими методиками, оценивающими другие особенности личности, теоретически связанные со шкалами валидируемого опросника (см. приложение 2, табл. А, Б). Представленные результаты позволяют говорить о том, что методика БОТ продемонстрировала хорошие показатели конвергентной и дискриминантной валидности.

Согласно ожиданиям (см. табл. А), шкалы БОТ значимо коррелируют с факторами “Большой пятерки” (BFI). Установлено, что более выраженная экстравертированность свойственна респондентам с более высокими показателями визионарности, конструктивности, гибкости и адаптивности, инновативности, способностями работать в команде, выраженными коммуникативными способностями, креативностью, организованностью, ориентацией как на качество, так и на результат. Более активная позиция в коммуникации и уверенность в себе, согласно BFI, характерны для респондентов с более высокой пассионарностью, оптимистическим отношением к жизни и деятельности (работе), гибкостью по отношению к изменяющемуся внешнему контексту, выраженным стремлением к решению возникающих проблем, способностью брать на себя ответственность, стремлением к саморазвитию, высоким уровнем саморегуляции, более выраженной потребностью помогать другим людям, учитывая их пожелания и запросы; экстраверсия положительно коррелирует с лидерскими качествами, творческим подходом к деятельности, терпимостью к мнению других людей, принятием их взглядов и устремлений и др.

Респонденты с более высокой склонностью к сотрудничеству и кооперации (по данным BFI) характеризуются, согласно БОТ, следующими личностными качествами: конструктивностью как способностью не создавать конфликтов и лишних

напряжений в межличностных отношениях, а при необходимости разрешать возникающие противоречия; склонностью к работе в группе, чувствуя себя частью команды; их отличают более высокая коммуникабельность, креативность, организованность, ориентация как на качество, так и на результат, пассионарность, оптимистическое отношение к происходящему, умение легко и свободно доносить свою позицию до окружающих, стремление и умение находить нужную информацию и использовать для этого разные способы. Для них характерны выраженные лидерские качества, эмпатические способности и др.

Респонденты, проявляющие дружелюбие, в большей мере характеризуются чувствительностью к внешним воздействиям, они более податливы к мнению окружающих, в том числе к тем из них, кто обладает властью и авторитетом. Для таких людей свойственна ориентация на решение проблем, стремление к самоизменениям и саморазвитию, готовность помогать другим людям и гибко реагировать на возможные внешние запросы и пожелания. Кроме того, у респондентов с более выраженным фактором “Доброжелательности” наблюдаются более высокие баллы по таким шкалам БОТ, как “Терпимость” и “Толерантность”. Они более верны (по данным БОТ) принятым обязательствам, в большей мере последовательны в соблюдении моральных норм и принципов.

Более высокий самоконтроль, последовательность в действиях, пунктуальность и низкая импульсивность (по данным BFI) свойственны респондентам с более развитыми (по БОТ) аналитическими способностями и интуицией, конструктивностью и гибкостью мышления, способностью работать в команде, более высокой креативностью и творческим подходом к работе. Для лиц с высоким самоконтролем характерны такие группы качеств, как коммуникабельность и организованность, ориентация на качество и результат, пассионарность и позитивность, способность к самопрезентации и пылливость ума, чувствительность к внешним изменениям и ориентация на задачу, способность брать на себя ответственность, а также стремление к самообучению и самообразованию, высокий уровень саморегуляции, желание

Таблица 1. Результаты оценки качества модели БОТ

Наименование индекса	χ^2	df	p -value	CFI	TFI	$SRMR$	$RMSEA$		
							$RMSEA$ -value	90% CI (LO)	90% CI (HI)
Значение индекса	99 521	64 228	0.001	0.935	0.865	0.022	0.024	0.023	0.025

Примечание. χ^2 — статистика Пирсона; df — число степеней свободы; p -value — уровень значимости статистики Пирсона; CFI — сравнительный индекс соответствия; TFI — индекс Тьюкера—Льюиса; $SRMR$ — стандартизированный среднеквадратический остаток; $RMSEA$ — квадратный корень из среднеквадратической ошибки аппроксимации; $RMSEA$ -value — значение индекса $RMSEA$; 90% CI (LO) и 90% CI (HI) — нижняя и верхняя границы 90%-го доверительного интервала для $RMSEA$ соответственно.

помогать другим людям, системность и концептуальность мышления, способность к предвидению перспективы, планирование. Респонденты с более высоким самоконтролем характеризуются и более выраженными (согласно БОТ) лидерскими качествами, у них более высокая стрессоустойчивость, терпимость и толерантность к мнению других людей; их отличают творческий подход к деятельности, твердость убеждений, честность и следование своим ценностным ориентирам.

По данным корреляционного анализа высокий нейротизм (согласно BFI) свойствен респондентам с менее выраженными (согласно БОТ) аналитическими способностями; он высоко выражен у людей, склонных выступать в качестве источника конфликта и не обладающих способностью к его конструктивному разрешению. Тревожным (по данным BFI) респондентам тяжело (согласно БОТ) адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, они в меньшей степени открыты к новому опыту. Для них не характерно брать на себя командные функции, проявлять организованность и креативность, хотя уровень их коммуникативных способностей достаточно высок. Респонденты, испытывающие тревожность, имеют более низкий уровень пассионарности, пессимистично относятся к жизни, им сложно доносить свои мысли до других людей. Такие люди трудно поддаются стороннему влиянию, не ориентированы на задачу, не облают выраженной способностью к руководству и принятию самостоятельных управленческих решений и др. Респонденты с более выраженным нейротизмом показали также более низкий уровень эмпатических способностей, менее выраженную верность собственным моральным принципам.

Из табл. Б приложения 2 видно, что шкалы БОТ ожидаемо связаны статистически значимыми положительными корреляциями с мотивацией достижения (МД) (шкала А.А. Реана, 2004). Так, респонденты с более высокой мотивацией достижения характеризуются (согласно БОТ) выраженным аналитическим складом ума, развитой интуицией, низкой конфликтностью и способностью к конструктивному мышлению, гибкостью, адаптивностью и открытостью новому в различных областях жизни и творчества, способностью к командной работе, более развитыми коммуникативными навыками и креативностью в сравнении с респондентами с выраженной мотивацией избегания неудач. Наряду с этим мотивация достижения прямо связана с такими личностными особенностями опрошенных (согласно БОТ), как способность к самоорганизации пространства собственной жизни,

ориентация на качество и результат деятельности, пассионарность, оптимистическое отношение к жизни, умение легко и свободно доносить свою позицию до других людей, чувствительность к внешним обстоятельствам, наличие установки на решение проблем, решительность, стремление к саморазвитию, высокий уровень саморегуляции и стрессоустойчивости. Мотивация достижения позитивно коррелирует с лидерскими качествами испытуемых, способностью к планированию, терпимостью и толерантностью к людям, наличием твердости убеждений и внутренних принципов.

Установлены положительные статистически значимые корреляционные связи между шкалами БОТ и шкалой удовлетворенности жизнью Э. Динера (SWLS). По данным исследования более высокий уровень удовлетворенности жизнью испытывают респонденты, характеризующиеся более высокими показателями визионарности, конструктивности, гибкости и адаптивности, инновативности, креативности, саморегуляции, стрессоустойчивости, с выраженным стремлением к саморазвитию и др.

Более выраженные показатели по шкале самоуважения М. Розенберга (RSE) имеют респонденты, которые, согласно БОТ, характеризуются аналитичностью и конструктивностью мышления, гибкостью и адаптивностью к изменяющимся обстоятельствам, ориентированные на качество и результат деятельности, решение проблем и личностный рост. Люди, имеющие более высокий уровень самоуважения, имеют лучшую саморегуляцию, более высокий уровень решительности, они тоньше чувствуют запросы окружающих, настраиваясь на их волну. Они обладают лидерскими качествами, демонстрируют лучшую стрессоустойчивость, терпимость и толерантность к другим людям, следование устойчивым моральным принципам и др.

Установлены статистически значимые положительные корреляционные связи между шкалой общей интернальности опросника УСК и шкалами БОТ. Так, люди, считающие, что значимые события в их жизни есть результат их собственных усилий, согласно БОТ, характеризуются большей открытостью к новому опыту, идеям, знакомствам с людьми; они с легкостью берут на себя командные функции, обладают выраженными коммуникативными способностями и креативностью, их жизнь лучше организована в сравнении с респондентами, демонстрирующими большую выраженность экстернального локуса контроля личности. По данным БОТ интерналы в своей деятельности в большей мере ориентированы на получение результата, они способны воодушевлять людей и вести их за собой; в сравнении с экстерналами

у них более оптимистическое отношение к жизни, они обладают более выраженной способностью доносить свою точку зрения до окружающих, сохраняют позитивное отношение к жизни. Интерналов отличают направленность на решение проблем, лидерские качества, более высокая стрессоустойчивость, толерантность и терпимость к людям, однако они не всегда следуют выбранным обязательствам и зачастую неискренни перед другими и самими собой.

В концепции А. Бандуры [12] самоэффективность рассматривается как аспект системы Я, задающий внутреннюю логику человеческого поведения, несводимую к влиянию внешней среды. По данным корреляционного анализа шкалы БОТ ожидаемо коррелируют с показателем общей самоэффективности (индекс GSE). Установлено, что более высоким уровнем самоэффективности обладают (по данным БОТ) респонденты с выраженными аналитическими способностями, с более развитой интуицией, способностью урегулировать конфликты, с более гибким и инновационным мышлением, умеющие работать в команде, имеющие развитые коммуникативные способности, креативные и организованные, ориентированные как на процесс, так и на результат деятельности, способные вести за собой, оптимистично воспринимающие жизнь. Люди, которые по данным шкалы GSE более убеждены в том, что своими действиями могут произвести желаемые эффекты, т.е. обладающие большей решимостью к действию, по данным БОТ характеризуются также умением легко и свободно доносить свою точку зрения до другого человека, находить любую необходимую в работе информацию; они ориентированы на задачу, решительны и ответственны в своих действиях, обладают выраженным стремлением к саморазвитию и лидерскими качествами; у них хорошо развита саморегуляция, способность к планированию и видению перспективы; они характеризуются высокой стрессоустойчивостью, терпимостью и толерантностью к другим людям, устойчивостью убеждений, выраженными эмпатическими способностями.

Оценивая результаты корреляционного анализа в целом, можно сделать вывод о том, что шкалы разработанного нами теста имеют ожидаемые и воспроизводимые корреляции с рассмотренными выше опросниками. При этом в некоторых случаях статистически значимые связи обнаружены не были, что, впрочем, вполне вписывается в базовые представления об изучаемых свойствах личности. Скажем, человек обладающий выраженными аналитическими способностями (шкала 1 БОТ) совсем не обязательно должен быть удовлетворен

жизнью ($r = 0.059$; $p > 0.10$) или являться, скажем, интерналом ($r = 0.029$; $p > 0.10$) и т.д.

Надежность опросника. В табл. 2 представлены результаты оценки надежности субшкал БОТ. Рассчитывались индексы: ω Макдональда, α Кронбаха, GLB — наилучшей возможной нижней границы надежности, AIC — средней межпунктовой корреляции и $r_{XX'}$ — ретестовой надежности ($N = 224$); интервал между замерами — три недели.

Представленные в табл. 2 индексы указывают на высокую надежность всех шкал БОТ и, соответственно, опросника в целом.

Фактор социальной желательности. Основная проблема, с которой сталкивается психодиагност при разработке любого теста, — это потенциальная возможность испытуемых исказить (вольно или невольно) результаты обследования. Поэтому мы уделили этому аспекту особое внимание. Для повышения достоверности итоговых выводов по тесту БОТ в опроснике предусмотрено несколько способов оценки тестовой лжи. Так, БОТ содержит фоновую шкалу, позволяющую выявить уровень социальной желательности ответов. Кроме того, при прохождении теста испытуемому предъявляются одинаковые по смыслу вопросы в прямых и обратных формулировках, которые распределены по всему опроснику. В рамках отдельного исследования нами была проведена оценка двух статистических индексов, первый из которых отражает набранный респондентом балл по фоновой шкале, а второй — количество несовпадений в ответах на синонимичные вопросы. Каждый из этих индексов был подвергнут процедуре нормализации с последующим установлением границ, в которых наиболее вероятно распределяются показатели испытуемых (90% CI). Значения индексов, выходящие за верхние пределы этих границ, могут рассматриваться как редкие и, соответственно, указывать (с известной вероятностью) на недостоверность ответов испытуемого при заполнении опросника.

Реализация БОТ в онлайн-формате дает дополнительные возможности для определения недостоверности в тестовых показателях. За счет реализации серии алгоритмов оценке подлежала скорость прохождения теста, фиксировались однотипные ответы при заполнении опросника, принимались во внимание и другие индикаторы. В результате были получены индивидуальные и среднegrupповые показатели прохождения теста, которые далее сопоставлялись. Например, подозрение вызывали результаты диагностики тех респондентов, которые, следуя поначалу определенному ритму заполнения теста, вдруг резко (статистически значимо) ускоряли скорость своих ответов; или же

Таблица 2. Показатели надежности субшкал БОТ

Субшкалы БОТ	ω Макдональда			α	GLB	AIC	$r_{XX'}$
	ω -value	95% CI (LO)	95% CI (HI)				
1. Аналитичность	0.727	0.700	0.754	0.728	0.796	0.231	0.776*
2. Визионарность	0.747	0.723	0.772	0.745	0.811	0.229	0.794*
3. Конструктивность	0.873	0.861	0.885	0.873	0.919	0.301	0.791*
4. Гибкость и адаптивность	0.854	0.840	0.868	0.846	0.897	0.326	0.750*
5. Инновативность	0.880	0.868	0.892	0.879	0.927	0.313	0.788*
6. Коллективность и командность	0.831	0.814	0.847	0.825	0.911	0.269	0.798*
7. Коммуникабельность	0.860	0.846	0.873	0.859	0.898	0.360	0.768*
8. Креативность	0.894	0.884	0.904	0.893	0.939	0.321	0.756*
9. Организованность	0.907	0.898	0.916	0.906	0.936	0.409	0.786*
10. Ориентация на качество	0.866	0.853	0.879	0.865	0.901	0.372	0.733*
11. Ориентация на результат	0.855	0.840	0.869	0.853	0.888	0.453	0.760*
12. Пассионарность	0.901	0.891	0.910	0.900	0.931	0.450	0.807*
13. Позитивность	0.856	0.841	0.870	0.854	0.895	0.423	0.869*
14. Презентативность	0.869	0.856	0.882	0.867	0.893	0.449	0.729*
15. Пытливость	0.834	0.817	0.850	0.833	0.879	0.391	0.723*
16. Регулируемость	0.789	0.768	0.810	0.787	0.893	0.292	0.732*
17. Решение проблем	0.840	0.824	0.856	0.840	0.886	0.400	0.798*
18. Решительность	0.861	0.848	0.875	0.860	0.900	0.360	0.774*
19. Саморазвитие	0.874	0.862	0.886	0.874	0.907	0.408	0.800*
20. Саморегуляция	0.825	0.808	0.841	0.827	0.894	0.187	0.913*
21. Сервисность	0.831	0.815	0.848	0.831	0.878	0.356	0.875*
22. Системность и концептуальность	0.816	0.798	0.835	0.816	0.853	0.360	0.866*
23. Способность быть лидером	0.913	0.904	0.921	0.912	0.940	0.448	0.838*
24. Способность планировать	0.873	0.861	0.886	0.872	0.908	0.362	0.851*
25. Стратегичность	0.799	0.779	0.819	0.798	0.851	0.360	0.784*
26. Стрессоустойчивость	0.850	0.835	0.864	0.840	0.908	0.272	0.850*
27. Творческий подход	0.780	0.758	0.801	0.776	0.818	0.304	0.795*
28. Терпимость	0.809	0.790	0.828	0.804	0.856	0.312	0.676*
29. Толерантность	0.748	0.723	0.774	0.738	0.784	0.326	0.830*
30. Целостность	0.794	0.774	0.814	0.792	0.831	0.300	0.839*
31. Честность	0.884	0.873	0.895	0.885	0.940	0.205	0.729*
32. Эмпатия	0.847	0.832	0.861	0.845	0.885	0.297	0.767*
33. Якорность	0.814	0.795	0.832	0.813	0.855	0.384	0.779*

Примечание. ω -value — значение омеги Макдональда; 95% CI (LO) и 95% CI (HI) — соответственно нижняя и верхняя границы 95% доверительного интервала для ω ; α — коэффициент Кронбаха; GLB — наилучшая возможная нижняя граница надежности; AIC — средняя межпунктовая корреляция; $r_{XX'}$ — коэффициент ретестовой надежности.

* $p \leq 0,001$.

результаты прохождения теста с экстремально выраженной частотой определенного типа ответов (например, крайних или нейтральных), частота которых значимо отличалась от установленных на выборке в целом.

Наличие большого числа индексов достоверности, разработанных в БОТ, существенно повышает качество проведенного тестирования. По сути, проводя БОТ, мы имеем в своем распоряжении целое распределение эмпирически обоснованных (нормированных) показателей, существенно повышающих валидность и надежность психологических

заклучений, сделанных с помощью данного опросника. Очевидно, что многоэтапная проверка достоверности данных по разработанному нами тесту оказалась, в частности, на широком спектре выявленных в исследовании статистически значимых корреляционных связей между шкалами БОТ и другими методиками, направленными на диагностику индивидуально-психологических особенностей личности, что было продемонстрировано выше. Следует заметить, что за счет систематического расширения базы данных по тесту значения этих индексов постоянно пересчитываются

и корректируются так же, как и значения тестовых норм по шкалам опросника.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенное исследование показало, что факторная структура БОТ соответствует разработанной нами модели профессиональных компетенций и содержит 33 личностных характеристики, наиболее релевантных с точки зрения экспертного сообщества для оценки успешности профессиональной деятельности работника.

Проверка конвергентной и дискриминантной валидности опросника производилась на основе анализа связи шкал БОТ с показателями других личностных опросников. Полученные результаты обнаружили ожидаемые связи шкал нашего теста с другими личностными индикаторами, что согласуется с базовыми представлениями о функционировании и развитии личности. Материалы исследования не только доказывают высокую валидность БОТ, но и наполняют новыми смыслами такие психологические феномены, как мотивация достижения, удовлетворенность жизнью, самоуважение, локус контроля личности и самоэффективность.

Полученные в исследовании высокие показатели воспроизводимости результатов по тесту не вызывают сомнений в его надежности.

Таким образом, принимая во внимание разнообразие процедур и методов оценки качества БОТ, может быть сделан вывод о его валидности, надежности и готовности решать прикладные задачи в тех областях практики, в которых требуется дать всестороннюю оценку успешности человека в профессиональной деятельности.

Относительно большой объем опросника не оказывает принципиального значения на процесс тестирования, но компенсируется диагностическими возможностями БОТ и “бонусами”, которые получает человек в виде подробной интерпретации своих профессионально важных качеств. Тест позволяет количественно оценить выраженность широкого спектра личностных особенностей успешного работника, релевантных задачам профессиональной деятельности. Заметим, что часть этих личностных особенностей не способен выявить ни один из существующих в настоящее время опросников, однако эти свойства являются весьма значимыми с точки зрения экспертного сообщества работодателей для принятия кадрового решения.

Описание практического применения опросника представляет собой задачу для отдельной статьи. Однако мы можем сказать о том, что на данный момент с помощью БОТ опрошено более 5 тыс. взрослых людей — работников, представляющих различные сегменты общественной практики (образование, бизнес, сфера услуг, промышленность и др.). Имеются договоренности с крупными отраслевыми компаниями об использовании результатов БОТ для оценки кандидатов при трудоустройстве. Таким образом, модель личностных качеств успешного работника, положенная в основу БОТ, оказалась востребованной работодателями, что говорит о практической значимости полученных нами результатов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большой ориентационный тест (БОТ) обладает достаточно высокой валидностью и надежностью, показывает ожидаемые связи с другими характеристиками личности. Тест может использоваться в диагностических и исследовательских целях как самостоятельный инструмент для всестороннего исследования личности. В случае использования БОТ в батарее с другими тестами данный опросник способен существенно расширить диапазон изучаемых личностных качеств, повысить валидность итоговых выводов и качество интерпретаций.

На основе результатов диагностики с помощью БОТ может быть сделан прогноз профессиональной успешности кандидата на вакантную должность, намечена программа психологического сопровождения сотрудника организации, предложена тренинговая программа, способствующая развитию профессионально важных качеств работника. Важнейшей прикладной задачей, на решение которой направлен БОТ, является формирование кадрового резерва организации.

Методика способна решать широкий спектр прикладных задач и в других областях социальной практики — образование, политика, медицина, юриспруденция и др. — в тех случаях, когда требуется провести оценку личностных качеств человека как предикторов его профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев Д.Ф. Исследование успешности и разработка прикладной модели компетенций (отчет о НИР). М.: ММВШБ “МИРБИС” (Институт), 2017.

2. *Асмолов А.Г.* О предмете психологии личности // Вопросы психологии. 1983. № 3. С. 118–124.
3. *Выготский Л.С.* Избранные психологические произведения. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956.
4. *Иванников В.А.* О понятийном арсенале психологии // Вопросы психологии. 2018. № 3. С. 94–104.
5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
6. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
7. Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Под ред. А.В. Юревич, Т.В. Корниловой, А.Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 2012.
8. *Allport G.W., Odbert H.S.* Trait-names: A psycho-lexical study. Psychological Monographs, 1936. V. 47. № 1. P. i-171.
9. *Allport G.W., Vernon P.E., Lindzey G.* Study of Values. Revised 3rd ed. Chicago: Riverside Publishing, 1970.
10. *Ashton M., Lee K.* Objections to the HEXACO model of personality structure — And why those objections fail // European Journal of Personality. 2020. V. 34. P. 492–510.
11. *Ashton M.C. et al.* A six-factor structure of personality-descriptive adjectives: Solutions from psycholexical studies in seven languages // Journ. of Personality and Social Psychology. 2004. V. 86. P. 356–366.
12. *Bandura A.* The self-system in reciprocal determinism // American Psychologist. 1978. V. 33. № 4. P. 344–358.
13. *Back M.D., Kandler C.* Editorial: Some Thoughts on the Relevance, Future Prospects, and Politics of Structural Personality Research // European Journal of Personality. 2020. V. 34. № 4. P. 489–491.
14. *Cattell R.B.* The description of personality: basic traits resolved into clusters // The Journ. of Abnormal and Social Psychology. 1943. V. 38. № 4. P. 476–506.
15. *Eysenck H.* Dimensions of Personality. L.: Routledge, 1947. 308 p.
16. *Hogan R.* Hogan Personality Inventory manual. Minneapolis, MN: National Computer Systems, 1986.
17. *Quirin M. et al.* The dynamics of personality approach (DPA): 20 tenets for uncovering the causal mechanisms of personality // European Journ. of Personality. 2020. V. 34. № 6. P. 947–968.
18. *Leary T.* Interpersonal Diagnosis of Personality: A Functional Theory and Methodology for Personality Evaluation. N.Y.: The Ronald Press Company, 1957. 518 p.
19. *McCrae R.R., Costa P.T.* Validation of the Five Factor Model of Personality across Instruments and Observers // Journ. of Personality and Social Psychology. 1987. V. 52. P. 81–90.
20. *Norman W.T.* Toward an Adequate Taxonomy of Personality Attributes: Replicated Factor Structures in Peer Nomination Personality Ratings // Journ. of Abnormal and Social Psychology. 1963. V. 66. P. 571–583.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 **Результаты диагностики по БОТ: лепестковая диаграмма**

Фрагмент описания результатов исследования

№	Шкала (балл)	Уровень	Интерпретация
1	Аналитичность (2,69)	Оптимальный	Вы испытываете склонность к анализу фактов и деталей в любой ситуации. Перед принятием того или иного решения вам важно собрать об объекте как можно более полную информацию. Впрочем, нельзя сказать, что аналитическая работа могла бы являться для вас основным и единственным видом деятельности. С большим интересом вы могли бы попробовать себя в работе, связанной с обобщением различной информации, построением целостной картины происходящего
2	Визионарность (2,59)	Оптимальный	В своей жизни и профессиональной деятельности вы нередко полагаетесь на интуицию, однако чаще всего в том случае, когда все рациональные способы решения задачи были использованы. Вы можете прогнозировать процессы развития, если намечена конкретная стратегия и план будущих действий
3	Конструктивность (2,89)	Высокий	Вас отличает конструктивный подход к разрешению конфликтных ситуаций. Вы способны плодотворно выстраивать диалог с другими людьми, четко и по существу доносить до собеседника свою точку зрения. Вы можете с легкостью управлять ситуацией таким образом и ориентированы на то, чтобы все участники взаимодействия смогли удовлетворить свои интересы

Описание шкал БОТ с примерами вопросов, относящихся к разным шкалам

№	Шкалы БОТ, их описание и примеры формулировок пунктов опросника
1	<i>Аналитичность</i> — аналитический склад ума, склонность к анализу ситуации, выделение элементов в структуре целого. “Мне трудно принять решение, если я не владею достаточной информацией”.
2	<i>Визионарность</i> — предвидение будущего, опережающее отражение ситуации, возникающих трендов, тенденций; развитая интуиция. “Я способен предугадывать развитие событий в будущем”.
3	<i>Конструктивность</i> — способность не создавать конфликтов. Если конфликты возникают, регулировать конфликт и находить варианты решения. “Я способен находить общий язык с разными людьми в разных ситуациях”.
4	<i>Гибкость и адаптивность</i> — способность гибко адаптироваться к изменениям, относительно комфортно ощущать себя в новых условиях и обстоятельствах. “Я чувствую себя комфортно при встрече с чем-то новым и незнакомым”.
5	<i>Инновативность</i> — открытость новому опыту (идеям, концепция, отношениям с людьми, инновациям и др.). “Я вижу недостатки существующих старых практик”.
6	<i>Коллективность, командность</i> — способность работать в коллективе (группе), воспринимать себя частью команды; брать на себя командные функции. “Я предпочитаю решать проблемы самостоятельно, нежели коллегиально”. (R)
7	<i>Коммуникабельность</i> — развитые коммуникативные способности; умение “слышать” собеседника; способность доносить свои мысли, быть понятным другим человеком; говорить на “понятном” для другого человека языке. “Для меня не составляет большого труда установить контакт с другим человеком”.
8	<i>Креативность</i> — способность предлагать оригинальные и содержательные альтернативы и нестандартные способы решения задачи. “Я способен выдвигать много способов решения задачи”.
9	<i>Организованность</i> — умелое распределение ресурсов; эффективная организация своих действий в пространстве и во времени. “Я контролирую ход дел”.
10	<i>Ориентация на качество</i> — стремление вести дела с приоритетом на качество в большей степени, чем на другие показатели (скорость, время и пр.). “В случае обнаружения в работе неточностей и недостатков, нужно срочно исправить их”.
11	<i>Ориентация на результат</i> — стремление добиваться поставленных целей; подчинять процесс результату. “Любая работа должна заканчиваться достижением результата”.
12	<i>Пассионарность</i> — способность воодушевлять других людей, вести за собой, мотивировать окружающих к выполнению необходимых действий. “Я способен эмоционально увлечь коллег своими идеями”.
13	<i>Позитивность</i> — оптимистическое отношение к жизни, работе, возникающим проблемам; способность видеть положительное в жизненных и рабочих ситуациях, какими бы они ни были. “Каждая ситуация предоставляет человеку точки роста”.
14	<i>Презентативность</i> — умение легко и свободно доносить свою позицию окружающим; способность к самопрезентации. “Мои аргументы всегда понятны собеседнику”.
15	<i>Пытливость</i> — стремление находить нужную информацию различными способами. “Мне нравятся вдумчивые, “глубокие” люди”.
16	<i>Регулируемость — администрированность</i> . Способность человека быть регулируемым внешними факторами (распоряжение руководства, изменяющиеся обстоятельства и пр.). “Работа должна регулироваться правилами и инструкциями”.
17	<i>Решение проблем</i> — наличие установки на решение проблемы; доминирование мотива “решить проблему”. “Я способен быстро решать возникающие проблемы”.
18	<i>Решительность</i> — способность брать на себя ответственность, выносить управленческие решения, учитывая существующие риски. “Я способен преодолевать большие препятствия на пути к цели”.
19	<i>Саморазвитие</i> — стремление к саморазвитию, личностному росту, самообучению и самообразованию. “Человек должен использовать любую возможность, чтобы учиться”.
20	<i>Саморегуляция</i> — управление собственным поведением, эмоциональной сферой, направление когнитивных функций в нужное русло; показатель развития волевой сферы личности. “Мне трудно сохранить спокойствие в стрессовой ситуации”. (R)
21	<i>Сервисность</i> — стремление помогать другим людям, учитывая их пожелания и запросы. “Я стараюсь соответствовать ожиданиям клиента”.
22	<i>Системность и концептуальность</i> — способность мыслить комплексно, учитывая, как предлагаемые решения отражаются на других людях, подразделениях, организации в целом и пр. “Перед тем как приступить к решению задачи я строю у себя в голове общую схему своих действий”.
23	<i>Способность быть лидером</i> — наличие качеств лидера; влияние на других; ориентация на достижения. “К моему мнению обычно прислушиваются в группе”.

№	Шкалы БОТ, их описание и примеры формулировок пунктов опросника
24	<i>Способность планировать</i> — ориентация на тщательное планирование любых дел, расстановка приоритетов, тайминг. “ <i>Меня утомляет педантичное следование заранее составленному плану</i> ”. (R)
25	<i>Стратегичность</i> — способность к стратегическому мышлению и видению перспективы. “ <i>Близкие цели для меня важнее далеких</i> ”. (R)
26	<i>Стрессоустойчивость</i> — сохранение работоспособности в неблагоприятных условиях; готовность к самоомбилизации; устойчивость к стрессу. “ <i>Мне трудно выносить “перегрузки” на работе</i> ”. (R)
27	<i>Творческий подход</i> — ориентация на создание чего-то нового, ранее не существующего; генерация новых идей и стремление к их реализации в виде конечного продукта. “ <i>Мне нравится создавать что-то принципиально новое</i> ”.
28	<i>Терпимость</i> — базовая установка личности, проявляющаяся в изначально уважительном отношении к позиции другого человека, его ценностям и мировоззрению. “ <i>Нельзя преследовать человека из-за его убеждений</i> ”.
29	<i>Толерантность</i> — принятие другого человека, его взглядов и устремлений, образа жизни, традиций, религии, поведения и др. “ <i>Я не чувствую себя неуютно в обществе людей другой национальности</i> ”.
30	<i>Целостность</i> — проявление твердости убеждений; способность выражать свою позицию независимо от меняющихся обстоятельств. “ <i>Про меня говорят, что я человек с внутренним стержнем</i> ”.
31	<i>Честность</i> — правдивость, принципиальность, верность принятым обязательствам, искренность перед другими и самим собой. “ <i>Среди моего окружения есть люди, которых я недолюбиваю</i> ”.
32	<i>Эмпатия</i> — способность понимать внутренний мир другого человека; способность вчувствоваться в другого человека, сопереживать вместе с ним. “ <i>Я теряю душевное спокойствие, когда окружающие чем-то угнетены</i> ”.
33	<i>Якорность</i> — иметь внутренние принципы, моральные нормы и ценностные ориентиры; следовать им и отстаивать их в жизни. “ <i>Люди должны вырабатывать нормы и правила, и следовать им несмотря ни на что</i> ”.

Примечание. R — реверсивный пункт.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица А. Матрица парных корреляций шкал BFI с субшкалами БОТ

Субшкалы БОТ	Шкалы BFI				
	Экстр.	Согл.	Добр.	Нейр.	Откр.
1. Аналитичность	0.065	0.056	0.145***	−0.136***	0.048
2. Визионарность	0.100***	0.002	0.098**	−0.056	0.163***
3. Конструктивность	0.107**	0.184***	0.114***	−0.102**	0.133***
4. Гибкость и адаптивность	0.224***	0.040	0.097**	−0.153***	0.116***
5. Инновативность	0.199***	0.063	0.160***	−0.083*	0.216***
6. Коллективность и командность	0.209***	0.191***	0.162***	−0.136***	0.096**
7. Коммуникабельность	0.292***	0.107**	0.228***	0.129***	0.185***
8. Креативность	0.286***	0.071*	0.211***	−0.122***	0.280***
9. Организованность	0.328***	0.086*	0.371***	−0.301***	0.094**
10. Ориентация на качество	0.216***	0.129***	0.236***	−0.103**	0.199***
11. Ориентация на результат	0.258***	0.090**	0.303***	−0.124***	0.140***
12. Пассионарность	0.407***	0.126***	0.307***	−0.250***	0.205***
13. Позитивность	0.301***	0.144***	0.216***	−0.196***	0.175***
14. Презентативность	0.292***	0.055	0.283***	−0.256***	0.122***
15. Питливость	0.209***	0.144***	0.203***	−0.109**	0.186***
16. Регулируемость	0.172***	0.129***	0.175***	−0.151***	0.042
17. Решение проблем	0.289***	0.079*	0.292***	−0.231***	0.181***
18. Решительность	0.265***	−0.003	0.279***	−0.145***	0.151***
19. Саморазвитие	0.266***	0.194***	0.269***	−0.161***	0.214***
20. Саморегуляция	0.186***	0.040	0.174***	−0.204***	0.080*
21. Сервисность	0.182***	0.281***	0.204***	−0.046	0.187***
22. Системность и концептуальность	0.217***	0.102**	0.254***	−0.146**	0.191***
23. Способность быть лидером	0.484***	0.067*	0.305***	−0.251***	0.182***
24. Способность планировать	0.230***	0.029	0.312***	−0.186***	0.101**

Окончание табл. А

Субшкалы БОТ	Шкалы ВFI				
	Экстр.	Согл.	Добр.	Нейр.	Откр.
25. Стратегичность	0.220***	0.026	0.241***	-0.205***	0.144***
26. Стрессоустойчивость	0.362***	0.080*	0.331***	-0.438***	0.155***
27. Творческий подход	0.240***	0.069*	0.213***	-0.152***	0.271***
28. Терпимость	0.202***	0.281***	0.233***	-0.076*	0.230***
29. Толерантность	0.147***	0.226***	0.200*	-0.004	0.261***
30. Целостность	0.205***	0.029	0.221***	-0.150***	0.167***
31. Честность	-0.057	-0.117***	-0.110**	0.155***	0.009
32. Эмпатия	0.066	0.254***	0.039	0.131***	0.106**
33. Якорность	0.134***	0.163***	0.173***	-0.142***	0.103**

Примечание. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$.

Таблица Б. Матрица парных корреляций шкал личностных опросников со шкалами БОТ

Субшкалы БОТ	Шкалы личностных опросников				
	МД	SWLS	RSE	УСК	GSE
1. Аналитичность	0.128***	0.059	0.100**	0.029	0.156***
2. Визионарность	0.135***	0.082*	0.132***	-0.034	0.141***
3. Конструктивность	0.164***	0.151***	0.163***	0.050	0.176***
4. Гибкость и адаптивность	0.175***	0.107**	0.158***	0.058	0.197***
5. Инновативность	0.234***	0.155***	0.166***	0.070*	0.200***
6. Коллективность и командность	0.169***	0.140***	0.175***	0.079*	0.130***
7. Коммуникабельность	0.239***	0.158***	0.226***	0.081*	0.267***
8. Креативность	0.250***	0.120***	0.213***	0.111*	0.270***
9. Организованность	0.285***	0.188***	0.256***	0.090**	0.289***
10. Ориентация на качество	0.228***	0.141***	0.184***	0.058	0.239***
11. Ориентация на результат	0.233***	0.167***	0.230***	0.100**	0.254***
12. Пассионарность	0.298***	0.182***	0.250***	0.110**	0.280***
13. Позитивность	0.216***	0.210***	0.244***	0.085*	0.232***
14. Презентативность	0.256***	0.125***	0.232***	0.095**	0.232***
15. Пытливость	0.202***	0.104**	0.190***	0.059	0.206***
16. Регулируемость	0.168***	0.135***	0.106***	-0.019	0.151***
17. Решение проблем	0.278***	0.149***	0.262***	0.076*	0.268***
18. Решительность	0.278***	0.127***	0.243***	0.064	0.280***
19. Саморазвитие	0.228***	0.173***	0.241***	0.076	0.273***
20. Саморегуляция	0.162***	0.118***	0.139***	0.010	0.235***
21. Сервисность	0.180***	0.144***	0.130***	0.056	0.194***
22. Системность и концептуальность	0.210***	0.175***	0.218***	0.002	0.285***
23. Способность быть лидером	0.278***	0.190***	0.275***	0.095**	0.252***
24. Способность планировать	0.262***	0.152***	0.183***	0.054	0.211***
25. Стратегичность	0.234***	0.149***	0.162***	0.048	0.229***
26. Стрессоустойчивость	0.325***	0.167***	0.293***	0.098**	0.295***
27. Творческий подход	0.209***	0.147***	0.181***	0.041	0.235***
28. Терпимость	0.240***	0.156***	0.130***	0.087*	0.202***
29. Толерантность	0.184***	0.109**	0.172***	0.146***	0.208***
30. Целостность	0.203***	0.166***	0.179***	0.046	0.212***
31. Честность	-0.049	-0.030	-0.084*	-0.135***	0.109**
32. Эмпатия	0.060	0.042	-0.054	-0.054	0.094**
33. Якорность	0.142***	0.161***	0.076*	0.043	0.114***

Примечание. МД — мотивация достижения (А.А. Реан); SWLS — шкала удовлетворенности жизнью (Э. Динер); RSE — индекс самоуважения (М. Розенберг); УСК — уровень субъективного контроля (общий балл); GSE — индекс общей самооффективности (Р. Шварцер, М. Ерусалем).

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$.

BIG ORIENTATION TEST: DEVELOPMENT AND EVALUATION OF PSYCHOMETRIC PROPERTIES

D. F. Aliev*, D. V. Kashirsky**, V. V. Urozhenko***

Russian State Social University;

129226, Moscow, Wilhelm Pieck str., 4, build. 1, Russia.

**PhD (Economics), DBA, PhD (Business Law), First Vice-Rector.*

E-mail: alievdf@rgsu.net

***ScD (Psychology), Professor, Department of Psychology, Conflictology and Behavioristics.*

E-mail: kashirskiidv@rgsu.net

****PhD (Economics), Vice-Rector for Scientific Activity.*

E-mail: urozhenkovv@rgsu.net

Received 05.06.2023

Abstract. The results of evaluation of psychometric properties of the newly developed questionnaire “Big Orientation Test” (BOT) are presented. The standardization sample consisted of college students, university students, doctorate students, and adults ($N = 1648$) aged 16–63 ($M = 19.35$; $SD = 6.52$), women — 76%. The study provides data on construct validity — convergent and discriminant validity, and on reliability of the measure. The analysis carried out allows to conclude that the assessment tool is suitable for both for research purposes and for solving a wide range of applied problems in various areas of social practice — business, education, politics, medicine, jurisprudence, etc.

Keywords: Big orientation test, BOT, dispositional approach, personality traits, professional competencies, validity, reliability.

REFERENCES

1. *Aliyev D.F.* Issledovaniye uspeshnosti i razrabotka prikladnoy modeli kompetentsiy (otchet o NIR). Moscow: MMVSHB “MIRBIS” (Institut), 2017. (In Russian)
2. *Asmolov A.G.* O predmete psikhologii lichnosti. Voprosy psikhologii. 1983. № 3. P. 118–124. (In Russian)
3. *Vygotskiy L.S.* Izbrannyye psikhologicheskiye proizvedeniya. Moscow: Izd-vo APN RSFSR, 1956. (In Russian)
4. *Ivannikov V.A.* O ponyatiynom arsenale psikhologii. Voprosy psikhologii. 2018. № 3. P. 94–104. (In Russian)
5. *Leont'yev A.N.* Deyatel'nost', soznaniye, lichnost'. Moscow: Politizdat, 1975. (In Russian)
6. *Lomov B.F.* Metodologicheskiye i teoreticheskiye problemy psikhologii. Moscow: Nauka, 1984. (In Russian)
7. Paradigmy v psikhologii: nauchedcheskiy analiz. Eds. A.V. Yurevich, T.V. Kornilova, A.L. Zhuravlev. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2012. (In Russian)
8. *Allport G.W., Odbert H.S.* Trait-names: A psycho-lexical study. Psychological Monographs, 1936. V. 47. № 1. P. i-171.
9. *Allport G.W., Vernon P.E., Lindzey G.* Study of Values. Revised 3rd ed. Chicago: Riverside Publishing, 1970.
10. *Ashton M., Lee K.* Objections to the HEXACO model of personality structure — And why those objections fail. European Journal of Personality. 2020. V. 34. P. 492–510.
11. *Ashton M.C., et al.* A six-factor structure of personality-descriptive adjectives: Solutions from psycholexical studies in seven languages. Journ. of Personality and Social Psychology. 2004. V. 86. P. 356–366.
12. *Bandura A.* The self-system in reciprocal determinism. American Psychologist. 1978. V. 33. № 4. P. 344–358.
13. *Back M.D., Kandler C.* Editorial: Some Thoughts on the Relevance, Future Prospects, and Politics of Structural Personality Research. European Journal of Personality. 2020. V. 34. № 4. P. 489–491.
14. *Cattell R.B.* The description of personality: basic traits resolved into clusters. The Journ. of Abnormal and Social Psychology. 1943. V. 38. № 4. P. 476–506.
15. *Eysenck H.* Dimensions of Personality. London: Routledge, 1947.
16. *Hogan R.* Hogan Personality Inventory manual. Minneapolis, MN: National Computer Systems, 1986.
17. *Quirin M. et al.* The dynamics of personality approach (DPA): 20 tenets for uncovering the causal mechanisms of personality. European Journ. of Personality. 2020. V. 34. № 6. P. 947–968.
18. *Leary T.* Interpersonal Diagnosis of Personality: A Functional Theory and Methodology for Personality Evaluation. New York: The Ronald Press Company, 1957. 518 p.
19. *McCrae R.R., Costa P.T.* Validation of the Five Factor Model of Personality across Instruments and Observers. Journ. of Personality and Social Psychology. 1987. V. 52. P. 81–90.
20. *Norman W.T.* Toward an Adequate Taxonomy of Personality Attributes: Replicated Factor Structures in Peer Nomination Personality Ratings. Journ. of Abnormal and Social Psychology. 1963. V. 66. P. 571–583.

УДК 159.9

МЕТОДЫ ИЗМЕРЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

© 2023 г. Е. А. Сучкова^{1,*}, Д. В. Люсин^{1,2,**}

¹ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”;
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.

²ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

* Стажер-исследователь лаборатории когнитивных исследований.

E-mail: suchkova.e.a@yandex.ru

** Кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН.

E-mail: ooch@mail.ru

Поступила 16.12.2022

Аннотация. Эмоциональная дифференцированность — конструкт, выражающий дробность эмоционального опыта человека, иначе говоря, насколько хорошо человек различает свои эмоции. Важность изучения эмоциональной дифференцированности обусловлена тем, что она связана с регуляцией эмоций и психологическим благополучием. Предложено несколько методов измерения эмоциональной дифференцированности, однако неизвестно, насколько их результаты сопоставимы. Цель настоящей работы состояла в том, чтобы разработать русскоязычные версии трех методов измерения эмоциональной дифференцированности, провести их адаптацию и проанализировать, в какой степени их результаты сопоставимы друг с другом. Два метода (SRT и PED-task) являлись лабораторными, один был основан на многократных замерах эмоционального состояния в течение 10 дней. С помощью этих методов были собраны данные на 107 участниках в возрасте от 18 до 44 лет ($M = 24.22$; $SD = 6.35$), из них 85 женщин и 22 мужчины. Надежность всех полученных показателей оказалась удовлетворительной (от 0.50 до 0.78). Показатели лабораторных методов положительно связаны друг с другом, но практически не коррелируют с показателями, полученными с помощью метода многократных замеров. Делается вывод, что эти два вида методов измеряют разные стороны эмоциональной дифференцированности или даже разные конструкты. Более предпочтительным представляется метод, основанный на многократных замерах, так как он обладает более высокой экологической валидностью, а также позволяет получить богатую дополнительную информацию об общем эмоциональном фоне и вариативности и динамике эмоциональных состояний.

Ключевые слова: эмоциональная дифференцированность, измерение, метод многократных замеров.

DOI: 10.31857/S020595920029013-0

Эмоциональная дифференцированность (ЭД) — конструкт, который можно отнести одновременно к эмоциональной и когнитивной сферам психики. Он выражает дробность эмоционального опыта человека, иначе говоря, насколько хорошо человек различает свои эмоции [3]. Описание своих эмоций у людей с низкой и высокой ЭД различается. Люди с высокой ЭД способны описать свое эмоциональное состояние при помощи разнообразных

слов, обозначающих конкретные эмоции, при этом оценки интенсивности разных эмоций будут различаться. Люди же с низкой ЭД скорее склонны описывать свое эмоциональное состояние в общих терминах, а конкретные названия эмоций чаще использовать как синонимы. Например, человек с низкой ЭД может сообщить, что чувствует себя “плохо”, и при этом укажет, что испытывает “грусть” и “злость” примерно с одинаковой силой. Более подробный анализ ЭД как понятия проводится в ряде работ [1; 13; 23; 24].

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

В основе расчета показателей ЭД лежит согласованность оценок выраженности разных эмоций. Низкая согласованность свидетельствует о высокой дифференцированности и может быть получена, если в отдельные моменты времени человек испытывает различные эмоции с разной силой. Обычно оценка ЭД проводится отдельно для положительных (ЭД/П) и отрицательных (ЭД/О) эмоций. Это связано с тем, что объединение эмоций разной валентности вместе не позволяет однозначно интерпретировать получаемые показатели. Люди редко испытывают положительные и отрицательные эмоции одновременно, поэтому общий показатель ЭД без учета валентности оказывается завышенным. В частности, при низкой ЭД/П и ЭД/О общий показатель может оказаться высоким, так как люди редко испытывают эмоции разных валентностей одновременно.

Эмоциональная дифференцированность активно изучается в последние годы. Показано, что ЭД связана в наибольшей степени с регуляцией эмоций и психологическим благополучием. Так, люди с высокой ЭД/О склонны использовать более широкий круг стратегий регуляции эмоций [4]. У пациентов с депрессией ЭД/О ниже, чем у здоровых [6]. Люди с высокой ЭД/О реже употребляют алкоголь, когда испытывают отрицательные эмоции [14], а также реже проявляют агрессию, когда злятся [21]. Несмотря на большое количество исследований, показывающих преимущество высокой ЭД/О, Я. Эрбас с коллегами обнаружили, что слишком высокая ЭД/О может быть связана с симптомами депрессии и тревоги [7]. Данные для ЭД/П также существуют, однако таких исследований заметно меньше. Например, было показано, что у пациентов с анорексией низкая ЭД/П связана с усилением поведения, направленного на потерю веса [22]. Большая часть исследований фокусирует свое внимание именно на ЭД/О, так как именно она обнаруживает связь с большинством параметров психологического благополучия человека и эффективностью регуляции эмоций.

В современной литературе описывается ряд методов измерения ЭД. Все методы можно условно разделить на лабораторные и основанные на многократных замерах эмоционального состояния в реальной жизни. В лабораторных методах испытуемым предъявляется стимульный материал, связанный с эмоциями, после чего их просят сообщить о своих реальных или предполагаемых эмоциях, вызываемых этим стимульным материалом. Существуют, как минимум, две методики лабораторного типа. Одна называется SRT (Scenario Rating Task) и направлена на оценку дифференцированности

предполагаемых эмоций, вызываемых ситуациями, которые описываются в сценариях [5]. Испытуемым предъявляют описания ситуаций и просят оценить, какие эмоции они испытывали бы, оказавшись в каждой из предложенных ситуаций. Вторая методика, PED-task (Photo Emotion Differentiation Task), направлена на оценку дифференцированности эмоций, вызываемых изображениями [8]. Испытуемым предъявляют набор изображений и просят оценить, какие эмоции вызывает у них каждое из предложенных изображений. Существуют и другие лабораторные методики для измерения ЭД, например, испытуемым могут предлагать оценить свои эмоции в ответ на видео [2].

Метод измерения ЭД, основанный на многократных замерах, может реализовываться по-разному, но в любом случае от испытуемого требуется регулярно оценивать свое эмоциональное состояние на протяжении некоторого промежутка времени. Например, в методике “Эмоциональный дневник” обычно требуется отчитаться о своем состоянии в конце дня [4]. Нужно либо в целом оценить эмоциональные реакции за день, либо описать и оценить один самый интенсивный эмоциональный эпизод, который произошел в этот день. В других реализациях метода многократных замеров испытуемого просят сообщать о своем эмоциональном состоянии по несколько раз в течение всего дня, причем чаще всего в случайные моменты времени [5; 10]. В медицинской традиции такой способ сбора данных часто называют амбулаторным методом, а в психологической литературе на английском языке используется термин “experience sampling”.

Представляется, что метод многократных замеров дает более достоверную и богатую информацию об ЭД, так как испытуемый сообщает о своем состоянии несколько десятков раз в ходе своей повседневной жизни, находясь в разных ситуациях и в разных эмоциональных состояниях. Однако этот метод значительно более затратен для экспериментаторов и испытуемых, так как от последних требуется высокая приверженность исследованию. Кроме того, для его полноценной реализации необходимо специальное программное обеспечение.

В каждом отдельном исследовании обычно используется какой-либо один метод измерения ЭД, однако выводы, полученные с его помощью, обобщаются на ЭД в целом. Нам удалось найти только одно исследование, в котором использовались два разных метода измерения ЭД. В исследовании Я. Эрбас с коллегами [7] сообщается, что показатель ЭД/О, полученный с помощью методики PED-task, значимо положительно коррелирует

с показателем ЭД/О, основанным на многократных замерах эмоционального состояния ($r(178) = 0.22, p < 0.01$), хотя этот анализ напрямую не относился к целям, заявленным в исследовании. Целенаправленного сопоставления результатов разных методов измерения ЭД на данный момент не проводилось. В целом возникает вопрос, насколько сопоставимы оценки ЭД, полученные с помощью разных методов, и в какой степени они взаимозаменяемы.

Цель данной статьи состоит в описании существующих исследовательских методов измерения ЭД, представлении результатов их адаптации на русском языке и проведении их сравнительного анализа. Использовались русскоязычные версии двух методик для измерения ЭД в лабораторных условиях — SRT и PED-task и методика многократных замеров эмоционального состояния. Если эти методики измеряют один и тот же конструкт, то между ними должна существовать положительная связь. При этом ожидалось, что более тесная связь будет получена между показателями лабораторных методик в силу эффекта метода, т.е. за счет процедурной схожести лабораторных методик.

МЕТОДИКА

Выборка. Размер выборки был рассчитан на основе анализа мощности для среднего значения размера эффекта ($r = 0.30$). Для достижения мощности 0.80 выборка должна была составить не менее 67 человек, для достижения мощности 0.95 — 115 человек. В исследовании приняло участие 117 человек. 10 человек были исключены из анализа в ходе предобработки (см. раздел “Предобработка данных”). В итоговую выборку вошло 107 человек в возрасте от 18 до 44 лет ($M = 24.22$; $SD = 6.35$), из них 85 женщин и 22 мужчины. Все участники дали добровольное согласие на участие в исследовании. Исследование было одобрено этической комиссией департамента психологии НИУ ВШЭ.

Материалы. Методика SRT. Испытуемым давалось 20 коротких описаний гипотетических ситуаций. Для каждой ситуации требовалось прочитать ее описание, представить себя на месте героя и сообщить, какие эмоции такая ситуация могла бы вызывать у испытуемого. Был использован адаптированный к российской культуре перевод оригинальной методики SRT [5]. В ней описываются повседневные или редкие события, которые могли бы произойти с каждым и вызвать положительные, отрицательные или же смешанные эмоции. Из-за специфики русского языка были разработаны

мужская и женская версии методики. Версии отличались лишь полом партнера по коммуникации (например, друг/подруга, сосед/соседка) для сохранения наличия или отсутствия в разных ситуациях потенциального романтического подтекста. Оценивать свои гипотетические эмоции нужно было при помощи 7-балльных ликертовских шкал от 0 “совсем нет” до 6 “чрезвычайно сильно”. Испытуемому давался список существительных, состоящий из названий 6 отрицательных (беспокойство, вина, грусть, злость, страх, стыд) и 6 положительных (веселье, восторг, гордость, предвкушение, радость, удовлетворение) эмоций. Методика была реализована при помощи Google Forms.

Пример описания ситуации: “Вы стоите в очереди в магазине. Кассир пробивает ваш товар. Вы прикладываете карту к терминалу оплаты. Оплата не проходит. Вы прикладываете карту снова, надеясь, что в этот раз платеж пройдет. Вы продолжаете ждать, не понимая, в чем проблема. Вы думали, что у вас на карте достаточно средств. Кассир сообщает вам, что платеж отклонен”. Полный текст методики доступен по ссылке: https://www.researchgate.net/publication/366307417_SRT_situacii_rus?channel=doi&linkId=639b4f7ce42faa7e75c58bc5&showFulltext=true.

Методика PED-task. Методика была создана с опорой на описание оригинальной методики PED-task [8]. В качестве стимулов использовалось 21 изображение из баз эмоциональных изображений IAPS² [18] и OASIS³ [16]. Изображения были отобраны на основе пилотного исследования так, чтобы они воспринимались испытуемыми как эмоционально окрашенные и при этом вызывали разные эмоции. Испытуемым предлагалось сообщить, какие эмоции вызывает у них каждое изображение при помощи 7-балльных ликертовских шкал от 0 “совсем нет” до 6 “чрезвычайно сильно”. Для оценки давалось 12 названий эмоций: 6 отрицательных (вина, грусть, злость, страх, презрение, отвращение) и 6 положительных (веселье, восторг, нежность, предвкушение, радость, спокойствие). Методика также была реализована при помощи Google Forms.

Методика измерения ЭД, основанная на многократных замерах эмоционального состояния. Методика была реализована с использованием приложения для смартфонов m-Path [19]. Данные собирались в течение 10 дней. Каждый день в псевдослучайные моменты времени интервала бодрствования

² IAPS: 2053, 1019, 2205, 2694, 2710, 6220, 8475, 9002, 9120, 9145, 2374, 7499.

³ OASIS: Flowers 5, Fire 11, Alcohol 8, Birthday 3, Dessert 5, Fireworks 3, A Parachuting 3, Rubber duck 1, Lightning 2.

(по умолчанию с 10:00 до 22:00, но испытуемый мог назначить иной интервал) испытуемому приходило 7 уведомлений о необходимости сообщить о своем эмоциональном состоянии. Уведомления приходили в случайные моменты в рамках заданных интервалов. Экспериментатор задавал 7 полуторачасовых интервалов с перерывом 10 мин между интервалами с начала интервала бодрствования. Таким образом, при заданном интервале бодрствования с 10:00 до 22:00 первое уведомление приходило испытуемому с 10:00 до 11:30, второе — с 11:40 до 12:10 и т.д. После получения уведомления давалось 10 мин для оценки своего состояния, если испытуемый не отвечал в течение этого времени, то ему приходило повторное уведомление и давалось еще 5 мин на ответ. Для оценки состояния давалось 12 названий эмоций: 6 отрицательных (грусть, раздражение, беспокойство, стыд, зависть, вина) и 6 положительных (радость, воодушевление, предвкушение, гордость, удовлетворение, веселье). Требовалось оценить, в какой степени каждое слово описывает состояние испытуемого, при помощи 6-балльных ликертовских шкал от 1 “очень слабо” до 6 “очень сильно”. Также был предусмотрен вариант ответа “Не испытываю данную эмоцию”. На рисунке приводится пример того, как выглядел экран смартфона во время замера эмоционального состояния.

Названия положительных и отрицательных эмоций для всех методик были отобраны на основе пилотного исследования таким образом, чтобы

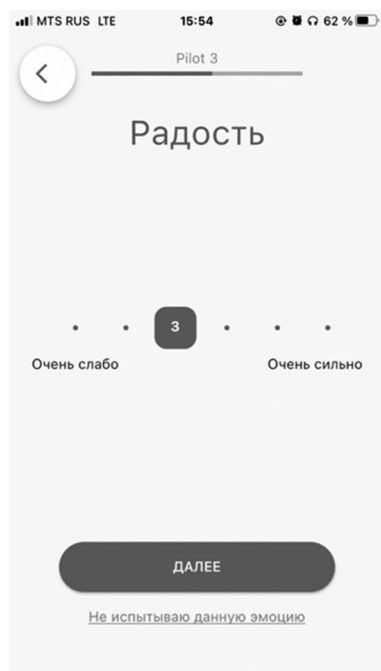

Рис. Вид экрана смартфона при замере эмоционального состояния с использованием приложения m-Path

ответы испытуемых для каждой эмоции были достаточно вариативны. Во всех методиках названия эмоций давались в алфавитном порядке. Расчет показателей ЭД/П и ЭД/О приводится в разделе “Результаты”.

Процедура. Исследование состояло из трех частей, первая и третья части могли проходить дистанционно или очно в зависимости от пожеланий испытуемого. Вторая часть проходила дистанционно. В первой части исследования испытуемым объяснялись цели исследования в общем виде и давалась инструкция, как проходить процедуру многократных замеров, после чего испытуемые заполняли информированное согласие. Далее устанавливалось приложение, испытуемым отправлялся пробный опрос, чтобы они познакомились с процедурой многократных замеров. После прохождения пробного опроса испытуемым отправлялись ссылки на методику SRT и методику PED-task. Эти методики заполнялись в любое время до начала многократных замеров. Вторая часть — в 10-дневный период многократных замеров эмоциональных состояний. Третья часть исследования проходила также очно или дистанционно, испытуемым давалась обратная связь по итогам многократных замеров, а также предлагалось заполнить ряд психологических методик, результаты которых не будут анализироваться в рамках данной статьи.

Предобработка данных. В ходе предобработки, данные 6 испытуемых были исключены из анализа в связи с низким процентом заполнения методики многократных замеров (пройдено менее 60% замеров), также данные 4 испытуемых были исключены из анализа, так как для них хотя бы один показатель согласованности имел отрицательное значение, что делает невозможным его интерпретацию [11]. В исследованиях ЭД такие данные либо исключаются из анализа [9; 12; 25], либо отрицательные показатели приравниваются к нулю [5; 26].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Показатели ЭД рассчитывались отдельно для положительных и отрицательных эмоций. Для их расчета во всех методиках использовалось значение коэффициента внутриклассовой корреляции $ICC(3, k)$, математически совпадающего с коэффициентом альфа Кронбаха. Это значение было подвергнуто z -преобразованию Фишера и потом инверсировано путем вычитания его из единицы. Важно отметить, что такой способ вычисления показателя ЭД не является единственным, но применяется чаще других [1]. Общий показатель ЭД не рассчитывался ввиду его неоднозначности при

интерпретации. Описательные статистики по показателям ЭД, полученным в разных методиках, представлены в табл. 1.

Таблица 1. Средние значения и стандартные отклонения ЭД/О и ЭД/П, полученные для разных методик

	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>MIN</i>	<i>MAX</i>
SRT				
ЭД/О	−0.19	0.32	−0.95	0.56
ЭД/П	−0.61	0.32	−1.65	0.24
PED-task				
ЭД/О	0.03	0.35	−0.83	0.97
ЭД/П	−0.19	0.32	−0.83	0.66
Методика многократных замеров				
ЭД/О	0.24	0.21	−0.30	0.76
ЭД/П	−0.14	0.28	−0.65	0.59

Для всех методик надежность оценивалась методом многократного расщепления данных. В методике SRT оценки, данные каждым респондентом по 20 ситуациям, были разделены на две части 5000 разными способами так, что в первую часть (отобранные) входило 10 случайных ситуаций, а оставшиеся 10 ситуаций входили во вторую часть (оставшиеся). Отобранные и оставшиеся ситуации были одинаковыми для всех испытуемых внутри одного способа расщепления (т.е. если на первом шаге у первого респондента были выбраны ситуации 1–10, то и для второго респондента были выбраны ситуации 1–10). Далее для каждой части ситуаций рассчитывались показатели ЭД/О и ЭД/П. Аналогичная процедура была применена к данным, собранным с помощью методики PED-task.

Надежность методики многократных замеров эмоционального состояния оценивалась похожим образом, но с некоторыми особенностями. В связи с тем что количество замеров для каждого испытуемого варьировалось от 42 (60% заполнения) до 70 (100% заполнения), случайный выбор отобранной и оставшейся частей замеров происходил отдельно для каждого человека. Таким образом, на каждом шаге алгоритма для каждого человека

сначала определялось количество замеров, которые будут отобраны (как результат деления без остатка общего числа замеров данного респондента на два), далее шло распределение замеров на отобранные и оставшиеся части. Такой выбор для каждого респондента осуществлялся 5000 раз. Для обеих частей, как и в случае других методик, рассчитывались показатели ЭД/О и ЭД/П.

В качестве показателя надежности для всех методик было использовано среднее значение корреляции между отобранной и оставшейся частью после применения поправки Спирмена—Брауна (табл. 2). Скрипт, при помощи которого был проведен расчет надежности, доступен по ссылке: https://osf.io/c5ygu/?view_only=e1e164f2bd5f4d15b55d1352aea294e0.

Таблица 2. Показатели надежности для разных методик измерения ЭД

	ЭД/О	ЭД/П
SRT	0.69	0.72
PED-task	0.64	0.66
Методика многократных замеров	0.50	0.78

Для проверки предположений о связях между показателями разных методик был проведен корреляционный анализ (табл. 3).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Описательные статистики для показателей ЭД/О и ЭД/П, полученных при помощи разных методов (см. табл. 1), показывают, что средние значения ЭД часто оказываются отрицательными. Знак перед показателем сам по себе неинформативен и не подлежит содержательной интерпретации. Теоретически возможный диапазон значений ЭД находится в промежутке от $-\infty$ до $+1$. В литературе до сих пор не высказывалось соображений относительно того, какие значения показателей ЭД считать высокими или низкими. Мы предлагаем подход, основанный на распространенных

Таблица 3. Коэффициенты корреляции Пирсона ($N = 107$) между показателями ЭД для положительных и отрицательных эмоций в разных методиках. ESM — методика многократных замеров эмоционального состояния

	SRT ЭД/О	SRT ЭД/П	PED-task ЭД/О	PED-task ЭД/П	ESM ЭД/О
SRT ЭД/О					
SRT ЭД/П	0.56***				
PED-task ЭД/О	0.47***	0.25			
PED-task ЭД/П	0.41***	0.57***	0.40***		
ESM ЭД/О	0.20	0.26	0.07	0.16	
ESM ЭД/П	0.06	0.28*	0.09	0.21	0.35***

Примечание: * $p < 0.05$, *** $p < 0.001$, после поправки на множественные проверки значимости Холма—Бонферрони.

Таблица 4. Интерпретация показателей ЭД

Уровень ЭД	Диапазон показателей ЭД	Примерный диапазон <i>ICC</i> (до <i>z</i> -преобразования Фишера)
Очень высокий	От 0.70 до 1.00	Ниже 0.30
Высокий	От 0.30 до 0.69	От 0.30 до 0.60
Средний	От -0.10 до 0.29	От 0.60 до 0.80
Низкий	От -0.50 до -0.11	От 0.80 до 0.90
Очень низкий	Ниже -0.50	0.90 и выше

интерпретациях коэффициентов корреляции и согласованности (например, [17]): *ICC* выше 0.90 — очень высокие значения, от 0.80 до 0.90 — высокие и т.д. (табл. 4). Важно, что при таком подходе расстояния между значениями ЭД, отсекающими разные диапазоны (0.7, 0.3, -0.1, -0.5), оказываются равными в абсолютных значениях. Необходимо подчеркнуть, что предложенная интерпретация не имеет отношения к статистическим нормам, основанным на характеристиках распределений показателей ЭД.

Основываясь на таком подходе к интерпретации показателей, можно оценить усредненные по выборке показатели ЭД/О как низкие (методика SRT) и средние (PED-task и многократные замеры), усредненные показатели ЭД/П — как очень низкие (методика SRT) и низкие (PED-task и многократные замеры). Сравнение с аналогичными результатами других исследований доступно лишь в редких случаях, так как далеко не все авторы приводят описательные статистики для таких же показателей. Удалось найти только одну публикацию, где сообщаются средние значения показателей по SRT [5]: 0.06 для ЭД/О, что несколько выше полученного нами значения -0.19, и -0.67 для ЭД/П, что очень близко полученному нами значению -0.61. В трех публикациях сообщаются усредненные значения ЭД, полученные с помощью многократных замеров [5; 20; 26]. Усредненные показатели ЭД/О в этих работах находятся в диапазоне от 0.04 до 0.30, что, согласно нашему подходу, соответствует среднему уровню ЭД. Полученный нами показатель ЭД/О (0.24) попадает в этот же диапазон. Усредненные показатели ЭД/П в тех же работах находятся в диапазоне от -0.21 до 0.13, что соответствует низкому и среднему уровню ЭД. Полученный нами показатель ЭД/П (-0.14) также попадает в этот диапазон. Стандартные отклонения показателей ЭД у всех авторов, включая наши данные, очень сходны и находятся в диапазоне от 0.20 до 0.40.

Таким образом, описательные статистики показателей ЭД, полученные в настоящей работе, соответствуют результатам других исследований. Показатели ЭД/П по всем данным оказываются ниже показателей ЭД/О. Это соответствует давно обсуждаемой идее асимметрии валентностей эмоций,

согласно которой отрицательные эмоции и эмоциональные стимулы с отрицательной валентностью более разнообразны, чем положительные (например, [15]). В связи с этим можно предположить, что показатели ЭД/О более информативны при изучении связей ЭД с другими индивидуальными характеристиками.

В настоящей работе была проведена оценка надежности методик на ЭД, чего раньше не делалось другими авторами. Надежность лабораторных методик варьирует от 0.64 до 0.72, что является удовлетворительными значениями. Надежность показателей, полученных с помощью многократных замеров, — 0.50 для ЭД/О и 0.78 для ЭД/П, что позволяет описать ее как хорошую для ЭД/П и допустимую для ЭД/О.

Одна из целей настоящего исследования состояла в том, чтобы провести сопоставление методик на измерение ЭД друг с другом. Из табл. 3 следует, что показатели лабораторных методик SRT и PED-task положительно связаны друг с другом; полученные средние по величине коэффициенты корреляции (от 0.40 до 0.57, для всех $p < 0.001$, лишь один 0.25, $p > 0.05$). Однако показатели ЭД, полученные с помощью методики многократных замеров, практически не коррелируют с показателями лабораторных методик, получены коэффициенты корреляции от 0.06 до 0.28 (статистически значим лишь $r = 0.28$, $p = 0.004$ до поправки Холма—Бонферрони). Это означает, что лабораторные методы, с одной стороны, и многократные замеры, с другой, измеряют существенно разные стороны ЭД, а может быть, и вообще разные конструкты. Более валидным представляется метод многократных замеров, так как он отражает эмоциональный опыт человека в реальной жизни, в то время как выполнение специально сконструированных лабораторных заданий является более искусственной ситуацией. Связи показателей ЭД/О и ЭД/П в рамках каждой методики оказались положительными, величина коэффициентов корреляции средняя: для SRT $r = 0.56$, $p < 0.001$, для PED-task $r = 0.40$, $p < 0.001$, для многократных замеров $r = 0.35$, $p < 0.001$. Это может свидетельствовать о том, что показатели ЭД для положительных и отрицательных эмоций отражают две стороны одного и того же

конструкта, но не дублируют друг друга и должны анализироваться отдельно.

Рассмотренные методики измерения ЭД обладают высокой очевидной валидностью (face validity) и валидностью по содержанию, потому что входящие в них задания и процедуры непосредственно направлены на измерение эмоциональной дифференцированности. Более всесторонняя оценка их валидности пока невозможна за неимением других методик для измерения ЭД или сходных с ней конструктов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированные в настоящем исследовании методы позволяют развивать перспективные направления изучения ЭД, связанные с ее ролью в психологическом благополучии, регуляции эмоций, эмоциональном интеллекте и эмоциональных расстройствах. Также необходимо изучать личностные и когнитивные факторы, определяющие высокую или низкую ЭД.

Описанные методы имеют широкий исследовательский потенциал и могут применяться не только для изучения ЭД. С их помощью можно также выявлять типичные для человека эмоциональные реакции, включая как отдельные эмоции, так и группы эмоций, объединенные, например, по валентности. Наиболее предпочтительным представляется метод многократных замеров. Во-первых, он обладает наиболее высокой экологической валидностью, так как позволяет, в отличие от лабораторных методов, собрать данные об эмоциональных состояниях людей в реальной жизни. Во-вторых, помимо показателей ЭД, он позволяет получить много другой важной информации об эмоциональной жизни человека: средний эмоциональный фон (включая валентность и интенсивность эмоциональных состояний), степень неустойчивости и вариативности эмоциональных состояний, динамические показатели (например, инерционность или цикличность эмоциональных состояний), типичные эмоциональные реакции на определенные классы событий. Вместе с тем метод многократных замеров является наиболее сложным и ресурсоемким. Выбор конкретного метода остается за исследователем и может быть продиктован его целями и возможностями организации исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сучкова Е.А. Эмоциональная дифференцированность: определение, варианты операционализации, перспективы исследований // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 79. С. 2.

2. Aaron R.V., Snodgrass M.A., Blain S.D., Park S. Affect labeling and other aspects of emotional experiences in relation to alexithymia following standardized emotion inductions // *Psychiatry Research*. 2018. V. 262. P. 115–123.
3. Barrett L.F. Feelings or Words? Understanding the Content in Self-Report Ratings of Experienced Emotion // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. V. 87. № 2. P. 266–281.
4. Barrett L.F., Gross J., Christensen T.C., Benvenuto M. Knowing what you're feeling and knowing what to do about it: Mapping the relation between emotion differentiation and emotion regulation // *Cognition and Emotion*. 2001. V. 15. № 6. P. 713–724.
5. Boden M.T. et al. Are emotional clarity and emotion differentiation related? // *Cognition and Emotion*. 2013. V. 27. № 6. P. 961–978.
6. Demiralp E. et al. Feeling blue or turquoise? Emotional differentiation in major depressive disorder // *Psychological Science*. 2012. V. 23. № 11. P. 1410–1416.
7. Erbas Y. et al. Emotion differentiation dissected: between-category, within-category, and integral emotion differentiation, and their relation to well-being // *Cognition and Emotion*. 2019. V. 33. № 2. P. 258–271.
8. Erbas Y. et al. Emotion differentiation in autism spectrum disorder // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2013. V. 7. № 10. P. 1221–1227.
9. Erbas Y. et al. Why I don't always know what I'm feeling: the role of stress in within-person fluctuations in emotion differentiation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2018. V. 115. № 2. P. 179–191.
10. Erbas Y. et al. Negative emotion differentiation: its personality and well-being correlates and a comparison of different assessment methods // *Cognition and Emotion*. 2014. V. 28. № 7. P. 1196–1213.
11. Giraudeau B. Negative values of the intraclass correlation coefficient are not theoretically possible // *Journal of Clinical Epidemiology*. 1996. V. 49. P. 1205–1206.
12. Kalokerinos E.K., Erbas Y., Ceulemans E., Kuppens P. Differentiate to regulate: Low negative emotion differentiation is associated with ineffective use but not selection of emotion-regulation strategies // *Psychological Science*. 2019. V. 30. P. 863–879.
13. Kashdan T.B., Barrett L.F., McKnight P.E. Unpacking emotion differentiation transforming unpleasant experience by perceiving distinctions in negativity // *Current Directions in Psychological Science*. 2015. V. 24. № 1. P. 10–16.
14. Kashdan T.B., Ferrisizidis P., Collins R.L., Muraven M. Emotion differentiation as resilience against excessive alcohol use: An ecological momentary assessment in underage social drinkers // *Psychological Science*. 2010. V. 21. № 9. P. 1341–1347.
15. Koch A., Alves H., Krüger T., Unkelbach C. A general valence asymmetry in similarity: Good is more alike than

- bad // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2116. V. 42. № 8. P. 1171–192.
16. Kurdi B., Lozano S., Banaji M.R. Introducing the Open Affective Standardized Image Set (OASIS) // *Behavior Research Methods*. 2017. V. 49. P. 457–470.
 17. Nunnally J., Bernstein I. *Psychometric theory*. 3rd ed. McGraw-Hill Series in Psychology. Tata McGraw-Hill Ed. New Delhi, 2010.
 18. Lang P.J., Bradley M.M., Cuthbert B.N. *International Affective Pictures System (IAPS): Technical manual and affective ratings (tech.Rep.A-4)*. Gainesville: University of Florida, Center for Research in Psychophysiology, 1995.
 19. Mestdagh M. et al. m-Path: An easy-to-use and flexible platform for ecological momentary assessment and intervention in behavioral research and clinical practice. 2022, January 25.
 20. Mikhail M.E. et al. Low emotion differentiation: An affective correlate of binge eating? // *International Journal of Eating Disorders*. 2019. V. 53. P. 412–421.
 21. Pond R.S. et al. Emotion differentiation moderates aggressive tendencies in angry people: A daily diary analysis // *Emotion*. 2012. V. 12. № 2. P. 326–337.
 22. Selby E.A. et al. Nothing Tastes as Good as Thin Feels: Low Positive Emotion Differentiation and Weight-Loss Activities in Anorexia Nervosa // *Clinical Psychological Science*. 2014. V. 4. № 2. P. 514–531.
 23. Smidt K., Suvak M. A Brief, but Nuanced, Review of Emotional Granularity and Emotion Differentiation Research // *Current Opinion in Psychology*. 2015. V. 3.
 24. Thompson R., Springstein T., Boden M. Gaining clarity about emotion differentiation // *Social and Personality Psychology Compass*. 2021. V. 15. P. 1–14.
 25. Vedernikova E., Kuppens P., Erbas Y. From Knowledge to Differentiation: Increasing Emotion Knowledge Through an Intervention Increases Negative Emotion Differentiation // *Frontiers in Psychology*. 2021. V. 12:703757.
 26. Widdershoven R. et al. Effect of self-monitoring through experience sampling on emotion differentiation in depression // *Journal of Affective Disorders*. 2019. V. 244. P. 71–77.

COMPARING METHODS FOR MEASURING EMOTION DIFFERENTIATION⁴

E. A. Suchkova^{1,*}, D. V. Lyusin^{1,2,**}

¹HSE University;

101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20, Russia.

²Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.

*Research Assistant of Laboratory for Cognitive Research.

E-mail: suchkova.e.a@yandex.ru

**PhD in Educational Science, Associate Professor, Leading Research Fellow of Laboratory for Cognitive Research of HSE University, Leading Research Fellow of the Laboratory of Psychology and Psychophysiology of Creativity of Institute Psychology RAS.

E-mail: ooch@mail.ru

Received 16.12.2022

Abstract. Emotion differentiation is the construct that reflects the granularity of emotional experience; in other words, it shows how well an individual differentiates his/her emotions. Emotion differentiation predicts the effectiveness of emotion regulation and psychological well-being. A number of methods for measuring emotion differentiation have been proposed, however, little is known about the comparability of their results. The present research aimed at the development of the Russian versions of the three methods for measuring emotion differentiation, their adaptation, and the analysis of the comparability of their results. Two of these methods, SRT and PED-task, were laboratory and one was based on 10 days experience sampling. The sample included 107 participants aged from 18 to 44 ($M = 24.22$, $SD = 6.35$, 88 females and 22 males). The reliability of obtained emotion differentiation measures was good or satisfactory (between 0.64 and 0.85). Measures obtained through laboratory methods positively correlated among each other, while did not correlate to measures derived from experience sampling data. This result shows that laboratory and experience sampling methods

⁴The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the HSE University.

measure different aspects of emotion differentiation or even different constructs. The method based on emotion differentiation seems to be preferable since it has higher ecological validity and provides rich additional information about general emotional background and emotional variability and dynamics.

Keywords: emotion differentiation, measurement, experience sampling method.

REFERENCES

1. *Suchkova E.A.* Jemocional'naja differencirovannost': opredelenie, varianty operacionalizacii, perspektivy issledovanij. Psihologicheskie issledovanija. 2021. V. 14. № 79. P. 2. (In Russian)
2. *Aaron R.V., Snodgrass M.A., Blain S.D., Park S.* Affect labeling and other aspects of emotional experiences in relation to alexithymia following standardized emotion inductions. *Psychiatry Research*. 2018. V. 262. P. 115–123.
3. *Barrett L.F.* Feelings or Words? Understanding the Content in Self-Report Ratings of Experienced Emotion. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. V. 87. № 2. P. 266–281.
4. *Barrett L.F., Gross J., Christensen T.C., Benvenuto M.* Knowing what you're feeling and knowing what to do about it: Mapping the relation between emotion differentiation and emotion regulation. *Cognition and Emotion*. 2001. V. 15. № 6. P. 713–724.
5. *Boden M.T. et al.* Are emotional clarity and emotion differentiation related? *Cognition and Emotion*. 2013. V. 27. № 6. P. 961–978.
6. *Demiralp E. et al.* Feeling blue or turquoise? Emotional differentiation in major depressive disorder. *Psychological Science*. 2012. V. 23. № 11. P. 1410–1416.
7. *Erbas Y. et al.* Emotion differentiation dissected: between-category, within-category, and integral emotion differentiation, and their relation to well-being. *Cognition and Emotion*. 2019. V. 33. № 2. P. 258–271.
8. *Erbas Y. et al.* Emotion differentiation in autism spectrum disorder. *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2013. V. 7. № 10. P. 1221–1227.
9. *Erbas Y. et al.* Why I don't always know what I'm feeling: the role of stress in within-person fluctuations in emotion differentiation. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2018. V. 115. № 2. P. 179–191.
10. *Erbas Y. et al.* Negative emotion differentiation: its personality and well-being correlates and a comparison of different assessment methods. *Cognition and Emotion*. 2014. V. 28. № 7. P. 1196–1213.
11. *Giraudeau B.* Negative values of the intraclass correlation coefficient are not theoretically possible. *Journal of Clinical Epidemiology*. 1996. V. 49. P. 1205–1206.
12. *Kalokerinos E.K., Erbas Y., Ceulemans E., Kuppens P.* Differentiate to regulate: Low negative emotion differentiation is associated with ineffective use but not selection of emotion-regulation strategies. *Psychological Science*. 2019. V. 30. P. 863–879.
13. *Kashdan T.B., Barrett L.F., McKnight P.E.* Unpacking emotion differentiation transforming unpleasant experience by perceiving distinctions in negativity. *Current Directions in Psychological Science*. 2015. V. 24. № 1. P. 10–16.
14. *Kashdan T.B., Ferrisizidis P., Collins R.L., Muraven M.* Emotion differentiation as resilience against excessive alcohol use: An ecological momentary assessment in underage social drinkers. *Psychological Science*. 2010. V. 21. № 9. P. 1341–1347.
15. *Koch A., Alves H., Krüger T., Unkelbach C.* A general valence asymmetry in similarity: Good is more alike than bad. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2016. V. 42. № 8. P. 1171–1192.
16. *Kurdi B., Lozano S., Banaji M.R.* Introducing the Open Affective Standardized Image Set (OASIS). *Behavior Research Methods*. 2017. V. 49. P. 457–470.
17. *Nunnally J., Bernstein I.* Psychometric theory. 3rd ed. McGraw-Hill Series in Psychology. Tata McGraw-Hill Ed. New Delhi, 2010.
18. *Lang P.J., Bradley M.M., Cuthbert B.N.* International Affective Pictures System (IAPS): Technical manual and affective ratings (tech.Rep.A-4). Gainesville: University of Florida, Center for Research in Psychophysiology, 1995.
19. *Mestdagh M. et al.* m-Path: An easy-to-use and flexible platform for ecological momentary assessment and intervention in behavioral research and clinical practice. 2022, January 25.
20. *Mikhail M.E. et al.* Low emotion differentiation: An affective correlate of binge eating? *International Journal of Eating Disorders*. 2019. V. 53. P. 412–421.
21. *Pond R.S. et al.* Emotion differentiation moderates aggressive tendencies in angry people: A daily diary analysis. *Emotion*. 2012. V. 12. № 2. P. 326–337.
22. *Selby E.A. et al.* Nothing Tastes as Good as Thin Feels: Low Positive Emotion Differentiation and Weight-Loss Activities in Anorexia Nervosa. *Clinical Psychological Science*. 2014. V. 4. № 2. P. 514–531.
23. *Smidt K., Suvak M.* A Brief, but Nuanced, Review of Emotional Granularity and Emotion Differentiation Research. *Current Opinion in Psychology*. 2015. V. 3.
24. *Thompson R., Springstein T., Boden M.* Gaining clarity about emotion differentiation. *Social and Personality Psychology Compass*. 2021. V. 15. P. 1–14.
25. *Vedernikova E., Kuppens P., Erbas Y.* From Knowledge to Differentiation: Increasing Emotion Knowledge Through an Intervention Increases Negative Emotion Differentiation. *Frontiers in Psychology*. 2021. V. 12:703757.
26. *Widdershoven R. et al.* Effect of self-monitoring through experience sampling on emotion differentiation in depression. *Journal of Affective Disorders*. 2019. V. 244. P. 71–77.

УДК 316.613.5

РОССИЙСКИЕ РЕФОРМАТОРЫ 1990-х ГОДОВ (ОПЫТ БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

© 2023 г. Р. Х. Симонян

МГИМО МИД России;

119454, г. Москва, просп. Вернадского, д. 76, корп. В.

Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований.

E-mail: simonyan.renald@yandex.ru

Поступила 14.06.2023

Аннотация. В новейшей истории торжество философского закона о возрастании субъективного фактора в общественном развитии приобретает особенно наглядный характер. В этих условиях психология становится все более востребованной. В статье рассматриваются психологические механизмы назначения первым президентом России Б. Ельциным заведующего экономическим отделом газеты “Правда” Е. Гайдара руководить проведением экономических реформ в России. На основе биографического метода с привлечением широкого источниковедческого и фактологического материала представлен психологический портрет Гайдара и его соратников. Показано, что результаты российских экономических реформ, проведенных в 1990-х годах, являются следствием человеческих качеств реформаторов — профессиональной компетенции, ценностных ориентаций и установок.

Ключевые слова: анализ текстов и продуктов деятельности, индивидуальные особенности, нравственные направленности личности.

DOI: 10.31857/S020595920029014-1

ВВЕДЕНИЕ (МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА РЕФОРМАТОРОВ)

После распада СССР перед новой Россией стояла задача перехода от директивно-распределительной экономики к свободному рынку. В марте 1991 г. группой ведущих экономистов (С. Шаталин, Г. Явлинский, Н. Петраков и др.) была подготовлена программа перехода с условным названием “500 дней”. Дополненная 20 проектами законов в течение шести месяцев она обсуждалась на различных уровнях, прошла экспертизу и была поддержана широкой общественностью, руководителями предприятий, научным сообществом и получила высокую оценку международных экспертов. 11 сентября 1990 г. программа была принята Верховным Советом РСФСР. В соответствии с ней либерализация цен должна была произойти после демополизации производства, а приватизация начаться с малых активов — магазины, предприятия общественного питания и бытового обслуживания, затем предприятия легкой промышленности с постепенным переходом от малых к средним и в последнюю очередь — к крупным предприятиям.

Причем сначала должны были перейти в частные руки нерентабельные или малорентабельные предприятия, т.е. то, что было уже сделано в других постсоциалистических странах Европы.

Высокий авторитет одного из самых талантливых российских экономистов-рыночников академика С. Шаталина, которого коллеги называли “народным академиком”, был общепризнан отечественным и мировым научным сообществом, также как и авторитет академика Н. Петракова, основателя и директора Института проблем рынка АН СССР. Г. Явлинский, помимо авторства теоретических разработок, к тому времени обладал еще и практическим опытом руководства экономикой страны. В 1980-х годах он занимал ответственные посты заместителя премьер-министра и председателя Государственной комиссии по экономической реформе. Те же качества, сочетающие высокий теоретический уровень со знанием России и ее хозяйства, были присущи Б. Федорову, министру финансов РСФСР, Л. Григорьеву, заместителю министра экономики РСФСР, М. Задорнову, будущему министру финансов в правительстве Е. Примакова, и другим разработчикам программы.

Но первый президент России Б. Ельцин неожиданно для общественности России предпочел Е. Гайдара и его команду. Заместитель главного редактора газеты “Правда” Д. Валовой пишет: “Кандидатуру Гайдара Ельцину буквально навязал Г. Бурбулис. Зная, что он будет первой скрипкой в новом правительстве, не хотел приглашать профессионала или известного экономиста, чей авторитет довлел бы над первым вице-премьером, а предпочел никому неизвестного тогда Гайдара” [6, с. 237]. Это подтверждает и Л. Шевцова: “Важным обстоятельством было, конечно, знакомство Гайдара с Бурбулисом, который не только был ближайшим соратником Ельцина, но и фактически мозгом ельцинской команды” [35, с. 57]. Далее Л. Шевцова пишет, что важный мотив выбора Е. Гайдара — его политическая позиция, которая, в отличие от позиции авторов “500 дней”, предусматривающей сохранение экономических связей с союзными республиками, полностью соответствовала основной цели Ельцина — как можно скорее избавиться от конкуренции с Горбачевым, а для этого добиться независимости России, т.е. разрушения СССР. Ельцину нужна была полная власть, о чем он сам достаточно откровенно сообщал в своих мемуарах: «Помню, как мы с Львом Сухановым впервые вошли в кабинет Воротникова, бывшего до меня Председателем Верховного Совета РСФСР. Кабинет настолько огромный, что Лев Евгеньевич изумленно сказал: “Смотрите, Борис Николаевич, какой кабинет отхватили!” Ну и что? — подумал я. Ведь мы не просто кабинет, целую Россию отхватили!» [15, с. 33]. И здесь Гайдар оказался полезным: наряду с Бурбулисом и А. Козыревым он был наиболее активным участником Беловежского соглашения и автором текста, фиксирующего распад СССР, о чем сам подробно рассказывает [10].

Можно указать также и на историческую аналогию. И. Сталин, как впоследствии и Н. Хрущев, возвысили Т. Лысенко только потому, что тот обещал быстрый результат, чего, естественно, не мог позволить себе Н. Вавилов, потому что, как подлинный ученый, знал, что так не бывает. Гайдар же уверил Ельцина не просто в быстрых, а чрезвычайно быстрых успехах реформ — всего через полгода, т.е. к осени 1992 г. Это дало тогда основание Президенту РФ торжественно обещать россиянам “лечь на рельсы в случае неуспеха реформ”. Однако осенью стало еще хуже. По данным исследования ВЦИОМ, проведенного в октябре 1992 г., 23% россиян в то время жили за чертой бедности, 58% еле сводили концы с концами, 15% жили более-менее сносно и лишь 4% не ощущали проблем [7].

Первое, что сделали реформаторы, — отпустили цены, не проведя демонаполизацию производства товаров массового спроса. В условиях монополизированной экономики России это вызвало резкий скачок цен, которые стали недоступными для большинства россиян, и катастрофическое обесценивание сбережений, что для многих стало трагедией, как и весь период реформ 1990-х годов.

Время осуществления российских экономических реформ народом определено как “лихие девяностые”. После ордынского нашествия в истории нашей страны был только один период, получивший собственное имя, — начало XVII в. — “смутное время”. Смута — это хаос, раздоры, беспорядок. “Лихо” в российском лексиконе имеет и более четко обозначенное, и более негативное содержание: оно означает “зло”. Человеческое зло всегда имеет конкретное лицо. В условиях роста субъективного фактора в развитии общества взаимосвязь психологии и экономики возрастает, что убедительно показано в исследованиях А.Л. Журавлева и В.П. Позднякова [16].

РОССИЙСКИЕ РЕФОРМАТОРЫ 1990-х ГОДОВ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Цель статьи — на основе биографического метода, разработанного Б. Ананьевым в рамках теории индивидуальности и индивидуального психического развития [3], направленного на изучение личности как субъекта деятельности на жизненном пути [18], раскрыть механизмы и факторы развития личности, образующие целую систему детерминант, и представить читателю психологический портрет реформаторов.

В 1990-е годы команда Е. Гайдара и результаты их деятельности были в центре внимания не только российской, но и мировой общественности. Они взаимодействовали с огромным количеством людей, оценки которых составляют важную часть биографического исследования, да и сами реформаторы много и достаточно подробно и откровенно сообщали о себе (см., напр.: [1]).

Мемуары, наряду с дневниками и личными письмами, являются основным источником изучения психотипов личности. Также следует принять и оценку текстов, принадлежащих Е. Гайдару как ключ к пониманию его личности. За 16 лет пребывания во властных структурах он создал обширный библиографический массив: девять объемных монографий, статьи в журналах, аналитические записки, интервью. В его текстах значимые жизненные

события и мотивы действий получают убедительное освещение с точки зрения “активного деятеля истории”, в роли которого он себя позиционировал. Значительную часть их содержания Е. Гайдар посвящает теме, господствовавшей в его сознании, — своей роли в реформах 1990-х годов. Автобиографический текст — это реконструированная человеком его “история жизни”. Несмотря на “отредактированность”, этот текст проливает свет на поведение, установки, смысловые горизонты и версии событий [14]. В исследовании были использованы праксиметрические методы психологического анализа — способы изучения уже совершенных действий и анализ результатов деятельности реформаторов [34], прежде всего самого Гайдара, так как он был не только руководителем правительства реформаторов, но и идеологом реформ.

Как и все его соратники Гайдар относится к типу **“кабинетных ученых”**, о которых еще в 1936 г. писал немецкий социолог К. Манхейм: «Склонность к утрате связи с реальностью связана с их тенденцией не выходить за пределы своих ученых занятий и общаться лишь с себе подобными... Уединенность исследователя и его зависимость от публикаций позволяют ему составить лишь вторичное, не “из первых рук” мнение о социальных процессах. Эти люди долгое время остаются в неведении о происходящем» [20, с. 148–149].

В предисловии к автобиографической книге Гайдара “Дни поражений и побед” литературовед А. Архангельский, близко знавший автора, пишет: “Гайдар отражал чужие взгляды, как зеркальная поверхность” [10, с. 4]. Кабинетные экономисты слабо разбираются в том, что такое реальное хозяйство, принимая за высшую истину прочитанные ими книги. Они находятся под влиянием той, которую прочитали последней, полагая, что все богатство экономической теории заключено именно в ней. Сначала российские реформаторы читали Маркса — и были марксистами, последними были книги “чикагской экономической школы” М. Фридмана, сделавшие их монетаристами.

“Раз поверив в концепцию Милтона Фридмана, Гайдар готов идти за ним до конца, — пишет Ф. Бурлацкий. — Его не волнует ни падение производства и жизненного уровня, ни демографическая катастрофа, ни утрата рынков в бывших союзных республиках, в Восточной Европе, в других регионах мира. Гайдара вообще не занимает цена реформ. Пусть провалится страна, ее народ, только бы торжествовал принцип. При этом Гайдар ни в чем не раскаивается, ни о чем не жалеет,

нигде не видит своих провалов” [4, с. 230–231]. О. Давыдов, зам. главного редактора “Независимой газеты”, автор ряда биографических исследований, писал о Гайдаре: “Глухота к реальной жизни, органическое отсутствие анализа того, к каким последствиям могут привести его поступки, патологическое неразделение умозрительного и реального” [13, с. 214]. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц так характеризует реформаторов: “Величайший парадокс в том, что их взгляды на экономику были настолько искаженными, что они не сумели решить даже узкую задачу — увеличение темпов экономического роста. Вместо этого они добились глубочайшего экономического спада. Никакое переписывания истории этого не изменит” [32, с. 178].

Еще один фактор общности “младореформаторов”, как тогда называли правительство Е. Гайдара, — все они дети советской номенклатуры со стандартной служебной карьерой: школа, комсомол, институт, аспирантура, членство в КПСС, защита диссертации, работа в качестве научного сотрудника, участие в аппаратных совещаниях, подготовка информационно-аналитических документов — вся эта деятельность ограничена стенами служебных помещений. Один из самых успешных российских губернаторов М. Прусак свидетельствует: “Было очевидно, что правительство возглавили люди, совершенно оторванные от практики” [28, с. 14].

Но даже среди своих соратников Гайдар выделялся незнанием своей страны. А. Кох свидетельствует: “Гайдар вырос в золотой клетке. И он, конечно же, был весьма идеалистического представления о своем народе. И когда стал его узнавать, это было для него серьезным открытием” [2, с. 194].

Узкопрофессиональный подход как синдром научной ограниченности российских адептов “чикагской экономической школы” М. Фридмана к решению государственных проблем исключил их интерес не только к собственной стране, но и вообще к европейскому континенту. В Европе, в отличие от США, задают тон социальные государства и социально ориентированные экономики. При этом Европа обладает регионом, где социал-демократические ценности являются традиционными в течение почти двух веков. Это скандинавские страны и Финляндия — наши непосредственные соседи, общее свойство которых — традиция в стремлении к равенству. В советское время широко употребляемый термин “шведский социализм” подчеркивал эту особенность. Но стремление к равенству присуще и русскому национальному сознанию. Более того, в нашей ментальности — это одна из базовых ценностей. Социальная справедливость у нас

означает, по существу, тот же феномен равенства, только в более категорическом, можно сказать, даже сакральном выражении. Факт, который вызывает глубокое недоумение выбором российскими реформаторами модели капитализма — американской, ультралиберальной, совершенно чуждой российскому менталитету, в то время как рядом, по соседству успешно — и экономически, и общественно-политически — функционировала социал-демократическая модель, психологически близкая и приемлемая для России. Поэтому основная теоретико-методологическая проблема 1990-х годов — в коренном расхождении реалий экономической жизни и представлений о них людей, отвечавших за российскую экономику

Показательна оценка Гайдара того, кому он был обязан своим высоким назначением: “Именно Бурбулис свел меня с Б.Н. Ельциным, и он же, более чем кто-либо другой, причастен к тому варианту состава правительства реформ, которое начало свою работу в ноябре 1991 года”. Этот акт признательности завершается так: “Бурбулис хочет сам быть первым лицом и принимать самые ответственные решения” [10, с. 77]. Хотя, как это следует из текста, Бурбулис, имея только опыт преподавания научного коммунизма и никакого опыта руководства людьми, совершенно не подходил для такой роли. Так же Гайдар характеризует и одного из своих ближайших соратников, П. Авена: “Никогда не работал чиновником, ничем, кроме своего письменного стола, не заведовал” [10, с. 116]. К этому защитному механизму — **проекции**, когда вина за отвергаемые в себе качества бессознательно переносится на других, Гайдар прибегал тем чаще, чем очевиднее проявлялись последствия его реформ.

Научный руководитель созданного в июне 1992 г. правительством Гайдара университета “Высшая школа экономики” профессор Е.Г. Ясин — как охарактеризовала его “Российская газета”, “духовный учитель реформаторов, которых возглавлял Е. Гайдар” [8], утверждал: “Быть может, в стране нашелся бы еще десяток людей, которые бы знали все это лучше Гайдара. Но кроме знаний нужно было еще иметь и волю. Представим, что на месте Гайдара был бы человек, которого я очень уважаю — последний председатель Госплана СССР Юрий Маслюков. Он знал российскую промышленность лучше Гайдара. Но что это давало для решения задачи? Маслюков же не знал (именно так по тексту. — *Р.С.*), что нужно высвобождать цены, а потом терпеть. Он же не знал, что при этом нужно проводить жесткую финансовую политику, чего бы это ни стоило, стоять насмерть

и не слушать никого. А Гайдар все это знал” [37]. Ясин входил в самое близкое окружение Е. Гайдара, поэтому его высказывания являются чрезвычайно важными для понимания личности идеолога российской реформации.

Гайдар так писал о себе: “Нигде не чувствую себя так уютно, как в библиотеке, абсолютно не жажду избыточного общения с людьми” [10, с. 45] и сознавался: “Я как политик равен нулю. Мне больше нравится работа советника. Это мое, мне это удастся, я готов проводить исследования, создавать тексты, давать советы и т.д. Роль лидера для меня на редкость неудобна, внутренне не моя... Но так сложились обстоятельства, что я оказался лидером, а не советником” [12, с. 16.]. Тем не менее летом 1991 г. предложение Ельцина возглавить работу по переходу России к рынку Гайдар принял с огромным воодушевлением.

Ближайший соратник Гайдара П. Авен, анализируя выбор Ельцина, утверждал, что на него произвел впечатление волевой настрой Гайдара: “Ельцин почувствовал, что Гайдар очень хотел. Понимаешь, когда человек очень хочет, он будет больше стараться, эта его энергия и упорство влияют на твоё решение Гайдар очень хотел, ужасно хотел!” [2, с. 68].

Подобный взлет не мог не отразиться на самовосприятии политика: произошла подробно описанная психологами **сублимация психической энергии личности** [31, с. 57–58]. Мало кому известный заведующий отделом газеты становится руководителем правительства гигантской страны, да еще в период ее тектонических перемен. “Из советника я превратился в человека, принимающего государственные решения, — писал Гайдар. — И теперь тяжесть ответственности за страну, а значит, и за жизнь и судьбы миллионов людей легла на мои плечи” [10, с. 110–111], т.е. произошел **когнитивный диссонанс**, внутренний конфликт между несовместимыми друг с другом позициями личности — советника и политического лидера. Но тут же стремление найти комфортный выход из этого состояния: следуют параллели с Великими Французской и Русской революциями в пафосной тональности осознания своей предназначенности для высокой исторической роли. В первые годы реформации для Гайдара было характерно именно такое самовосприятие. Об этом свидетельствовал член его команды В. Машиц: “Я думаю, что Гайдар себя позиционировал в интервале от Кейнса до Эрхарда” [2, с. 149]. О завышенных притязаниях Гайдара сообщают П. Авен и А. Кох: “В 1991 г. приступая к реформам, Е. Гайдар хотел быть премьер-министром. Только! Поэтому 18 декабря 1992 г.,

когда Верховный Совет РФ выразил ему недоверие, он решительно отказался остаться первым замом у В. Черномырдина. Он хотел быть премьером, ему не хватало быть первым вице, и он твердо решил уйти. Как ему казалось, для будущего взлета» [2, с. 237].

Когнитивный диссонанс отражается и в выборе эпитафии для автобиографической книги «Дни поражений и побед» — строки из Б. Пастернака «Но поражения от победы ты сам не должен отличать». Этот эпитаф заставляет читателя старшего поколения вспомнить популярную в народе оценку декларируемых достижений КПСС позднесоветского периода — «что ни успех, то провал».

Завышенная самооценка (отмеченная Ясиным установка «никого не слушать») — родовое свойство младореформаторов. Возможно, оно сублимировалось моментом их биографий. Чубайс, Кох, Авен, Машиц, Вавилов, Нечаев, Минц недавно стали кандидатами, а Гайдар в канун своего назначения — доктором экономических наук, и постдиссертационный синдром — возгонка самооценки — в нем только усиливался. В ловушку завышенных притязаний Гайдар, как и члены его команды, попадал часто. Показателен эпизод с острым осетино-ингушским конфликтом в ноябре 1992 г., который он как глава правительства должен был разрешить. Вряд ли можно предположить, что образованный человек не понимал, что Кавказ — это самый сложный клубок исторических, этнических, территориальных, демографических, клановых, конфессиональных и других проблем. Словом, «Восток — дело тонкое», и человеку со стороны здесь очень многое будет непонятно. Тем не менее, едва ступив на кавказскую землю, куда он прибыл по заданию Ельцина, Гайдар в своей беспечной манере характеризовал одного из наиболее авторитетных руководителей этого региона: «Руслан Аушев, как мне стало ясно, не разобрался в ситуации» [10, с. 132].

Академик Н. Моисеев, характеризуя Гайдара, пишет: «Меня озадачила его “самодостаточность”». Как председатель Совета Академии наук по анализу критических ситуаций я 3 раза писал письма Гайдару с предложением услуг, но он на них даже не посчитал нужным ответить. Трижды наш Совет организовывал в Верховном Совете Российской Федерации слушания, и наши доклады направлялись в правительство. Но ни разу не было ответной реакции... В 1992 г. Гайдар стал стремительно продвигать “шоковую терапию”. При этом он говорил о том, что цены возрастут в 5–6 раз. Но академик А. Петров, владевший развернутой системой математических моделей российской экономики,

предсказывал повышение цен в 3–4 тыс. раз. А поскольку расчеты Петрова были строго обоснованы, я стал подозревать, что Гайдар просто вообще ничего не считал. Как я теперь понимаю, он и не мог считать, ибо это делать он не умел» [22]. В целом за 1992–1996 гг. индекс потребительских цен вырос в 2837 раз, а промышленной продукции — в 4055 раз.

Знания узкого специалиста и знания государственного деятеля — это совершенно разные уровни компетенций. Сохраняя зону комфорта, Гайдар пытался минимизировать это принципиальное различие, прибегая к аналогиям, часто некорректным. В качестве примера можно привести его суждения о ликвидации американцами режима Саддама Хусейна в Ираке: «Политики США знали, что режим аморален, они его уничтожили, разрушили его институты. Но они просто не могли оценить последствий реализации своих планов» [11, с. 12]. Гайдар акцентирует внимание читателя на трудности оценки последствий. Но американцы вторглись не только в чужую страну, но и в чужую цивилизацию, в чужую эпоху. В отличие от американцев, Гайдар и его правительство действовали в своей стране.

Незнание социальной среды, в которой находится человек, является источником **“социобоязни”**, бессознательным страхом перед ней. Это качество реформаторов наряду с теоретической некомпетентностью подметили работавшие в России американские экономисты: «Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества. Причины драмы в том, что эмоции типа параноидального страха (голода, гражданской войны, возвращения коммунистов) не были обузданы разумом — логикой и расчетом. В большой мере это произошло вследствие постыдной для интеллигенции слабости — невежества» [36, с. 64–65.] С этим связан и **внешний локус контроля** реформаторов: все свои неудачи они объясняли неблагоприятной социальной средой, прежде всего неготовностью российского народа к реформам.

Завышенная самооценка и самодостаточность реформаторов объясняет то, что в отличие от программы “500 дней” программа предстоящих реформ Гайдара нигде не обсуждалась. Трудно в это поверить, но в планы реформаторов не были посвящены даже члены правительства. О них не знал даже тогдашний министр информации М. Полторанин, о чем он подробно писал [27, с. 239–240]. Реализация этих планов оказалась для страны драматической.

30 лет назад наши гражданские самолеты отвечали техническим требованиям того времени,

а по многим показателям были лучшими. Первый в мире пассажирский самолет с реактивным двигателем — ТУ-104 — появился в нашей стране в 1956 г., на два года раньше американского Боинга-707. На широкофюзеляжном ИЛ-86, появившемся на восемь лет раньше евросоюзовского Аэробуса, было установлено 19 мировых рекордов по дальности и грузоподъемности. В апреле 1992 г. генеральный конструктор ОКБ им. С.В. Ильюшина академик Г. Новожилов на просьбу к Гайдари поддержать авиапром получил ответ: “Этому монстру нет места в новой России”. Если в 1991 г. наши самолеты составляли 28% мирового парка гражданской авиации, то в 2015 г. — 1,05% [19].

Собственное станкостроение характеризует высокий уровень технического развития страны. В 1991 г. таких стран было 17, а Россия и Япония после США делили 2–3-е место. «В марте 1992 г. я с трудом пробился на прием к Гайдари с детально проработанным планом развития отрасли, — сообщает министр станкостроения Н. Паничев. — Но он даже смотреть ничего не стал, брезгливо сморщился: “Да кому нужны ваши дерьмовые станки? Понадобятся — мы все за рубежом купим”. Визит продолжался не больше минуты... В одной его фразе была сфокусирована программа уничтожения отечественной промышленности, перевода России из страны — производителя техники в страну-покупателя, что ставило нас в полную зависимость от Запада» [26, с. 314]. Реформы привели к потере более 100 тыс. предприятий.

За время Второй мировой войны валовый внутренний продукт в СССР сократился на 24%, за время с 1992 по 1996 г. ВВП в России сократился на 45%, а промышленное производство уменьшилось на 56%, даже страны третьего мира начали ее обходить. Происшедшая в 1990-х годах деиндустриализация превратила Россию в сырьевой придаток уже не только Запада, но и Востока.

Гайдар и сам видел неудачу реформ, но в отличие от большевиков, исправивших ошибку военного коммунизма и развернувших страну на 180 градусов, провозгласив НЭП, исправить ничего не мог. Если бескорыстным в то время большевикам не было что терять, то 4% выигравшим от реформ прежде всего олигархам было: к 1995 г., по данным Госдепартамента США, на офшорных счетах осело более 600 млрд долл. из России [38]. В том году Гайдар писал: «Не национализировать назад то, что уже стало “своим”, не вываливать же опять в общую кучу то, что успели распахать по карманам» [9, с. 193]. Это “распахать по карманам» Гайдара органично сочетается с “отхватили Россию” Ельцина.

Члены гайдаровского правительства постоянно подчеркивали, что их не интересуют источники обогащения новых русских собственников, главное — чтобы они как можно скорее обзавелись капиталом. Академик А. Некипелов в этой связи отмечает, что “реформаторы подводят общество к мысли о том, что хороши любые средства, если они способны продвинуть страны к рыночной экономике” [23, с. 307], что означает, по существу, отмену морали. Поэтому они часто ужасаются собой, что следует из характеристики Кохом Чубайса, своего соратника и покровителя: “Сантименты ему чужды, он нечувствителен к чужой боли. Пусть кругом все рушится, Чубайс пробивается к своей цели, невзирая на цену, которую придется заплатить. Иногда мне рядом с ним страшно... Он холоден и безразличен к людям как гробовщик” [12, с. 16].

Анализируя источники ущербной морали команды Гайдара, американский писатель Д. Сэттер, 14 лет проживший в России, пришел к выводу: «Большинство этих “молодых реформаторов” в советское время были работниками идеологической сферы, где в их задачи входило способствовать “построению коммунизма”. Хотя они были прозападно настроены, им постоянно приходилось выражать точку зрения, прямо противоположную их истинным взглядам. Результатом этого стала их моральная деградация, которая вызывала у них ненависть к россиянам вообще» [33, с. 47].

Любовь может быть безответной, но ненависть всегда взаимна, поэтому творцы “лихих” 1990-х не могли не чувствовать общественную атмосферу. Вот свидетельство директора по гуманитарным проектам РОСНАНО, президента “Союза правых сил” Л. Гозмана: “Я никогда не скрывал, а, наоборот, с гордостью говорил о своей принадлежности к команде Гайдара. А это самые ненавидимые люди в нашей стране” [21]. Это признание профессионала (Гозман — кандидат психологических наук) можно считать симптоматическим. Можно также предположить, что Гайдар как идеолог реформ испытывал **синдром Даннинга—Крюгера**.

В проведенном исследовании 1998 г. Д. Даннингом и Дж. Крюгером было описано состояние, которое психологи называют “peak of stupidity” (“пик глупости”), — самоощущение от собственной значимости, когда человек не способен осознавать всю глубину своей некомпетентности. Проблема пика глупости состоит в том, что с него очень болезненно спускаться, так как за ним следует “valley of despair” (“долина отчаяния”). “Человек так начинает понимать настоящую сложность задачи, которую он решает, и осознавать свою некомпетентность для

ее решения. Масштабы задачи начинают его подавлять, и он испытывает различные формы фрустрации — от замещения до депрессии” [39, с. 1121–1134].

В одном из своих последних телеинтервью (2 марта 2009 г. В. Познеру) Гайдар признался, что знает о ненависти к себе большинства населения России. Жить под подобным морально-психологическим прессом — тяжелое испытание даже для очень волевого и самодостаточного человека. Министр экономики в его правительстве А. Нечаев так писал о его кончине: “Гайдар понимал, что взваливает на себя крест, который ему пришлось нести всю жизнь. Фактически он свел его в могилу” [24].

Если Гайдар был идеологом реформ, то А. Чубайс — их реализатором, как глава Госкомимущества (ГКИ) и первый вице-премьер он провел приватизацию, в результате которой все богатство страны, созданное трудом многих поколений, часто ценой тяжелых лишений, перешло в руки узкой группы людей — “семибанкиршине”. В августе 1998 г. Россия впервые в своей истории оказалась государством-банкротом, рухнула созданная Чубайсом пирамида ГКО. Затем Чубайс возглавил РАО “ЕЭС России”, где в августе 2009 г. произошла авария на Саяно-Шушенской ГЭС — крупнейшая в истории России техногенная катастрофа. Погибло 75 человек, был разрушен самый мощный энергетический объект страны. В этот момент Чубайс уже руководил госкорпорацией РОСНАНО, которая за 12,5 года никаких новых технологий не представила, но уже через 7 лет убытки составили 232 млрд руб. [5]. Как тут не вспомнить индийского философа Шри Радгнеша (Ошо), который писал: “Вы слышали, что грешники отправляются в ад, но это не так. Наоборот, куда бы не попал грешник, он там создает ад” [24, с. 79].

Возглавивший в январе 1996 г. избирательный штаб Ельцина Чубайс передал ГКИ своему заместителю А. Коху, успешно проводившему залоговые аукционы. Чубайс признавался: “Самые ценные и крупные российские активы были переданы группе магнатов в обмен на займы и поддержку тяжело больного Ельцина на выборах 1996 года. Если бы мы не провели залоговые аукционы, то коммунисты выиграли бы выборы в 1996 году” [40].

В декабре 1997 г. на Коха были заведены уголовные дела. Спасаясь от преследования, он бежит в США, где издает книгу “The selling of the Soviet Empire” (“Распродажа Российской империи”), с подробным описанием, как он продавал наше национальное имущество. Там же Кох дал скандально знаменитое интервью радио WNMB, пронизанное

глубокой ненавистью к России и ее народу. Что объяснимо: для элиминации чувства вины грабитель должен испытывать неприязнь к ограбленному. Этот **психологический синдром** описан Ф. Рабле в знаменитом диалоге Панурга и Гаргантюа [30, с. 198]. В настоящее время Кох проживает в Германии.

Для полной характеристики младореформаторов стоит добавить еще одного персонажа — А. Вавилова, первого заместителя министра финансов (1992–1997 гг.). В сферу его ответственности входили разработка финансовой политики, госбюджет и выстраивание отношений с международными финансовыми организациями (Всемирным банком, МВФ, МБРР и др.), но главная компетенция Вавилова — от имени Минфина утверждать документы по залоговым аукционам. Ему принадлежит не только идея, но и организация “черного вторника” (катастрофического обвала рубля 11 октября 1994 г.). Афера вызвала столь широкое возмущение общественности, что премьер-министру РФ В. Черномырдину пришлось объявить Вавилову строгий выговор “за допущенную в октябре 1994 г. критическую ситуацию на финансовом рынке, создавшую угрозу экономической безопасности государства”. В 2001 г. Генпрокуратура возбудила против него уголовное дело (“хищение путем мошенничества в особо крупных размерах”). В мае 2005 г. Вавилов был назван журналом Forbes в числе 100 самых богатых россиян. Его состояние на тот период было оценено журналом в 700 млн долл. Только после кончины Ельцина в 2007 г. суд установил, что Вавилов присвоил 231 млн долл. Но так как преступление было совершено в 1995 г., то за давностью срока уголовное дело было закрыто. В настоящее время Вавилов, как и большинство младореформаторов, проживает в США.

В конце 1990-х годов стала приобретать реальные формы угроза распада России. “Семибанкирщина” и недееспособный президент настолько ослабили систему государственного управления, что начался стихийный процесс распада страны, в наиболее острых формах проявившийся в республиках Поволжья, на Урале и Дальнем Востоке. Сохранение территориальной целостности России было первой из накопленных за 10 лет деятельности реформаторов острейших проблем, с которыми летом 2000 г. столкнулся новый президент России В.В. Путин. В докладе на съезде партии “Единая Россия” 24 сентября 2011 г. В. Путин приравнял ущерб от экономических реформ к ущербу от Гражданской войны. Он сказал, что “осенью 2001 года страна лежала в разрухе, сравнимой с разрухой после Гражданской войны” [29].

ВЫВОДЫ

Человеческие качества реформаторов 1990-х годов не соответствовали масштабу задач, стоящих перед страной. Анализируя выбор Ельцина летом 1991 г., нельзя не вспомнить великого экономиста Дж. Кейнса, который еще в середине XX в. подчеркнул, что “сумасбродные политики, стоящие у власти, имеют гораздо большее значение в истории, чем об этом принято думать” [17, с. 58]. Гайдар и его команда — это был крайне неудачный для страны выбор. Вот как писал В. Ключевский о российских государственных деятелях петровских реформ: “В борьбе с самими собой, со своими привычками и предубеждениями они одержали несколько важных побед, облегчивших эту борьбу дальнейшим поколениям. Это была их бесспорная заслуга в деле подготовки реформы. Они подготавливали не только и не столько саму реформу, сколько самих себя, свои умы и совести к этой реформе” [14, с. 337]. На этом историческом фоне реформаторы 1990-х годов как по интеллектуальным, так и по моральным качествам являют собой особенно разительный контраст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авен П.* Время Березовского. М.: АСТ, 2017. 816 с.
2. *Авен П., Кох А.* Революция Гайдара: история реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2013. 438 с.
3. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
4. *Бурлацкий Ф.* Политическая наука и реальная политика: В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГТЭУ, 2008. 293 с.
5. Бюллетень Счетной палаты. 2015. № 5 (209). С. 59.
6. *Валовой Д.* От Сталина и Рузвельта до Путина и Буша. М.: Терра, 2007. 443 с.
7. ВЦИОМ. 2014. Пресс-релиз № 2902. С. 4.
8. *Выжуртович В.* Первым реформаторам России стоит сказать спасибо // Российская газета. 2011. № 5636. 18 нояб. С. 3.
9. *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. 206 с.
10. *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1997. 365 с.
11. *Гайдар Е.* Власть и собственность. Смуты и институты. СПб.: Норма, 2009. 277 с.
12. *Гайдар Е.* Интервью // Медведь. 2007. № 9. С. 9–18.
13. *Давыдов О.* Российская элита: психологические портреты. М.: Ладомир, 2000. 319 с.
14. *Дробышева Т.В.* Психология экономической социализации личности. Основные формы и детерминанты. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. 560 с.
15. *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М.: Огонек, 1994. 415 с.
16. *Журавлев А.Л., Поздняков В.П.* Социальная психология и экономические реформы в России // Психологический журнал. 2018. № 1. С. 15–25.
17. *Кейнс Дж.* Избранные произведения. М.: Экономика, 1993. 543 с.
18. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. М.: Правда, 1991. 622 с.
19. *Круглова Е.Ю.* Прогнозирование рынка гражданской авиатехники // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 110. С. 105.
20. *Манхейм К.* Избранное: Социология культуры. М.-СПб.: Университетская книга, 2000. 505 с.
21. *Мельман А.* Оппозиционер из “Кремль-ТВ” // Московский комсомолец. 2015. 25 дек. С. 6.
22. *Моисеев Н.* С мыслями о будущем России // Молодежное “Яблоко”. URL: <http://www.yabloko.ru/Union/MMYA/Moiseev/moiseev.html> (дата обращения: 13.06.2023).
23. *Некипелов А.Д.* Очерки по экономике посткоммунизма. М.: ИМЭПИ, 1996. 340 с.
24. *Нечаев А.* Интервью // Итоги. 2013. № 48. С. 34.
25. *Ошо.* Пульс абсолюта. Начало начал. М.: Нирвана, 1993. 416 с.
26. *Паничев Н.* Разлом: Записки министра СССР. М.: Русская новь, 2004. 397 с.
27. *Полторанин М.* Власть в тротильном эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. 512 с.
28. *Прусак М.* Реформы в провинции. М.: Вече, 1999. 149 с.
29. *Путин В.* Доклад на съезде партии “Единая Россия” 24 сентября 2011 г. // Российская газета. 2011. 25 сент. С. 2.
30. *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Правда, 1956. 648 с.
31. *Сосланд А.* Сублимация, возвышение, транс. // Труды “Русской антропологической школы”. Вып. 6. М.: РГГУ, 2009. 522 с.
32. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. 300 с.
33. *Сэттер Д.* Тьма на рассвете. М.: ОГИ, 2004. 335 с.
34. *Фукс-Хайнрих В.* Биографический метод / Биографический метод: история, методология, практика. М.: Институт социологии РАН, 1994. С. 11–41.
35. *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999. 535 с.
36. *Эмсен А., Макинтайр Р., Тейлор Л.* Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформи-

- рования российской экономики. Вып. 1. М.: Интриггейтор, 1997. 128 с.
37. Ясин Е.Г. Гайдар бессмертный: интервью // Московский комсомолец. 2010. 25 янв. С. 5.
 38. Gordon M.R. Russia Drops Big Tariff Increase, Clearing Way for an I.M.F. Loan // The New York Times. 1996. 26 March. P. 9.
 39. Dunning D., Kruger J. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. V. 77. № 6. P. 1121–1134.
 40. Ostrovsky A. Father to the Oligarchs // The Financial Times. 2004. 13 Nov. P. 8–9.

RUSSIAN REFORMERS OF THE 1990s. (BIOGRAPHICAL RESEARCH EXPERIENCE)

R. H. Simonyan

*MGIMO MFA of Russia;
119454, Moscow, pr. Vernadskogo, 76, Russia.
ScD (Sociology), Professor, Chief Researcher of the Center for European Studies
of the Institute of International Studies.
E-mail: simonyan.renald@yandex.ru*

Received 14.06.2023

Abstract. In recent history, the triumph of the philosophical law on the increase of the subjective factor in social development is becoming particularly evident. In these conditions, psychology is becoming more and more in demand. The article examines the psychological mechanisms of appointment by the first President of Russia Boris Yeltsin of the head of the economic department of the newspaper “Pravda” E. Gaidar to lead the implementation of economic reforms in Russia. A psychological portrait of Gaidar and his associates is presented on the basis of the biographical method with the involvement of a wide source and factual materials. It is shown that the results of the Russian economic reforms carried out in the 1990s are a consequence of the human qualities of reformers — professional competence, value orientations and attitudes.

Keywords: analysis of texts and products of activity, personal characteristics, personality orientation.

REFERENCES

1. Aven P. Vremya Berezovskogo. Moscow: AST, 2017. 816 p. (In Russian)
2. Aven P., Koch A. Revolyuciya Gajdara. Moscow: Al'pina Publisher, 2015. 471 p. (In Russian)
3. Ananyev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya. Saint Petersburg: Piter, 2001. 288 p. (In Russian)
4. Burlatsky F.M. Politicheskaya nauka i real'naya politika. In 2 v. V. 1. Moscow: Izd-vo RGTEU, 2008. 280 p. (In Russian)
5. Byulleten' Schetnoj palaty. 2015. № 5 (209). P. 59. (In Russian)
6. Valovoj D. Ot Stalina i Ruzvel'ta do Putina i Busha. Moscow: Terra, 2007. 443 p. (In Russian)
7. VCIOM. 2014. Press-reliz № 2902. P. 4. (In Russian)
8. Vyzhutovich V. Pervym reformatoram Rossii stoit skazat' spasibo. Rossijskaya gazeta. 2011. № 5636. 18 noyab. P. 3. (In Russian)
9. Gajdar E. Gosudarstvo i evolyuciya. Moscow: Evraziya, 1995. 206 p. (In Russian)
10. Gajdar E. Dni porazhenij i pobed. Moscow: Vagrius, 1997. 365 p. (In Russian)
11. Gaidar E. Vlast' i sobstvennost'. Smuty i instituty. Saint Petersburg: Norma, 2009. 331 p. (In Russian)
12. Gaidar E. Interv'yu. Zhurnal Medved'. 2007. № 9. P. 9–18. (In Russian)
13. Davydov O. Rossijskaya elita: psihologicheskie portrety. Moscow: Lodomir, 2000. 319 p. (In Russian)
14. Drobysheva T. Psihologiya ekonomicheskoy socializacii lichnosti. Osnovnye formy i determinanty. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2023. 560 p. (In Russian)
15. Yeltsin B.N. Zapiski prezidenta. Moscow: Ogonyok, 1994. 415 p. (In Russian)
16. Zhuravlev A., Pozdnyakov V. Social'naya psihologiya i ekonomicheskie reformy v Rossii. Psikhologicheskii jurnal. 2018. № 1. P. 25–35. (In Russian)

17. Keins D. Izbrannye proizvedeniya. Moscow: Ekonomika, 1993. 543 p. (In Russian)
18. Klyuchevskij V. Istoricheskie portrety. Moscow: Pravda, 1991. 622 p. (In Russian)
19. Kruglova E. Yu. Prognozirovanie rynka grazhdanskoj aviatsionnoy tekhniki. Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik. 2015. № 110. P. 105. (In Russian)
20. Manheim K. Izbrannoe: Sociologiya kul'tury. Moscow-Sankt Peterburg: Universitetskaya kniga, 2000. 505 p. (In Russian)
21. Mel'man A. Opozicioner iz "Kreml'-TV". Moskovskij komsomolec. 2015. 25 dek. P. 6. (In Russian)
22. Moiseev N. Molodyojnoe "Yabloko". URL: <http://www.yabloko.ru/Union/MMYA/Moiseev/moiseev.htm> (date of access: 13.06.2023). (In Russian)
23. Nekipelov A. Oчерки po ekonomike postkommunizma. Moscow: IMEPI, 1996. 340 p. (In Russian)
24. Nechaev A. Interv'yu. Itogi. 2013. № 48. P. 34. (In Russian)
25. Osho Pul's Absolyuta. Nachalo nachal. Moscow: Nirvana, 1993. 416 p. (In Russian)
26. Panichev N. Razlom: Zapiski ministra SSSR. Moscow: Russkaya nov', 2004. 397 p. (In Russian)
27. Poltoranin M. Vlast' v trotilovom ekvivalente. Nasledie carya Borisa. Moscow: Eksmo: Algoritm, 2010. 512 p. (In Russian)
28. Prusak M. Reformy v provincii. Moscow: Veche, 1999. 159 p. (In Russian)
29. Putin V. Doklad na s"ezde partii "Edinaya Rossiya" 24 sentyabrya 2011 g. Rossijskaya gazeta. 2011. 25 sent. P. 2. (In Russian)
30. Rabelais F. Gargantuya i Pantagryuehl'. Moscow: Pravda, 1956. 648 p. (In Russian)
31. Sosland A. Sublimaciya, vozvyshenie, trans. Trudy "Rosskoj antropologicheskoy shkoly". V. 6. Moscow: RGGU, 2009. 522 p. (In Russian)
32. Stiglic Dzh. Globalizaciya: trevozhnye tendencii. Moscow: Mysl, 2003. 300 p. (In Russian)
33. Setter D. T'ma na rassвете. Moscow: OGI, 2004. 335 p. (In Russian)
34. Fuks-Hajnruc V. Biograficheskij metod. Istoriya, metodologiya, praktika. Moscow: Institut sociologii RAN, 1994. P. 11–41. (In Russian)
35. Shevcova L. Rezhim Borisa El'cina. Moscow: ROSSPEN, 1999. 535 p. (In Russian)
36. Emsden A., Makintajr R., Tejlor L. Strategiya effektivnogo perekhoda i shokovye metody reformirovaniya rossijskoj ekonomiki. V. 1. Moscow: Intriligejtor, 1997. 128 p. (In Russian)
37. Yasin E. G. Gajdar bessmertnyj: interv'yu. Moskovskij komsomolec. 2010. 25 yanv. P. 5. (In Russian)
38. Gordon M. R. Russia Drops Big Tariff Increase, Clearing Way for an I.M.F. Loan. The New York Times. 1996. 26 March. P. 9.
39. Dunning D., Kruger J. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments. Journal of Personality and Social Psychology. V. 77. № 6. P. 1121–1134.
40. Ostrovsky A. Father to the Oligarchs. The Financial Times. 2004. 13 Nov. P. 8–9.

УДК 159.9.019

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРУДОВ ВСЕРОССИЙСКОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА “АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ЭРГОНОМИКИ” (2009–2021 гг.)¹

© 2023 г. В. И. Белопольский*, А. Л. Журавлев**, А. А. Костригин***

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии.

E-mail: vbelop@mail.ru

**Академик РАН, научный руководитель ФГБУН Института психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

***Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии.

E-mail: artdzen@gmail.com

Поступила 01.10.2023

Аннотация. Рассматривается перспективный объект количественных историко-психологических исследований — материалы научных мероприятий (конференций, семинаров, симпозиумов и др.). Проанализированы сборники научных трудов Всероссийского научно-практического семинара “Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики”, проходившего на базе Института психологии РАН с декабря 2007 г., материалы которого были опубликованы в десяти выпусках. В рамках хронологического подхода определены библиометрические и лингвистические показатели подкорпусов изданий семинара. Полученные результаты позволили сделать выводы об участниках и тенденциях развития изучаемого научного направления. Показаны перспективы применения количественных методов к продукции научных мероприятий для изучения функционирования научно-исследовательских сообществ.

Ключевые слова: история психологии, Институт психологии РАН, научное мероприятие, семинар, психология труда, инженерная психология, эргономика, библиометрический анализ, тематический анализ, лингвистический анализ.

DOI: 10.31857/S020595920029078-1

В настоящее время активно развивается *научометрическое направление* историко-психологических исследований, в рамках которого определяют количественные показатели публикационной активности организаций, периодических изданий, авторов, а также частотные показатели употребляемых терминов и объем цитирований по различным отраслям и направлениям психологии [2; 8; 11; 12; 15]. Результаты наукометрического и библиометрического анализа часто выявляют неочевидные аспекты зарождения, становления и развития психологических проблем, функционирования

научно-исследовательских центров, научно-исследовательской деятельности авторов.

Отдельным объектом библиометрического анализа могут выступать *научные мероприятия* — конгрессы, конференции, симпозиумы, семинары и др. В данном случае материалом для количественного анализа служат тексты или аннотации докладов, информационные материалы, публикации по итогам мероприятия и др. Этот вид материалов включает в себя не только содержательные (тематические), но и формальные параметры — различные авторские и институциональные показатели, а также научные связи с другими организациями, возникающие на их базе исследовательские

¹ Работа выполнена в соответствии с госзаданием № 0138-2023-0001.

сообщества. На данный момент в психологической литературе встречаются работы, где публикации из сборников конференций или материалов семинаров составляют лишь часть общего корпуса текстов [7; 14], ограничиваются библиографическим анализом серийных изданий по материалам конференций [9] или же сужаются до проблем количественного анализа авторского состава [13] и тематики конференций [16]. Аналогичные по направленности публикации появляются и в смежных науках [5; 6]. В данной работе будет предложена более широкая совокупность показателей для количественного анализа материалов научных мероприятий.

В качестве продолжения наукометрических и библиометрических исследований научно-исследовательской и научно-издательской деятельности Института психологии РАН [3; 4; 10] предлагается обратиться к сборникам научных трудов, опубликованным по результатам проведения конференций, симпозиумов, семинаров. В данной работе ставится *цель* библиометрического анализа десяти выпусков научных трудов “Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики” (далее — “АП...”), опубликованных в издательстве “Институт психологии РАН” в 2009—2021 гг., которые были составлены на основе материалов одноименного Всероссийского научно-практического семинара [1].

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕРОССИЙСКОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА “АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ЭРГОНОМИКИ”

Семинар был организован профессорами В.А. Бодровым и А.Л. Журавлевым в декабре 2007 г. и ставил своей задачей обсуждение наиболее актуальных проблем этих отраслей психологии, объединяя на площадке Института психологии РАН представителей научно-исследовательских, образовательных, испытательных, опытно-конструкторских и научно-производственных организаций Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Ярославля, Казани и других городов. После смерти В.А. Бодрова с 2013 г. семинаром руководили А.А. Обознов и А.Л. Журавлев.

Каждый год проводились в среднем два (в диапазоне от одного до шести) заседания семинара, на которых обсуждались состояние и перспективы рассматриваемых отраслей психологии, теоретико-

методологические проблемы исследования профессиональной деятельности в целом и в особых условиях, вопросы изучения психических состояний и психологической адаптации субъектов труда, духовно-нравственные основы профессиональной деятельности, психологические проблемы развития личности профессионала, направления исследований профессиональных способностей, психологические и эргономические аспекты качества жизни человека, психология профессиональной безопасности, психофизиологическое обеспечение надежности деятельности профессионала, инженерно-психологические и эргономические проблемы проектирования профессиональной деятельности, психологические проблемы проектирования и эксплуатации технических средств профессиональной подготовки, вопросы юзабилити, компоненты эргономического обеспечения проектирования и эксплуатации робототехнических комплексов, проблемы жизнедеятельности человека в техногенном мире (взаимодействия с виртуальной и дополненной реальностью), направления авиационной и космической инженерной психологии и эргономики, методические разработки и др. Каждый семинар был посвящен обсуждению группы вопросов, объединенных общей проблемой, научным направлением или подходом.

По результатам проведения заседаний семинара издавались сборники научных трудов: к настоящему времени проведено 32 заседания и издано 10 выпусков, которые были составлены из статей, написанных участниками семинара на основе своих докладов, а также из статей слушателей семинара и специально приглашенных авторов. При этом не все доклады оформлялись в форме статей. В 10 выпусках была опубликована 261 статья, а общее количество докладов на семинаре составляло 253 единицы.

Интересно сопоставить количество докладов и статей, опубликованных в сборниках семинара (рис. 1).

Первое, что нужно отметить, — неравномерное распределение количества семинаров на каждый выпуск “АП...”, которое варьировалось от одного до семи. Это было связано с целым рядом причин, прежде всего организационных. Далее можно сказать о том, что общее число публикаций с докладом и публикаций без докладов было примерно одинаковым (136 и 125 соответственно). Однако для выпусков 1, 6, 9, 10 это соотношение было в пользу публикаций без докладов, тогда как в остальных выпусках преобладали статьи докладчиков. Также можно проследить следующую закономерность: чем большим было количество

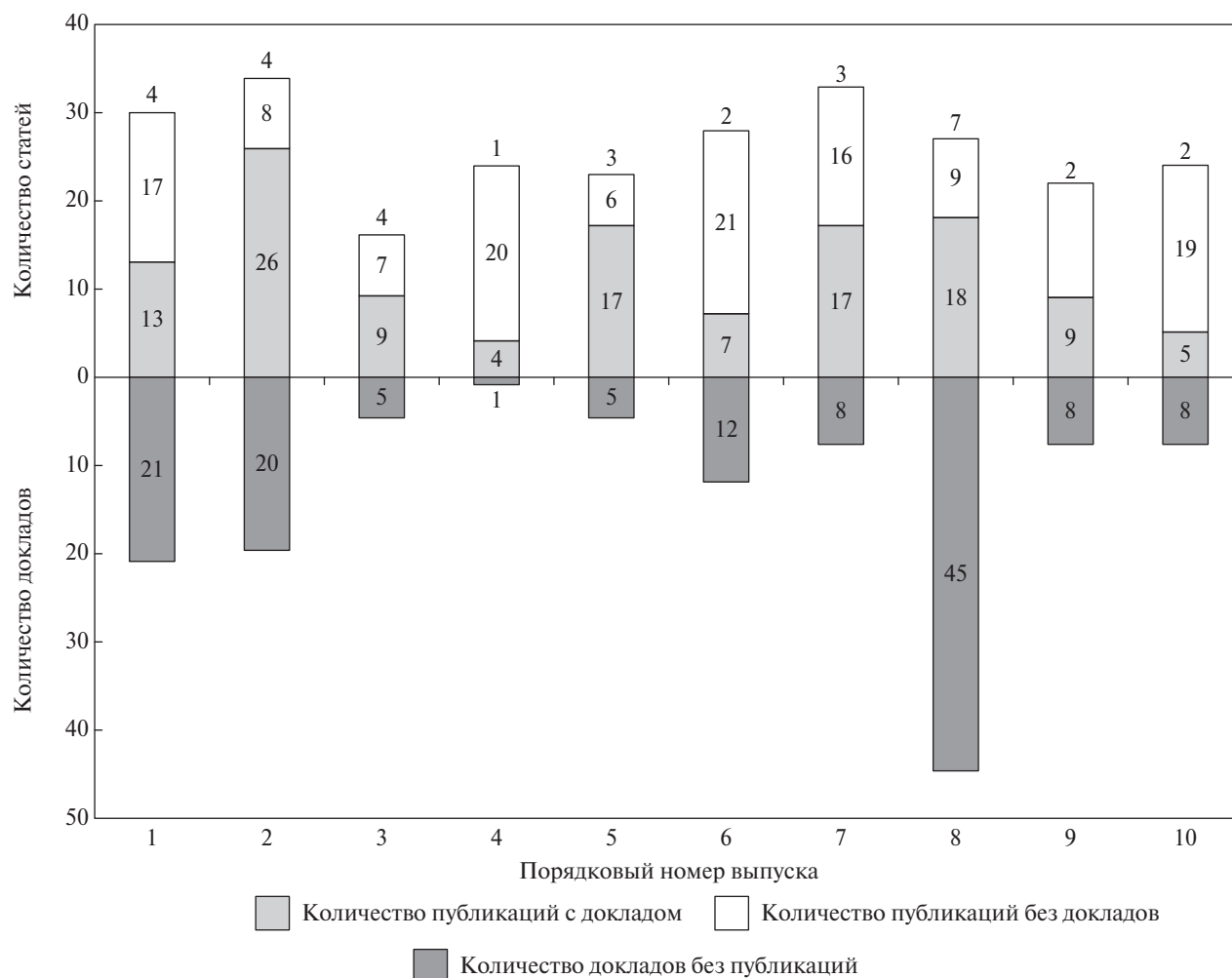

Рис. 1. Количественное соотношение докладов на семинарах и публикаций в выпусках книжной серии “АП...”

Примечание. Цифры сверху — количество семинаров, на основе которых формировались отдельные выпуски.

семинаров на отдельный выпуск “АП...”, тем выше был процент докладов, материалы которых остались без публикации. Особенно это видно на примере выпуска 8, который обобщал материалы семи семинаров. По-видимому, здесь проявился эффект отбора для публикаций самых лучших докладов из большого объема представленных, и это закономерно уменьшало процент публикаций без доклада (см. выпуски 2, 3, 7, 8).

Обобщая данные по периодам, отметим, что в первые годы (2009–2011) функционирования семинара и в первых выпусках сборников научных трудов количество докладов превышало показатель публикаций на 12–19%; в 2012–2015 гг. число публикаций уже превышало количество докладов на 12–24%; в последние годы (2020–2021) публикаций было больше уже на 19–43%. Отдельно отметим период 2016–2018 гг., когда было сделано 62 доклада, но опубликовано всего 26 статей (на 58% меньше), что объясняется большим временем, прошедшим до издания выпуска 8 (2018).

В целом эти значения свидетельствуют о том, что в первые годы работы семинара в нем участвовал более широкий круг докладчиков, вероятно, по причине новизны, престижности и перспективности данного мероприятия, далее сообщество вокруг семинара сузилось до активного ядра исследователей, а в последний анализируемый период (за исключением 2016–2018 гг., в котором был только один выпуск) количество докладов значительно сократилось, в том числе и по причине изменения режима работы семинара в связи с пандемией коронавируса (отмена многих заседаний, переход на дистанционную форму работы и др.). На эту динамику определенным образом повлияли уход из жизни или выключение из активной профессиональной деятельности ряда ключевых участников семинара (В.А. Бодрова, Г.М. Зараковского, А.Н. Костина, Л.Г. Дикой, М.Е. Зеленовой, А.Б. Леоновой, В.А. Пономаренко, Е.О. Лазебной и др.). Можно отметить также сходство в динамике деятельности семинара и других научных

направлений, развиваемых в Институте психологии РАН на современном историческом этапе, на пример методологии психологии [10].

Хотя количество заседаний и докладов в целом снижалось в последние годы, семинар продолжает свою работу, оставаясь ведущим всероссийским (и частично международным — см. далее) научно-практическим мероприятием, формирующим профессиональное сообщество исследователей по психологии труда, инженерной психологии и эргономике. Дальнейший библиометрический анализ текстов, опубликованных в десяти выпусках сборников научных трудов, призван дать более развернутую картину формальных и содержательных характеристик деятельности семинара.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поставленная цель исследования конкретизируется в следующих задачах: определить временную динамику библиометрических, тематических и лингвистических показателей, характеризующих деятельность семинара.

Материалом исследования выступила полная на данный период подборка сборников научных трудов “Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики” (всего десять выпусков), опубликованных в издательстве “Институт психологии РАН” в 2009, 2011, 2012 (два тома), 2013, 2014, 2015, 2018, 2020, 2021 гг. и имеющих последовательную нумерацию от 1 до 10. Важно отметить, что в отличие от наших предыдущих работ [3; 4], где исследуемый корпус состоял из заголовков, подзаголовков и оглавлений нескольких сотен книжных публикаций, в настоящем исследовании, ограниченном анализом десяти книг, корпус составляли *полные тексты* изданий за исключением оглавлений (так как в них повторяются названия статей), аннотаций (так как они присутствовали не во всех сборниках) и списков литературы. Корпус изданий был разделен на два хронологических подкорпуса по пять томов: подкорпус 1 — выпуски 1–5; подкорпус 2 — выпуски 6–10. Для целей лингвистического анализа использовалось деление всего корпуса изданий на пять подкорпусов, по два выпуска в каждом: 1–2, 3–4, 5–6, 7–8 и 9–10. Разделение на равные подкорпусы преследовало цель проанализировать динамику формальных и содержательных показателей научных исследований по психологии труда, инженерной психологии и эргономики в их временной перспективе и выявить различные *факторы* развития проблематики этих отраслей

в обсуждаемые годы. При этом нам представляется важным дополнить предложенную М.Г. Ярошевским [17] триаду факторов функционирования научного знания (социально-исторический, логико-научный и личностный) еще одним — научно-организационным фактором, проявляющимся на уровне научного сообщества.

В исследовании определялись следующие *библиометрические показатели*: объем изданий (в авторских листах), количество статей, частотность авторов, а также представляемых ими стран, городов и организаций.

Тематический анализ касался изучения частотности использованных терминов (словосочетаний из двух-трех слов) по выделенным экспертами семи категориям научных проблем, а также расчета “ключевых” терминов (словосочетаний из двух-трех слов). Оценка преобладания той или иной категории научных проблем в каждом из двух подкорпусов осуществлялась на основе суммирования нормированных² частот наиболее часто встречающихся терминов (по 15 в каждой из семи категорий).

Ключевыми словами (терминами) называются те словосочетания в исходном (фокусном) корпусе (focus corpus), которые имеют максимальную относительную частотность по сравнению с частотой этого же слова в референтном корпусе (reference corpus) [18; 20]. *Индекс ключевости* показывает прежде всего оригинальность, специфичность данного термина в оцениваемом подкорпусе по сравнению с общим корпусом. Расчет нормированных частот терминов и показателей ключевости слов осуществлялся с помощью сервиса Sketch Engine и подробно описан нами в одной из предыдущих публикаций [4].

Лингвистический анализ выражался в процедуре оценки лексического сходства частотных словарей изучаемых подкорпусов изданий. Данная процедура включает в себя расчет показателя “суммы минимальных частот” (SMF), который определяет вероятность встречаемости слова в сравниваемых корпусах [4; 19]. В настоящей работе степень лексического сходства оценивали по пяти двухтомным подкорпусам. Полученные в результате подсчетов ранжированные по частоте списки слов (лемм) для пяти подкорпусов сравнивались попарно, каждый с каждым. Итоговая матрица количественных

² Нормированной (average reduced frequency) является частота, учитывающая множественную встречаемость слова в одном и том же фрагменте текстового корпуса. Подробнее см.: URL: <https://www.sketchengine.eu/documentation/average-reduced-frequency/> (дата обращения: 30.09.2023)

оценок сходства частотных словарей должна была показать *степень терминологической* и, соответственно, *категориально-понятийной преемственности* исследований по психологии труда, инженерной психологии и эргономике, представленных на заседаниях семинара и нашедших отражение в последующих публикациях.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Библиометрический анализ корпуса изданий книжной серии “АП...”. Как отмечалось выше, корпус изданий был разделен на два подкорпуса, применительно к которым были определены показатели объема изданий, количества статей, частот авторов

Таблица 1. Объем изданий, количество статей и авторов в книжной серии “АП...”

Подкорпус	Объем изданий (в авторских листах)	Количество статей	Количество авторов
Выпуски 1–5 (2009–2013)	132.6	128	112
Выпуски 6–10 (2014–2021)	140.7	135	151
Всего	263.3	263	228

Таблица 2. Частоты публикаций отдельных авторов в книжной серии “АП...”

№ п/п	Автор	Количество публикаций в выпусках 1–5 (2009–2013)	Количество публикаций в выпусках 6–10 (2014–2021)	Всего публикаций*
1	Бессонова Ю.В.	3	6	9
2	Бодров В.А.	8	1	9
3	Козлов В.В.	4	5	9
4	Костин А.Н.	5	4	9
5	Голиков Ю.Я.	3	5	8
6	Сергеев С.Ф.	3	5	8
7	Журавлев А.Л.	5	2	7
8	Львов В.М.	3	3	6
9	Обознов А.А.	2	4	6
10	Усов В.М.	1	5	6
11	Лазебная Е.О.	5	0	5
12	Меденков А.А.	2	3	5
13	Толочек В.А.	2	3	5
14	Дикая Л.Г.	4	0	4
15	Зараковский Г.М.	4	0	4
16	Звоников В.М.	2	2	4
17	Зеленова М.Е.	4	0	4
18	Кожанова И.В.	2	2	4
19	Леонова А.Б.	4	0	4
20	Маничев С.А.	1	3	4
21	Нестик Т.А.	3	1	4
22	Рябов В.Б.	2	2	4
23	Сыркин Л.Д.	1	3	4
24	Чернецкая Е.Д.	0	4	4
25	Якимович Н.В.	4	0	4
26	Ясько Б.А.	2	2	4

* Без учета вводных статей и предисловий.

и организаций в двух подкорпусах книжной серии “Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики”, выпуски 1–10 (см. табл. 1–4).

Данные, приведенные в табл. 1, показывают *возрастающий тренд*: от первого хронологического периода (2009–2013) ко второму (2014–2021) увеличивалось как общее количество статей, так и объем самих изданий. Кроме того, возрастало и общее количество авторов.

При анализе частоты публикаций отдельных авторов рассматривались только те из них, которые опубликовали от четырех и более статей (табл. 2).

Данную совокупность авторов можно рассматривать как *ядро научно-практического семинара и исследовательского сообщества* по психологии

Таблица 3. Распределение количества авторов по странам и городам в изданиях книжной серии “АП...”

Подкорпус	Количество стран	Наиболее частотные страны (по количеству авторов)	Количество городов	Наиболее частотные города (по количеству авторов)
Выпуски 1–5 (2009–2013)	3	Россия (112) Украина (2) Болгария (1)	13	Москва (91) Санкт-Петербург (6)
Выпуски 6–10 (2014–2021)	4	Россия (149) Армения (6) Украина (3) Киргизия (1)	19	Москва (99) Санкт-Петербург (24) Нижний Новгород (7) Краснодар (4) Ростов-на-Дону (4)
Все выпуски	5	Россия (228) Армения (6) Украина (5) Болгария (1) Киргизия (1)	25	Москва (163) Санкт-Петербург (27) Нижний Новгород (8) Краснодар (4) Ростов-на-Дону (4)

Таблица 4. Распределение количества авторов по организациям в изданиях книжной серии “АП...”

Организация	Выпуски 1–5	Выпуски 6–10	Всего
Институт психологии РАН	29	27	41
МГУ им. М.В. Ломоносова	9	7	14
АО “Концерн “Росэнергоатом””	0	13	13
Институт медико-биологических проблем РАН	3	11	12
СПбГУ	3	11	12
НИИЦ авиационно-космической медицины и военной эргономики ФГУ “4 ЦНИИ МО РФ”	5	5	10
ГосНИИИ военной медицины МО РФ	8	0	8
Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации РАН	3	6	7
Ереванский государственный университет (Армения)	0	6	6

труда, инженерной психологии и эргономике, функционирующего на базе Института психологии РАН. В этом ядре можно выделить две группы — сотрудников ИП РАН и авторов из других организаций. К первой группе относится почти половина исследователей (12) — Ю.В. Бессонова, В.А. Бодров, А.Н. Костин, Ю.Я. Голиков, А.Л. Журавлев, А.А. Обознов, Е.О. Лазебная, В.А. Толочек, Л.Г. Дикая, М.Е. Зеленова, Т.А. Нестик, В.Б. Рябов. Среди них присутствуют те авторы, которые являлись научными соруководителями семинара (В.А. Бодров, А.Л. Журавлев, А.А. Обознов) и ответственными соредакторами сборников научных трудов (те же и Ю.В. Бессонова). Это представляется логичным, так как семинар функционирует на базе ИП РАН, а его материалы публикуются в его же издательстве.

Ко второй группе относятся авторы из других организаций — Санкт-Петербургского государственного университета (С.Ф. Сергеев, С.А. Маничев), ПАО “Аэрофлот” (В.В. Козлов), Института эргономики и социально-эргономических технологий в Твери (В.М. Львов), Института медико-

биологических проблем РАН в Москве (В.М. Усов), Фонда “Сколково” в Москве (А.А. Меденков), ВНИИ ТЭ в Москве (Г.М. Зараковский), Московского гуманитарного университета (В.М. Звоников), Приволжского института повышения квалификации ФНС России в Нижнем Новгороде (И.В. Кожанова), Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (А.Б. Леонова), Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Л.Д. Сыркин), АНО ДПО “Техническая академия Росатома” в Москве (Е.Д. Чернецкая), “МАТИ — Российский государственный технологический университет им. К.Э. Циолковского” в Москве (Н.В. Якимович), Кубанского государственного университета в Краснодаре (Б.А. Ясько). Более детальный анализ институциональной представленности авторов публикаций сборников научных трудов семинара будет проведен ниже, но здесь важно отметить широкую представленность докладчиков и авторов соответствующих публикаций, что действительно свидетельствует о всероссийском статусе изучаемого семинара.

Из 26 авторов, упомянутых в табл. 2, шесть имели публикации только в одном из двух подкорпусов изданий, девять публиковались с примерно равной (± 1) частотой в обоих подкорпусах, остальные 11 чаще публиковались в одном из двух подкорпусов. В целом соотношение тех, кто чаще публиковался в первом подкорпусе изданий, по сравнению с чаще публиковавшимися во втором подкорпусе составляет 9:8. Таким образом, можно говорить об определенной смене, обновлении авторского коллектива на протяжении изучаемого периода деятельности семинара. Ниже будет показано, как такая ротация авторов связана с тематикой проблем, обсуждаемых в докладах и публикациях.

Рассмотрим распределение авторского коллектива книжной серии “Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики” по *географическим и институциональным* (организационным) аффилиациям (табл. 3, 4).

В работе научно-практического семинара и его изданиях участвовали авторы из пяти стран (России, Армении, Украины, Болгарии и Киргизии), большинство из которых относится к постсоветскому пространству. Подавляющее большинство авторов — из России (20 городов), а именно: из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Краснодара, Ростова-на-Дону и др. Изучаемое научно-исследовательское сообщество характеризуется географической принадлежностью преимущественно к Центральному, Северо-Западному и Южному федеральным округам России.

Институциональными характеристиками научно-исследовательского сообщества на базе семинара по психологии труда, инженерной психологии и эргономике являются следующие: преобладание авторов из научно-исследовательских и образовательных организаций; значимое присутствие исследователей из медицинских (военно-медицинских и биологических) учреждений; наличие инженерных (энергетических и информационно-технологических) институций.

Библиометрический анализ показал, что авторские, географические и институциональные характеристики свидетельствуют о международном и всероссийском статусе научно-исследовательского сообщества, образовавшегося на базе семинара, а также выявил хронологическую динамику научно-организационных характеристик его ядра.

Тематический анализ корпуса изданий книжной серии “АП...”. Тематический анализ включал в себя тематическую классификацию и количественную весовую оценку обсуждаемых в публикациях

книжной серии “АП...” проблем, а также выявление оригинальных ключевых слов и сравнение этих показателей в двух пятитомных подкорпусах.

Для общего корпуса (выпуски 1–10) был составлен частотный словарь всех содержательных терминов (словосочетаний из двух-трех слов). Далее на основе теоретических представлений о структуре предметной области “психология труда, инженерная психология и эргономика” методом экспертных оценок было выделено *семь тематических категорий*: 1) методология и теория исследования, классификация феноменов, сферы деятельности, общие вопросы изучаемых отраслей психологии; 2) объект исследования и воздействия; 3) субъект исследования и воздействия; 4) среда деятельности; 5) общие характеристики трудовой деятельности; 6) межличностные, групповые, социальные процессы, профессиональная подготовка; 7) виды и методы исследования, критерии их оценки. В общем словаре было выделено по 15 наиболее частотных терминов, относящихся к каждой из этих категорий (табл. 5). Суммированные нормированные частоты терминов для всех категорий по двум хронологическим подкорпусам представлены на рис. 2.

Наибольшую представленность во всем корпусе изданий имели категории терминов, связанные с изучением характеристик трудовой деятельности, исследованием субъекта труда, рассмотрением условий реализации деятельности, труда, конкретных видов работы. Это свидетельствует о преимущественно *психологической ориентации* работ авторов изучаемых изданий: исследователи анализировали психологию деятельности человека, его взаимодействие с различными объектами трудовой, профессиональной и операторской деятельности, собственно психологические феномены субъектов этой сферы, а также условия выполнения различных видов деятельности.

В первом хронологическом (2009–2013 гг.) пяти-томном подкорпусе доминировали те же темы, что и в общем корпусе (взаимодействия субъекта и объекта деятельности, собственно субъекта и среды деятельности), а во втором (2014–2021 гг.) подкорпусе произошла некоторая смена акцентов: ведущими выступили те же общие вопросы психологии трудовой деятельности, далее важное место занимали проблемы среды деятельности, а также методологии и теории исследования. В этом усматривается некоторая закономерность: если в начале функционирования научно-практического семинара и формирования научно-исследовательского сообщества авторы занимались конкретными исследованиями различных вопросов этих отраслей психологии, то на втором этапе появилась

Таблица 5. Наиболее частотные термины основных тематических категорий в изданиях книжной серии “АП...”

№ п/п	Тематическая категория	Высокочастотные термины
I	Методология и теория исследования, классификация феноменов, сферы деятельности, общие вопросы изучаемых отраслей психологии	Инженерная психология, психология труда, человеческий фактор, направление исследований, системный подход, организационная психология, отечественная психология, социальная психология, проблема психологии, предметная область, новейший подход, сфера деятельности, прикладная психология, научное направление, практическое применение
II	Объект исследования и воздействия	Органы управления, технологический процесс, информационное обеспечение, технический объект, отображение информации, летательный аппарат, база данных, эргономическое обеспечение, воздушное судно, атомная энергетика, авиационная техника, пользовательский интерфейс, виртуальная реальность, объект управления, производственный процесс
III	Субъект исследования и воздействия	Принятие решений (принятие решения), субъект труда, функциональное состояние, психический процесс, психическая регуляция, субъект деятельности, профессиональная надежность, качество жизни, регуляция деятельности, профессиональное развитие, психическое состояние, психологический механизм, развитие личности, способность человека, отношение человека
IV	Среда деятельности	Условие деятельности, рабочее место, внешняя среда, окружающая среда, условие труда, обеспечение безопасности, окружающий мир, социальная среда, условие работы, безопасность полетов (безопасность полета), культура безопасности, дефицит времени, внешний мир, профессиональная среда, безопасность труда
V	Общие характеристики трудовой деятельности	Профессиональная деятельность, трудовая деятельность, обратная связь, система управления, взаимодействие человека, процесс деятельности, эффективность деятельности, операторская деятельность, организация труда, надежность деятельности, структура деятельности, средства деятельности, обеспечение деятельности, качество деятельности, успешность деятельности
VI	Межличностные, групповые, социальные процессы, профессиональная подготовка	Совместная деятельность, профессиональная подготовка, организационная культура, летный состав, корпоративная культура, социальный статус, психологический отбор (профессиональный отбор), процесс обучения, член экипажа (летный экипаж), профессиональное обучение, повышение квалификации, оперативный персонал, социальная значимость, совместная работа, профессиональное общество
VII	Виды и методы исследования, критерии их оценки	Программное обеспечение, корреляционный анализ, метод исследования, эмпирическое исследование, факторный анализ, метод оценки, критерий оценки, обработка данных, уровень значимости, статистический анализ, метод анализа, эмпирические данные, разработка методов, методика оценки, анализ данных

необходимость как более общего осмысления результатов предыдущих исследований, так и формулирования разных профессиональных, инженерно-психологических и эргономических концепций. Данная траектория развития может выступить прототипом общей *схемы функционирования* различных научно-исследовательских сообществ.

Далее были определены ключевые словосочетания двух пятитомных подкорпусов (табл. 6).

Оригинальными проблемами исследования первого подкорпуса являлись те, которые были связаны с психологией и психофизиологией субъекта

деятельности. Акцент делался на анализе различных психологических состояний субъекта, его развития, регуляции деятельности и процесса труда. Во втором пятитомном подкорпусе изданий особое внимание уделялось организационно-психологическим, личностным, инженерно-психологическим и эргономическим вопросам. Здесь чаще упоминались социально-психологические факторы трудовой (в том числе спортивной) деятельности и профессионального развития, условия обеспечения безопасности в целом и психологической безопасности в частности, деятельности инженеров и оперативного персонала, применения искусственного

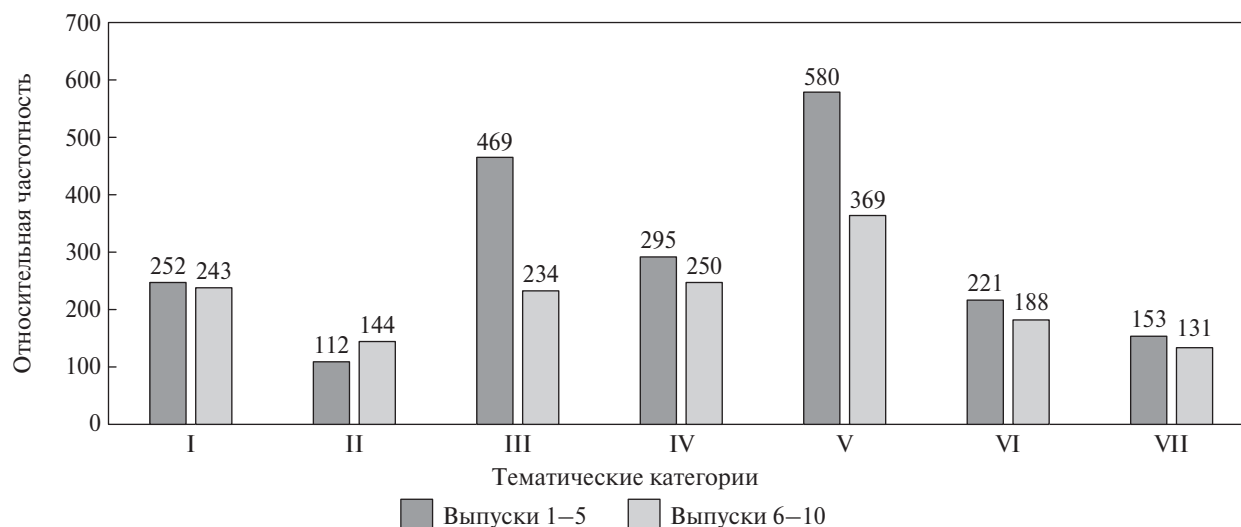

Рис. 2. Относительная частотность терминов по тематическим категориям в подкорпусах изданий книжной серии “АП...”.

Примечание. Условные обозначения см. табл. 5.

Таблица 6. Показатели ключевости* (ПК) терминов подкорпусов изданий книжной серии “АП...”

Выпуски 1–5	ПК	Выпуски 6–10	ПК
Субъект труда	1.33	Организационная культура	1.64
Временная форма**	1.33	Психологическая безопасность	1.63
Трудовая жизнь	1.31	Ведущий инженер	1.55
Контроль поведения	1.27	Психологическое благополучие	1.50
Экономическая активность	1.26	Виды спорта	1.44
Личностная тревожность	1.24	Искусственный интеллект	1.44
Профессиональное становление	1.24	Потенциал надежности	1.44
Функциональная система	1.24	Культура безопасности	1.43
Функциональное состояние	1.24	Корпоративная культура	1.40
Адаптационный процесс	1.23	Системное мышление	1.38
Психическое состояние	1.23	Дистанционное управление	1.36
Стратегия преодоления	1.23	Оперативный персонал	1.36
		Профессиональное благополучие	1.36

* См. раздел “Материалы и методы исследования” данной статьи.

** Имеется в виду временная форма процессов в сознании человека.

интеллекта и дистанционных технологий в построении и управлении технологическими объектами и системами. В целом динамика актуальных тем от одного периода к другому выражалась в переходе от субъекто- и процессо-ориентированной проблематики к организационно-практическим вопросам.

Лингвистический анализ корпуса изданий книжной серии “АП...”. В рамках лингвистического анализа определялось лексическое сходство пяти подкорпусов изучаемых изданий, по два выпуска в каждом (1–2, 3–4, 5–6, 7–8 и 9–10). Количественно определяемая мера сходства (см. выше раздел “Материалы и методы исследования”) свидетельствует о лексическом и терминологическом сходстве текстов в подкорпусах, на основе чего можно делать выводы о категориально-понятийной преемственности изданий

на протяжении нескольких периодов. Результаты подсчета меры лексического сходства для пяти двухтомных подкорпусов представлены в табл. 7.

Данные в табл. 7 показывают, что лексическое сходство между всеми подкорпусами имеет близкие значения (в диапазоне 0.50–0.54), что может говорить о высокой степени *однородности* словарного лексикона и, следовательно, концептуального аппарата, используемого в изданиях книжной серии “АП...”. Почти по всем анализируемым парам была обнаружена та же закономерность, что и в нашей предыдущей работе при рассмотрении научных изданий Института психологии РАН за 1972–2021 гг. [4]: чем хронологически ближе друг к другу подкорпусы изданий, тем выше их лексическое сходство. При этом разброс значений

Таблица 7. Показатели лексического сходства подкорпусов изданий книжной серии “АП...”

	Выпуски 1–2	Выпуски 3–4	Выпуски 5–6	Выпуски 7–8	Выпуски 9–10
Выпуски 1–2	—	0.54	0.53	0.53	0.51
Выпуски 3–4	0.54	—	0.51	0.51	0.50
Выпуски 5–6	0.53	0.51	—	0.54	0.52
Выпуски 7–8	0.53	0.51	0.54	—	0.52
Выпуски 9–10	0.51	0.50	0.52	0.52	—

оказался небольшим, что дополнительно подтверждает однородность подкорпусов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный количественный анализ корпуса изданий книжной серии (десять выпусков) по материалам научно-практического семинара “Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики” показал определенную динамику исследований на протяжении 13 лет его функционирования. Установлена публикационная динамика, определены институциональные характеристики этого сообщества и ядро исследователей, ведущая проблематика публикаций в целом и на различных этапах проведения семинара, терминологическая преемственность в текстах изучаемых изданий.

Полученные результаты свидетельствуют о развитии научно-исследовательского сообщества на базе семинара, организованного Институтом психологии РАН, и позволяют выявить факторы его становления и развития: социально-исторические — география авторов, институциональная аффилиация; научно-организационные — принадлежность к научно-исследовательской базе Института психологии РАН, научное руководство семинара его представителями; личностные — участие авторов, сформировавшееся ядро исследователей в разные исторические периоды; логико-научные — тематика публикаций и ее связь с научной школой Института психологии РАН.

Применение количественных методов для оценки деятельности научных мероприятий продемонстрировало свою эффективность в фиксации различных параметров результативности, а также перспективность в выявлении особенностей функционирования научно-исследовательских сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 1 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.

2. Анцупов А.Я., Кандыбович С.Л., Тимченко Г.Н. Проблемы отечественной психологии. Указатель 1410 докторских диссертаций (1935–2019 гг.). М.: Проспект, 2020.
3. Белопольский В.И., Костригин А.А., Журавлев А.Л. Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Часть I: Научно-организационные и библиометрические аспекты // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 6. С. 5–17.
4. Белопольский В.И., Костригин А.А., Журавлев А.Л. Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Ч. II: Тематические и лингвистические аспекты // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 1. С. 5–15.
5. Голенков А.В., Николаев Е.Л. Наукометрический анализ материалов I–IV съездов психиатров, наркологов и психотерапевтов Чувашии // Психическое здоровье. 2015. Т. 13. № 10 (113). С. 45–49.
6. Голенков А.В., Полуэктов М.Г. Наукометрический анализ материалов 10 всероссийских конференций “Актуальные вопросы сомнологии” (1998–2016) // Журнал неврологии и психиатрии. 2018. Т. 118. № 4–2. С. 139–144.
7. Евдокимов В.И., Рыбников В.Ю., Шамрей В.К. Боевой стресс: наукометрический анализ отечественных публикаций (2005–2017). СПб.: Политехника-принт, 2018.
8. Елисеева И.Н., Олейник Ю.Н. Наукометрический анализ как метод изучения состояния и динамики научного направления (на примере использования категории “индивидуальность” в названиях диссертационных исследований 1992–2018 гг.) // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 218–233.
9. Зуев К.Б. Издательская серия “Труды молодых ученых Института психологии РАН”: социокультурный и наукометрический анализ // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2. № 4 (6). С. 63–82.
10. Костригин А.А., Журавлев А.Л. Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии в 2002–2021 гг. // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 99–120.

11. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Психологические исследования в современной России: опыт наукометрического анализа (по материалам “Сибирского психологического журнала”) // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 10–22.
12. Моргунов А.Н., Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л. Тематические направления отечественной истории психологии как внутренние факторы развития отрасли: наукометрический анализ на материале РИНЦ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 1 (21). С. 219–251.
13. Олейник Ю.Н. Научные конференции как индикатор развития области знания (на примере конференций по истории психологии) // Ананьевские чтения — 2017: преемственность в психологической науке: В.М. Бехтерев, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов: Материалы международной научной конференции, 24–26 октября 2017 г. / Отв. ред. Л.А. Головей, А.В. Шаболтас. СПб.: Айсинг, 2017. С. 413–414.
14. Рубцов В.В., Марголис А.А., Шведовская А.А., Пономарева В.В. Наукометрический анализ культурно-исторического направления в научных публикациях 2009–2019 годов // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 4. С. 119–132.
15. Фролова С.В. Актуальное проблемное поле и перспективы психологии в публикациях одного года // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 242–296.
16. Чердакова М.М., Костригин А.А. Библиометрический анализ публикаций в сборниках материалов конференции “История отечественной и мировой психологической мысли (Московские встречи по истории психологии)” (2006, 2009, 2016) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 4. С. 25–37.
17. Ярошевский М.Г. Трехаспектность науки и проблемы научной школы // Социально-психологические проблемы науки: ученый и научный коллектив / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Наука, 1973. С. 174–184.
18. Kilgarriff A. Simple maths for keywords // Proceedings of the Corpus Linguistics Conference (CL2009) / Eds. M. Mählberg, V. González-Díaz, C. Smith. Liverpool, 2009. P. 171.
19. Piperski A. Sum of minimum frequencies as a measure of corpus similarity // Proceedings of the Corpus Linguistics International Conference, University of Birmingham, Tuesday 25 — Friday 28 July 2017. Birmingham, 2017. P. 309–314.
20. Rayson P., Potts A. Analysing keyword lists // A Practical Handbook of Corpus Linguistics / Eds. M. Paqout, S.T. Gries. Cham: Springer, 2020. P. 119–139.

BIBLIOMETRIC ANALYSIS OF WORKS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL SEMINAR “ACTUAL PROBLEMS OF LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY AND ERGONOMICS” (2009–2021)³

V. I. Belopolsky*, A. L. Zhuravlev**, A. A. Kostrigin***

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

**ScD (Psychology), Principal Researcher,
Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.
E-mail: vbelop@mail.ru*

***Academician of RAS, Professor, Scientific Adviser of Institute of Psychology RAS.
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru*

****PhD (Psychology), Research Associate,
Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.
E-mail: artdzen@gmail.com*

Received 01.10.2023

Abstract. The authors in the article examine a perspective object of quantitative research in the history of psychology — scientific events (conferences, seminars, symposiums, etc.). The research material is the collection

³ The research was carried out according to the state assignments № 0138-2023-0001.

of scientific papers of the All-Russian scientific-practical seminar “Actual problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics”, which was held at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences since the end of 2007 and the materials of which were published in 10 volumes. Bibliometric, thematic and linguistic indicators of chronological subcorpus of the seminar publications are determined. The conclusion is made about the active development of the research community in the psychology of work, engineering psychology and ergonomics on the basis of the seminar and the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. The prospects for the use of quantitative methods in the study of the functioning of research communities based on scientific events are shown.

Keywords: history of psychology, Institute of Psychology RAS, scientific event, seminar, labor psychology, engineering psychology, ergonomics, bibliometric analysis, thematic analysis, linguistic analysis.

REFERENCES

1. Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki. Vyp. 1. Eds. V.A. Bodrov, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2009. (In Russian)
2. Antsupov A.Ya., Kandybovich S.L., Timchenko G.N. Problemy otechestvennoi psikhologii. Ukazatel' 1410 doktorskikh dissertatsii (1935–2019 gg.). Moscow: Prospekt, 2020. (In Russian)
3. Belopolsky V.I., Kostrigin A.A., Zhuravlev A.L. Gody, lyudi, knigi: nauchno-izdatel'skaya deyatel'nost' Instituta psikhologii RAN (1972–2021). Chast' 1. Nauchno-organizatsionnye i bibliometricheskie aspekty. Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 6. P. 5–17. (In Russian)
4. Belopolsky V.I., Kostrigin A.A., Zhuravlev A.L. Gody, lyudi, knigi: nauchno-izdatel'skaya deyatel'nost' Instituta psikhologii RAN (1972–2021). Chast' II. Tematicheskie i lingvisticheskie aspekty. Psikhologicheskii zhurnal. 2023. V. 44. № 1. P. 5–15. (In Russian)
5. Golenkov A.V., Nikolaev E.L. Naukometricheskii analiz materialov I–IV s"ezdov psikhiatrov, narkologov i psikhoterapevtov Chuvashii. Psikhicheskoe zdorov'e. 2015. V. 13. № 10 (113). P. 45–49. (In Russian)
6. Golenkov A.V., Poluektov M.G. Naukometricheskii analiz materialov 10 vserossiiskikh konferentsii “Aktual'nye voprosy somnologii” (1998–2016). Zhurnal nevrologii i psikhiiatrii. 2018. V. 118. № 4–2. P. 139–144. (In Russian)
7. Evdokimov V.I., Rybnikov V.Yu., Shamrei V.K. Boevoi stress: naukometricheskii analiz otechestvennykh publikatsii (2005–2017). Saint Petersburg: Politekhnikaprint, 2018. (In Russian)
8. Eliseeva I.N., Oleinik Yu.N. Naukometricheskii analiz kak metod izucheniya sostoyaniya i dinamiki nauchnogo napravleniya (na primere ispol'zovaniya kategorii “individual'nost'” v nazvaniyakh dissertatsionnykh issledovaniy 1992–2018 gg.). Metodologiya, teoriya, istoriya psikhologii lichnosti. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Nikitina, N.E. Kharlamenkova. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2019. P. 218–233. (In Russian)
9. Zuev K.B. Izdatel'skaya seriya “Trudy molodykh uchenykh Instituta psikhologii RAN”: sotsiokul'turnyi i naukometricheskii analiz. Uchenye zapiski Instituta psikhologii RAN. 2022. V. 2. № 4 (6). P. 63–82. (In Russian)
10. Kostrigin A.A., Zhuravlev A.L. Kolichestvennyi analiz izdaniy Instituta psikhologii RAN po nauchnomu napravleniyu metodologii psikhologii v 2002–2021 gg. Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 5. P. 99–120. (In Russian)
11. Mazilov V.A., Slepko Yu.N. Psikhologicheskie issledovaniya v sovremennoi Rossii: opyt naukometricheskogo analiza (po materialam “Sibirskogo psikhologicheskogo zhurnala”). Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. 2020. № 77. P. 10–22. (In Russian)
12. Morgun A.N., Oleinik Yu.N., Zhuravlev A.L. Tematicheskie napravleniya otechestvennoi istorii psikhologii kak vnutrennie faktory razvitiya otrasli: naukometricheskii analiz na materiale RINTs. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2021. V. 6. № 1 (21). P. 219–251. (In Russian)
13. Oleinik Yu.N. Nauchnye konferentsii kak indikator razvitiya oblasti znaniya (na primere konferentsii po istorii psikhologii). Anan'evskie chteniya — 2017: preemstvennost' v psikhologicheskoi nauke: V.M. Bekhterev, B.G. Anan'ev, B.F. Lomov: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 24–26 oktyabrya 2017 g. Eds. L.A. Golovei, A.V. Shaboltas. Saint Petersburg: Aising, 2017. P. 413–414. (In Russian)
14. Rubtsov V.V., Margolis A.A., Shvedovskaya A.A., Ponomareva V.V. Naukometricheskii analiz kul'turno-istoricheskogo napravleniya v nauchnykh publikatsiyakh 2009–2019 godov. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2019. V. 15. № 4. P. 119–132. (In Russian)
15. Frolova S.V. Aktual'noe problemnoe pole i perspektivy psikhologii v publikatsiyakh odnogo goda. Novye tendentsii i perspektivy psikhologicheskoi nauki. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2019. P. 242–296. (In Russian)
16. Cherdakova M.M., Kostrigin A.A. Bibliometricheskii analiz publikatsii v sbornikakh materialov konferentsii “Istoriya otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli (Moskovskie vstrechi po istorii psikhologii)” (2006, 2009, 2016). Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: Daidzhest. 2017. № 4. P. 25–37. (In Russian)

17. *Yaroshevsky M.G.* Trekhaspektnost' nauki i problemy nauchnoi shkoly. Sotsial'no-psikhologicheskie problemy nauki: uchenyi i nauchnyi kollektiv. Ed. M.G. Yaroshevskiy. Moscow: Nauka, 1973. P. 174–184. (In Russian)
18. *Kilgarriff A.* Simple maths for keywords. Proceedings of the Corpus Linguistics Conference (CL2009). Eds. M. Mahlberg, V. González-Díaz, C. Smith. Liverpool, 2009. P. 171.
19. *Piperski A.* Sum of minimum frequencies as a measure of corpus similarity. Proceedings of the Corpus Linguistics International Conference, University of Birmingham, Tuesday 25 — Friday 28 July 2017. Birmingham, 2017. P. 309–314.
20. *Rayson P., Potts A.* Analysing keyword lists. A Practical Handbook of Corpus Linguistics. Eds. M. Paqout, S.T. Gries. Cham: Springer, 2020. P. 119–139.

ДИСКУССИЯ

УДК: 159.9

К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ СИСТЕМНО-СЕТЕВОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТЕЗАУРУСА В КОНТЕКСТЕ МЕТАМОДЕРНА

© 2023 г. Т. В. Зеленкова

*Государственный гуманитарно-технологический университет;
142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д. 22, Россия.
Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и дефектологии.
E-mail: tzelenk@mail.ru*

Поступила 23.10.2023

Аннотация. Предлагается комментарий к циклу статей А.Л. Журавлева и Е.А. Сергиенко, посвященных разработке системно-сетевой организации современных понятий психологии. Подчеркивается значение нового подхода для интеграции психологического знания. Представленная авторами концепция картирования психической реальности анализируется с позиции трех принципов метамодерна: неисключения, холархичности объединения, включенности субъекта и первичности социальных практик, которые позволяют непротиворечиво объединить наибольшее количество исследовательских позиций. Обсуждается введение новых “сверхинтегрированных” понятий индивидуального и коллективного субъектов, демонстрирующих, наряду с “зонтичными” понятиями, оптимальное сочетание сетевого и иерархического подходов. Отмечается, что оптика предложенной организации понятийной системы позволяет по-новому взглянуть как на известные классы психических явлений, так и высветить ранее неизвестные. Показывается, что системно-сетевая модель, сохраняя принцип исторической преемственности, обладает всеми необходимыми и достаточными интеграционными качествами.

Ключевые слова: системно-сетевой подход, понятийный тезаурус психологии, принципы метамодерна, интеграция знания.

DOI: 10.31857/S020595920029079-2

“Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, а потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий”

Козьма Прутков

В Дополнении к новому изданию “Структуры научных революций” Т. Кун высказал мысль, что изменение системы понятий в науке способно привести к неменьшему качественному прорыву, чем открытие новых законов, и по мере того, как увеличивается число подобных символических обобщений, имеющихся в распоряжении исследователей, мощь научной дисциплины будет существенно возрастать [5]. В наступающую эпоху метамодернистского синтеза в психологии, основанного на поиске новых способов получения данных посредством социальных практик, новые взгляды на психическую реальность уже не могут быть адекватно выражены и осмыслены в русле старых понятий и требуют поиска принципиально иных подходов. С этой точки зрения разработка системно-сетевой организации современных понятий

психологии, представленная в цикле статей А.Л. Журавлева и Е.А. Сергиенко на основе разработок ученых Института психологии РАН [1–3], является значительным трансформационным шагом и своего рода поворотным пунктом на пути к интеграции психологического знания.

Наступающий метамодерн заявил о себе появлением множества новых технологий, позволяющих исследовать объекты с разных, зачастую диаметрально противоположных позиций, породил характерные для него “раскачивания” и колебания между теориями. Попытки преодолеть существующие острые противоречия между ними резко усилили стремление исследователей к поиску зон бесконфликтного соприкосновения и взаимопонимания. Основные трудности на этом пути связаны в первую очередь с постоянно возрастающей сложностью объектов и предметов познания в гуманитаристических системах, в которых, по меткому выражению Петерса, “с возрастанием сложности точные утверждения становятся менее осмысленными,

а осмысленные утверждения теряют точность” [6, с. 231]. В связи с этим проблема построения психологического тезауруса следующего поколения сопряжена с постановкой и решением ряда новых проблем, которые будут рассмотрены нами ниже.

Рассуждая о том, как может выглядеть интегральная методология на современном этапе развития науки, К. Уилбер выделяет три основных принципа метамодерна, позволяющих непротиворечиво объединить наибольшее количество уже добытых знаний [8]. Первый принцип — “неисключение” — означает, что мы должны рассматривать все обоснованные утверждения о структуре психической реальности как истинные, если они прошли проверку на достоверность в пределах своих собственных парадигм в научных школах. При этом ни одна из школ не имеет права отвергать высказывания, находящиеся за пределами ее парадигм, если эти высказывания также прошли аналогичную проверку на достоверность.

Второй принцип — “холархичность объединения” — проявляется в том, что каждая объединяющая парадигма превосходит (добавляет новое) и включает в свернутом виде своих предшественников, которые продолжают активно участвовать в создании нового знания, но уже в контексте этой более общей парадигмы. Исходя из этого принципа нельзя просто отвергать достижения более ранних научных школ, их знания должны быть критически переработаны и проинтерпретированы с позиций новой целостности.

Третий принцип — “включенность субъекта и первичность социальных практик” — обосновывает множественность форм раскрытия единой психической реальности, порожденных различными социальными практиками, которые осознаются субъектами познания как разные “миры”. Недостаточное принятие во внимание данного принципа является, на наш взгляд, основной причиной конфликтов между теоретическими воззрениями различных научных школ.

Большинство столкновений парадигм обычно объясняется их несовместимостью, однако учет контекста социальных практик показывает, что то, что считается противоречивыми феноменами, — это просто разные (и полностью совместимые) психические явления, вызванные разными практиками. Для разрешения подобных противоречий необходимо и достаточно каждой из сторон участников конфликта перейти в позицию внешнего наблюдателя по отношению к проблемной зоне и убедиться, что результаты, полученные с использованием разных подходов, являются достоверными в контексте примененной социальной практики.

Это может послужить основой начала любого интегративного процесса.

В настоящей статье мы сделали попытку проанализировать представленный системно-сетевой подход с позиций указанных выше трех принципов метамодерна.

ПРИНЦИП НЕИСКЛЮЧЕНИЯ

Этот принцип обеспечивает полноту объединения понятий без потери наиболее важных достижений их предыдущих систематизаций, сохраняя все ценное, что было сделано ранее. В новом системно-сетевом подходе данный принцип реализован во всестороннем анализе предшествующих классификаций понятий в отечественной психологии и раскрытии их потенциалов для будущих разработок. С этой точки зрения система А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского (далее — СПЯ) содержит, на наш взгляд, идеи, близкие к сетевым. Например, отношения между базисными категориями авторы СПЯ сравнивают с лейбницевскими монадами: каждая отражает каждую, а соотношение базисных и метапсихологических категорий напоминает, по сути, “ожерелье Индры”: в каждой метакатегории раскрывается сетевая структура всех базисных категорий [7].

Более того, у некоторых понятий СПЯ даже просматривается определенная “зонтичность”: так, например, “соучастование” определяется «прежде всего общением и в то же время несет на себе отпечаток других психологических категорий, таких, как “деятельность”, “Я”, “ценность”, “чувство”» [7, с. 517], что приводит к возникновению новой категории, не сводимой к сумме ее составляющих.

В свое время К. Уилбер предложил рассматривать психологическое пространство в системе двух координат: индивидуальное—коллективное и внешнее—внутреннее [8]. При таком подходе СПЯ может быть представлена в форме полносвязной сети, состоящей из четырех крупных узлов: психосферы (внутреннее—индивидуальное), биосферы/организма (внешнее—индивидуальное), ноосферы/культуры (внутреннее—коллективное), биосферы/среды и ноосферы/общества (внешнее—коллективное). Все понятия СПЯ могут быть содержательно распределены по этим узлам с образованием вложенных подсетей.

Еще одним примером является понятие “опponentного круга”, введенного М.Г. Ярошевским, которое, являясь по сути сетевым, в контексте метамодерна позволяет рассматривать исследователя и как участника дискуссии, защищающего

собственную позицию, и как внешнего критика своих взглядов. Авторы системно- сетевого подхода также считают это понятие продуктивным для анализа понятийной системы психологии через призму холярхического подхода [1].

ПРИНЦИП ХОЛАРХИЧНОСТИ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Авторы обсуждаемого цикла статей убедительно показали, что «термины науки группируются в “смысловые гнезда”, составляющие смысловую систему — тезаурус» [1, с. 7], а современная психология представляет собой сеть понятий, в которой каждое понятие может быть раскрыто полностью только в контексте всех остальных понятий. В отличие от предыдущих классификаций, основанных на объектном подходе с акцентом на семантику отдельных понятий, системно-сетевая организация отдает приоритет синтаксису, обеспечивающему неразрывность, динамичность и высокую связность понятий. Чем выше плотность связей (контекстуальность), тем более важным является понятие, что полностью соответствует духу метамодерна.

К.К. Платонов обращал особое внимание на зависимость процесса понимания и усвоения понятия от типа организации тезауруса науки: “чем более четко определены и связаны в единую систему общие и частные психологические категории, тем точнее и единообразнее понимаются входящие в них понятия, отражающие отдельные психические явления” (цит. по: [1, с. 7]).

Системно-сетевой подход предлагает новый взгляд на проблему построения психологического тезауруса, основанный на использовании гетерархических сетей, т.е. систем, одновременно сочетающих и сетевые, и иерархические структуры. Учитывая позитивные и негативные стороны обоих типов структур, хотелось бы отметить, что сети и иерархии по-разному выполняют системные функции. Так, по степени связности сети могут быть сильно- и слабосвязными. Иерархии также разделяются на иерархии роста (холярхии), обеспечивающие целостность системы, рост и развитие входящих в нее частей, и иерархии доминирования (подавляющие), отличающиеся жестким подчинением своих частей, приводящем в конечном счете к разрушению всей системы. Поэтому общее качество любой гетерархии определяется в итоге сочетанием основных характеристик ее сетевых и иерархических компонентов [4].

Функция сетей — обеспечение разнообразия элементов (их полноты), входящих в систему и их динамики. Цели иерархий — проверка элементов на соответствие внутренней структуре системы (их точности) и сохранение целостности этой структуры. Сети при этом решают внутреннюю задачу накопления и фиксации знаний, а иерархии отвечают за внешний процесс упорядочения этих знаний.

При совместном функционировании сеть и иерархия, дополняя систему до целого, ведут себя как двуликий Янус, как две стороны одной неделимой сущности, рассматриваемой под разными углами. Здесь возможны различные их сочетания по степени выраженности интеграционного потенциала.

Наиболее оптимальное сочетание (1 тип) — сильносвязные сети и иерархии роста — это холоноподобные системы, в которых каждый следующий уровень в свернутом виде включает в себя все предыдущие. Сочетание с меньшим интеграционным потенциалом (2 тип) — слабосвязные сети и иерархии роста. Такие системы недостаточно стабильные, но сохраняющие устойчивую тенденцию к развитию, поскольку иерархия роста может компенсировать некоторые недостатки слабосвязной сети. Еще более слабая интеграции характерна для сильносвязных сетей и доминирующих (жестких) иерархий (3 тип), поскольку такая иерархия подавляет ресурсы сети и ее способность к развитию, препятствуя эволюции всей системы. Наконец сочетание слабосвязных сетей и доминирующих иерархий (4 тип) делает подобные системы практически нежизнеспособными.

С учетом предложенной классификации рассматриваемая системно-сетевая организация понятий, несомненно, относится к 1 типу, поскольку построена на основе сильносвязной сети, формирующей путем эмерджентного скачка надстройку в виде холярхических “зонтичных” понятий [2], а предыдущие классификации, как правило, основанные на слабосвязных сетях и иерархиях роста, можно отнести ко 2 типу.

Дополнительное введение авторами обсуждаемых статей “сверхинтегрированных” понятий *индивидуального и коллективного субъектов*, наряду с “зонтичными” понятиями, наглядно демонстрирует метамодернистский принцип *холярхичности объединения*. Зонтичные понятия, обладая существенно большей целостностью и объяснительной силой, чем входящие в их состав простые понятия, создают возможность новой, более глубокой интерпретации этих простых понятий.

ПРИНЦИП ВКЛЮЧЕННОСТИ СУБЪЕКТА И ПЕРВИЧНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Этот принцип особенно важен для понимания сущности метамодернистской интеграции. Он предполагает, что новая психическая реальность раскрывается только в ходе определенной социальной практики, инициированной субъектом познания. Различные социальные практики порождают различные классы явлений, создают гетерогенные массивы исследовательских данных, которые, в свою очередь, приводят к несовместимым (на первый взгляд) научным позициям, выражающимся в резко отличающихся друг от друга понятийных системах.

Каждый новый способ производства данных порождает неизвестный ранее мир феноменов, исследование которого приводит к появлению новых понятий, изменяющих наши прежние представления о психической реальности. И если для модерна была характерна позиция отражения, а постмодерн, включив конструктивистскую составляющую, подчеркивал культурную обусловленность знания, практически исключая субъекта, то в центре метамодернистской методологии — подчеркивание ключевой роли коллективного субъекта в производстве нового знания.

Обсуждаемый системно-сетевой подход к картированию психической реальности, опирающийся на данный принцип, — это путь к “мягкой” интеграции, обусловленный гибкостью и проницаемостью границ сети. Подходы, свойственные большинству других типов классификаций понятий, в значительной степени препятствовали, а фактически только усугубляли разобщенность психологического знания. При системно-сетевой же интерпретации вкладов разных школ границы между ними представляются не жестко очерченными, а размытыми, и тем самым интерфейсы становятся более дружественными, создавая возможность установления содержательных связей между представлениями различных школ. Например, такой подход позволяет реализовать целостный непротиворечивый взгляд на широко известную дискуссионную проблему детерминации психического, “бесшовно” объединив взгляды “внешнее через внутреннее” С.Л. Рубинштейна и “внутреннее через внешнее” А.Н. Леонтьева и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оптика предложенной системно-сетевой организации понятийной системы позволяет как по-новому взглянуть на известные классы психических

явлений, так и высветить ранее неизвестные благодаря выделению тех аспектов психической реальности, которые прежде недостаточно осознавались. С точки зрения семиотики новые синтаксические отношения между означающими (знаками), которые были исследованы, значительно расширили семантические связи в поле означаемых (понятий), что, в свою очередь, позволило задействовать доступ к существенно увеличенному множеству референтов (психических явлений). Благодаря этому появилась возможность при креативном взгляде каждое известное явление рассматривать с новой стороны или при творческом подходе — открывать принципиально новые явления.

Системно-сетевая модель обладает всеми свойствами, необходимыми и достаточными для интеграции психологического знания. Во-первых, в силу открытости границ сети облегчается взаимодействие между разными научными школами, поскольку каждая школа может быть адекватно представлена связанной сетью понятий. Это существенно облегчает поиск точек соприкосновения и контекстов совместного употребления понятий, позволяя образовывать интегрированные зонтичные понятия и холархии.

Во-вторых, системно-сетевая модель реализует принцип историчности: все ценное, полученное на предыдущих этапах развития знания, сохраняется в свернутом виде, а ненужное отбрасывается. И наконец такая организация знания позволяет рассматривать каждую отдельно взятую концепцию с множества позиций, постоянно уточняя ее место среди других подходов, в том числе междисциплинарных.

Опыт разработки системно-сетевой организации современных понятий психологии, представленный учеными ИП РАН, несомненно, является ценным вкладом в науку. Сделан реальный шаг в переходе от теоретических рассуждений об интеграции к ее практической реализации. Фактически впервые создан образец, который, надеемся, станет стимулом для других школ к проведению подобных исследований и послужит их объединению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Анализ современных понятий психологии. Часть I: Опыт систематизации понятий // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 5—15.
2. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Анализ современных понятий психологии. Часть II: Разработки ученых Института психологии РАН // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 5—15.

3. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–14.
4. Зеленкова Т.В. Прогрессивные тенденции развития психологии в контексте интеграционных процессов в современной науке // Прогресс психологии: Критерии и признаки / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009. С. 32–62.
5. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
6. Петерс Э. Хаос и порядок на рынках капитала. М.: Мир, 2000.
7. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998.
8. Wilber K. Introduction to Excerpts, from Volume 2 of the Kosmos Trilogy. URL: <https://web.archive.org/web/20060528132300/http://wilber.shambhala.com/html/books/kosmos/> (дата обращения: 06.03.2023).

TO THE PROBLEM OF CREATING A SYSTEM-NETWORK PSYCHOLOGICAL THESAURUS IN THE CONTEXT OF METAMODERN

T. V. Zelenkova

*State University of Humanities and Technology;
142611, Moscow Region, Orekhovo-Zuevo, Zelenaya str., 22, Russia.
PhD in Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology and Defectology.
E-mail: tzelenk@mail.ru*

Received 3.10.2023

Abstract. The presented article is devoted to the problem of developing a system-network organization of modern concepts of psychology, presented in a series of articles by A.L. Zhuravleva and E.A. Sergienko. The importance of the new approach for the integration of psychological knowledge is emphasized. We analyze the concept of mapping psychic reality presented by the authors from the perspective of the three principles of metamodern. The principles of non-exclusion, holarchic association, inclusion of the subject and the primacy of social practices make it possible to consistently combine the largest number of research positions. We discuss the introduction of new “over-integrated” concepts of individual and collective subjects, which demonstrate, along with “umbrella” concepts, the optimal combination of network and hierarchical approaches. The author notes that the optics of the proposed organization of the conceptual system allows you to take a fresh look at both the known classes of mental phenomena and highlight previously unknown ones. Our main thesis is that the system-network model, while maintaining the principle of historical continuity, has all necessary and sufficient integration qualities.

Keywords: system-network organization, conceptual thesaurus of psychology, principles of metamodern, knowledge integration.

REFERENCES

1. Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. Analiz sovremennykh ponyatii psikhologii. Chast' I: Opyt sistematizatsii ponyatii. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 3. P. 5–15. (In Russian)
2. Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. Analiz sovremennykh ponyatii psikhologii. Chast' II: Razrabotki uchenykh Instituta psikhologii RAN. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 4. P. 5–15. (In Russian)
3. Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. Sistemno-setevaya organizatsiya sovremennykh ponyatii psikhologii (na primere razrabotok sotrudnikov Instituta psikhologii RAN). Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 43. № 3. P. 5–14. (In Russian)
4. Zelenkova T.V. Progressivnye tendentsii razvitiya psikhologii v kontekste integratsionnykh protsessov v sovremennoi nauke. Progress psikhologii: Kriterii i priznaki. Eds. A.L. Zhuravlev, T.D. Martsinkovskaya, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2009. P. 32–62. (In Russian)
5. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsii. Moscow: Progress, 1977. (In Russian)
6. Peters E. Khaos i poryadok na rynkakh kapitala. Moscow: Mir, 2000. (In Russian)
7. Petrovskii A.V., Yaroshevskii M.G. Osnovy teoreticheskoi psikhologii. Moscow: INFRA-M, 1998. (In Russian)
8. Wilber K. Introduction to Excerpts, from Volume 2 of the Kosmos Trilogy. URL: <https://web.archive.org/web/20060528132300/http://wilber.shambhala.com/html/books/kosmos/> (date of access: 06.03.2023).

УДК 159.9

СОВРЕМЕННЫЕ ПОНЯТИЯ ПСИХОЛОГИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНИМАНИЯ ЛОГИКИ ИХ ОРГАНИЗАЦИИ

© 2023 г. А. Н. Плющ

*Национальный технический университет Украины
“Киевский политехнический институт им. Игоря Сикорского”;
03056, г. Киев, Берестейский пр-т, д. 37, Украина.
Доктор психологических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: plyushch11@mail.ru*

Поступила 31.08.2023

Аннотация. Использована постнеклассическая методология, в рамках которой рассматриваются простые, сложные, саморазвивающиеся системы. В соответствии с методологией система понятий рассмотрена как совокупность автономных терминов, на основе которых конструируются теории, являющиеся частью семиотического пространства их авторов. Семиотическое пространство как микрокосм индивидуальных значений и смыслов, сформированный в процессе жизни, служит моделью мира, инструментом самоорганизации субъекта, потенциальным механизмом совместного развития. Учитывая, что ментальная организация исследователя и организация его социального контекста взаимобусловлены и связаны круговой причинностью, сложность их организации сопряжена. Этот же принцип действует и для коллективного субъекта науки. Наука как социальный институт общества воспроизводит сложность организации общества, и сложность ментального инструмента ученых становится сопряженным сложности организации их научного сообщества и решаемым им задачам общества. В истории науки происходит эволюция базовых метафор понимания научного знания от архива знаний и сетевого инструмента исследователей к квантовому компасу, который указывает направления развития общества, предполагая совместную деятельность при построении будущего и возможность саморазвития в этом процессе. Система понятий как фрагмент ментального инструмента исследователей в понимании своего развития воспроизводит логику эволюции научного знания. Понимание организации системы понятий в зависимости от методологии исследователей трансформируется от классификации понятий, к их системно-сетевой организации, а от них к гипертексту саморазвивающегося коллективного субъекта науки.

Ключевые слова: постнеклассическая методология, система понятий, ментальный инструмент, квантовый компас, саморазвивающийся коллективный субъект науки, гипертекст.

DOI: 10.31857/S020595920029015-2

В статье предлагается возможный вариант логики развития системы современных психологических понятий, который позволяет продолжить дискуссию, начало которой было положено статьями А.Л. Журавлева и Е.А. Сергиенко [2–4], а также индивидуальными [16] и коллективными монографиями [14], опубликованными под эгидой Института психологии РАН.

В силу необходимости своего развития психология время от времени возвращается к переосмыслению своих теоретико-методологических построений, на основе которых выстраиваются конструируемые теории. Если философские категории и положения выступают в роли инструмента, необходимого для решения методологических проблем

психологии, то ее понятийный аппарат — в роли строительных элементов, позволяющих возводить здание современной науки.

И чем сложнее сами эти понятия и их организация, тем более сложные теоретические конструкции и объяснительные схемы становятся возможным построить с их помощью.

Учитывая, что разработка понятийного аппарата является одной из ключевых задач науки, а происходящие в нем изменения позволяют наиболее наглядно проследить динамику методологического развития науки [2], обратимся к анализу происходящих с ним перемен.

МЕТОДОЛОГИЯ

Изменяющийся мир вызывает изменения и в языке его описания. Психологическая наука откликается на вызовы времени, усложняя понятия и модели для описания психических процессов, что, в свою очередь, приводит к переходу от классической к неклассической и постнеклассической методологии научного познания [2]. В работе будем опираться на постнеклассическую методологию, в рамках которой выделяются системы различного масштаба сложности: простые, сложные и саморазвивающиеся [17].

Простая система рассматривается наблюдателем с точки зрения ее внутреннего устройства, и она предстает в виде закрытой системы, у которой предполагается некое предназначение. Анализ сложной системы, которая составлена из простых подсистем, предусматривает уже задание некоего контекста, т.е. система рассматривается как открытая, взаимодействующая со средой. Если это пространство функционирования системы мыслится однородным, то предполагается некая конкретная функция, которую эта система выполняет в этом пространстве. Сложное мышление наблюдателя, предоставляющее ему возможность различения (объекта и контекста), может быть применено и к пониманию устройства контекста, когда пространство функционирования системы может быть неоднородным. При этом некоей области пространства будет соответствовать определенная функция, осуществляемая сложной системой. Контекстуальный анализ сложной системы предполагает применение подобной логики анализа и к рассмотрению ее внутреннего устройства, когда происходит выделение управляющей структуры, которая различает контексты и выбирает программу поведения как функцию системы, необходимую в данной ситуации.

Анализ саморазвивающейся системы основывается на том, что она проходит стадии развития от простой к сложной саморазвивающейся системе, “накапливая” формы организации. Достижение новых структурных форм динамической системы достигается через ее собственное функционирование, т.е. путем самоорганизации во времени [16]. Моделью такой самоорганизации служит текст, который рассматривается как тринитарное образование — текст, автор, замысел. У саморазвивающейся системы предполагается автор проекта ее будущего, предусматривающий набор необходимых функций системы в будущем мире. Этот автор жизненного проекта системы одновременно

является и автором проекта собственной самоорганизации.

С функциональной точки зрения анализ простой системы предполагает знание ее устройства для выполнения определенной функции. При анализе сложной системы добавляется знание набора функций и способов их согласования управляющей структурой. Понимание функционирования саморазвивающейся системы дополнительно предполагает прогнозирование саморазвития автора жизненного проекта системы, что предоставляет возможности для предсказания возможных способов обновления организации системы, вызывающих и появление новых функций.

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Понятие — это основной структурный элемент вербально-логического мышления, в рамках которого определяется возможность обозначения объекта и понимания его функции (в предполагаемом контексте), что позволяет использовать этот объект в жизнедеятельности субъекта [6]. На основе системы понятий воссоздается модель мира, предоставляющая субъекту возможность ориентироваться в его жизненном мире, в котором существуют объекты, денотатом которых выступают понятия.

Категории представляют собой первичные понятийные структуры, способствующие созданию рациональной картины мира (“научной теории”) познающего субъекта. Наличие категорий означает появление структурированного знания, в котором заданы соотношения (связи) единичных понятий. Категориальная строгость предполагает набор допустимых (в логике автора системы понятий) коннотаций. Вместе с тем непредвиденные события, новые феномены должны получать отображение в ментальных построениях, опирающихся на существующую систему понятий, что иногда приводит к появлению новых терминов, которые также должны быть вписаны в эту систему. Это включение происходит на разных уровнях системы: могут добавляться новые понятия или изменяться содержание существующих, что может вызывать ее структурные трансформации, проявляющиеся в нарастающей сложности категорий и их организации, вплоть до изменения логики категоризации системы понятий.

На примере разработок ученых Института психологии РАН выделено несколько этапов развития

организации системы психологических понятий. Первый этап характеризуется наличием разнообразных классификаций понятий в отечественной психологии (К.К. Платонов, Я.А. Пономарев, Л.И. Анцыферова, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский, В.А. Петровский) [2]. Изменение общенаучных методологических принципов привело к смене координат категоризации психологических понятий, в связи с чем на следующем этапе была предложена сетевая структура понятий, отражающая тенденции теоретических поисков в психологии [3]. Эта структура отражает динамичность и нарастающую сложность понятийных систем, сетевой принцип их организации.

Учитывая, что возможности теорий расширяются посредством обращения к возможностям других исследовательских парадигм и проверке теоретических предположений в иных парадигмальных координатах, целью “развития научного знания становится выработка путей и средств налаживания продуктивного междисциплинарного и междисциплинарного диалога” [20, с. 395]. В связи с этим было предложено рассматривать психологическое знание как гиперсеть, включающую понятийные поля, теории, парадигмы, методологию и субъектов как создателей общей картины психологического знания. Таким образом, обоснован новый этап — системно-сетевой организации понятий, объединяющей идеи системного и сетевого подходов [4].

Вся логика развития наук о человеке свидетельствует о наведении “мостов” между школами и разными парадигмами, в связи с чем на современном этапе в организации систем психологических понятий осуществляется переход к интегративным понятиям и обобщающим метатеориям психического развития [16]. Построение знания обретает черты коллективного предприятия, что требует умений и способностей сосредоточиться на согласовании теоретических концепций поверх границ разных исследований, т.е. за определенным типом знания обнаруживается определенный тип социальности [1]. Происходит смещение акцентов от структуры организации знания к многомерности пространства коллективного автора этого знания [9]. Исходя из логики постнеклассической методологии на современном этапе развития науки организация психологических понятий претерпевает изменения: происходит переход от классификаций понятийных структур и их системно-сетевой организации к новой форме организации, предполагающей развитие сетей авторов этих структур.

Сложность организации инструментария исследователей оказывается обусловленной сложностью

социальной организации исследователей. Системно-сетевая организация понятийных структур отображает системно-сетевую организацию авторов научных теорий. Эти социальные сети являются результатом беспрестанно конструируемых процессов образования связей между авторами научных теорий [1], работающих в определенных научных учреждениях, что приводит к образованию научных школ, не обязательно совпадающих с формальной социальной структурой. Следствием этого становится, с одной стороны, поиск интегративных психологических понятий, с другой — обращение к мультидисциплинарной и междисциплинарной методологии их анализа [16], что проявляется в появлении интегративных подходов, таких как системно-субъектный, системно-деятельностный и др.

Следующий этап развития организации психологических понятий предполагает осмысление нарастающей сложности инструмента конструирования психологических знаний, которые, с одной стороны, конструируются на основе этих понятий, с другой — включают их в свой состав в качестве необходимого базового элемента.

ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Дальнейший анализ начнем с напоминания методологии, в соответствии с которой построена логика исследования. Закрытая система анализируется с точки зрения ее внутреннего устройства. Изучение открытой системы предполагает, что эта система является частью пространства, сложность организации которого обуславливает сложность организации внутреннего устройства системы. Исследование саморазвивающихся систем построено на том, что у них есть автор, который одновременно выступает автором проекта развития как собственного развития, так и системы, причем это тексты разной природы: в первом случае у него единственный автор, во втором — совместный [11]. Соответственно, можно выделить три подхода к пониманию логики развития систем. В первом подходе предполагается становление внутренней организации системы, что наглядно отображается в термине “саморазвивающиеся системы”. В рамках второго подхода рассматривается общий принцип развития от простых к более сложным системам, что предполагает анализ их развития как адаптации к внешним условиям. В третьем подходе “бинокулярное зрение” автора проекта саморазвития системы предполагает одновременность и круговую причинность внутреннего и внешнего развития.

Проанализируем, как и с помощью каких инструментов происходит конструирование психологического знания общества. В процессе своего развития у общества появляется социальный институт, функция которого заключается в накоплении знаний об окружающем мире. Это накопление знаний осуществляется с помощью индивидуальных субъектов, организованных в научные коллективы. Индивидуальные субъекты для получения нового знания используют ментальный инструмент познания.

В качестве ментального инструмента субъекта выступает его семиотическое пространство как микрокосм индивидуальных значений и смыслов, сформированный в процессе жизни [7; 10]. Семиотическое пространство индивидуального субъекта — это пространство осмысления знаковых конструкций коллективных субъектов, которые усваивают индивидуальные субъекты в процессе включения в деятельность этих коллективных субъектов [10]. Это пространство индивидуального субъекта априори является частью семиотического пространства коллективного субъекта, точнее, квантовым “пространством в пространстве”, или гетеротопией, используя термин М. Фуко [19].

Тезаурус составляют понятия, которые отображают (моделируют) объекты и явления мира, интегрированные в единую модель семиотического пространства. Исходя из постнеклассической методологии тезаурус (систему понятий) одновременно рассматриваем как закрытую, открытую, саморазвивающуюся систему. Тезаурус может анализироваться как автономный конструкт. На основе понятий конструируются научные теории, которые являются фрагментом семиотического пространства. Понятия не только несут информацию о мире, являясь конструктивными элементами теории, но они представляют собой потенциальный (свернутый) фрагмент семиотического пространства, который развертывается при интерпретации смысла понятия в тексте. Семиозис включает в себя взаимодополняющие процессы интерпретации значения знаков, порождения смыслов текста, осмысления значимости текста в контексте жизнедеятельности. Наличие такого ментального инструмента как семиотического пространства предоставляет возможности для выполнения субъектом следующих функций: моделирования картины мира, конструирования совместных моделей мира, развития сложности организации семиотического пространства.

Развитие сложности организации семиотического пространства, которое преобразуется в ментальный инструмент самоорганизации субъекта,

предполагает наличие метакультурной позиции, предоставляющей субъекту возможность выхода за пределы имеющегося знания [21]. Появляется дублирующий канал получения информации, что позволяет настроить механизм проверки ее качества и значимости. Организация семиотического пространства базируется на дуальности (внутренней и внешней) каналов получения информации, инструменте согласования этих информационных потоков (своеобразное “бинокулярное зрение”) и механизме обратной связи в процессе использования этого инструмента. Квантовая природа семиотического пространства делает возможным суперпозицию частных позиций его автора, создавая условия для нарастания сложности организации семиотического пространства и саморазвития субъекта.

Помимо модели внутреннего развития инструмента субъекта существует модель внешнего развития на основе реконструкции сложности семиотического пространства коллективного субъекта, с участником которого идентифицирует себя субъект. В гетеротопии семиотического пространства априори заложена суперпозиция индивидуального и коллективного авторов этого пространства, что приводит к потенциальной возможности развития семиотического пространства индивидуального субъекта по внешнему образцу. В процессе приобретения жизненного опыта индивидуальный субъект, осознавая себя автором семиотического пространства коллективного субъекта, проходит стадии развития субъектности (протосубъект, субъект, метасубъект) этого автора [12]. В ходе этого процесса к внутренней и внешней модели саморазвития прибавляется модель самоорганизации как процесса поиска оптимального сочетания этих моделей в процессе жизнедеятельности. В суперпозиции воображаемого субъекта жизнедеятельности происходит согласование моделей будущего развития как выбор позиции в фазовом пространстве состояний будущего субъекта как автономного, социального, саморазвивающегося субъекта жизнедеятельности.

Добавление позиции субъекта жизнедеятельности как воображаемого будущего автора семиотического пространства приводит к усложнению организации семиотического пространства, которое приобретает двойную вложенность: пространство автономного субъекта входит в состав пространства (ре)конструируемого коллективного субъекта, которое, в свою очередь, входит в состав пространства воображаемого субъекта жизнедеятельности. Дальнейшего нарастания размерности гетеротопии не происходит в связи с тем, что позиция

будущего автора остается неизменной, зато сложность организации коллективных субъектов, участником которых становится субъект, возрастает.

Нараствание сложности организации семиотического пространства, которое рассматриваем как ментальный инструмент субъекта, предполагает усложнение организации социального контекста, в котором пребывает субъект. Наличие квантового механизма саморазвития субъекта приводит к тому, что развитие ментального инструмента субъекта и конструируемая сложность социального контекста, сопровождающаяся расширением масштаба коллективного субъекта, с участником которого идентифицирует себя субъект, оказываются связаны круговой причинностью. Это приводит к сопряженности сложности организации ментального инструмента субъекта и его социального контекста, которая воспроизводится как при достижении нового уровня сложности ментального инструмента субъекта, так и при расширении масштаба коллективного субъекта, с которым идентифицирует себя субъект.

Можно проследить следующую логику конструирования психологического знания. Тезаурус является составной частью семиотического пространства, которое является ментальным инструментом исследователя. По мере взросления исследователя и развертывания сложности его жизненного пространства расширяется контекст анализа и масштаб рассмотрения изучаемых объектов, что ведет к изменению состава тезауруса и трансформации его организации. Будучи участником научного сообщества, с одной стороны, исследователь использует семиотическое пространство этого сообщества для построения собственных научных теорий, с другой — теории исследователя раздвигают границы семиотического пространства этого сообщества. Аналогично и наука, используя свои инструменты познания, решает задачи, стоящие перед обществом, в то же время успешное решение этих задач выводит общество на новый уровень развития и постановку новых, более сложных задач, предполагающих совершенствование ее инструмента приобретения новых знаний.

На каждом уровне познания (ментального, социального, экзистенциального) прослеживается круговая причинность и взаимообусловленность инструмента и его автора, что приводит к сопряженности сложности их организации. Следствием такого понимания является то, что сложность организации ментального инструмента исследователя, включающего и тезаурус, становится обусловленной организацией среды, в которую включен исследователь.

МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ КАК ГИПЕРТЕКСТ САМОРАЗВИВАЮЩЕГОСЯ КОЛЛЕКТИВНОГО АВТОРА

Рассмотрение науки как автономного социального института приводит к тому, что ее содержание (знание) метафорически можно представить в виде здания [1], которое представляет архив накопленных знаний. “Кирпичиками” этого здания являются научные теории, которые конструируются с помощью понятий.

Расширение контекста, в рамках которого наука рассматривается как один из социальных институтов, включенного в сеть их взаимоотношений, приводит к тому, что метафора здания сменяется метафорой сети [1]. Наука, помимо знаний о мире, дополнительно предстает инструментом (институтом) общества для приобретения новых знаний на основе имеющегося знания. Организация этого инструмента должна соответствовать сложности решаемых задач, поэтому достигнутая сетевая организация общества воспроизводится и в организации самой науки. Со временем сложность организации социального контекста общества проявляется и в организации ментальных инструментах ученых, когда система понятий психологической науки приобретает системно-сетевую организацию [4], которая больше подходит для описания динамики и изменчивости социального окружения.

Хотя наука претендует на универсальность, она всегда встроена в конкретную культуру, в определенные способы выражения и определенную проблематику [8]. Становясь инструментом общества, наука подчиняется целям его развития, и уже от общества, его этических представлений зависит потенциал науки, куда и с какими целями (для решения каких проблем) он будут направлен. На определенном этапе эволюции общества наука начинает выступать в качестве неотъемлемого компонента механизма построения его будущего, в рамках которого происходит не только перспективный, но и транспективный [5] анализ устройства будущего. На этом этапе науку можно представить в виде компаса, указывающего на неотчетливое, многовариантное будущее, путь к которому предполагает согласование усилий авторов этих проектов по его достижению. Этот компас имеет квантовую природу, что означает необходимость суперпозиции пользователей этого инструмента, когда его результат проявляется только при совместном использовании.

Наука может быть рассмотрена как накопленное знание, социальный инструмент получения нового знания, предполагающий коллективного автора со своей организацией, и квантовый компас, указывающий направление движения в совместное будущее. Моделью такого понимания служит текст, предполагающий автора, имеющего проект будущего. Соответственно, науку можно представить в виде гипертекста (текста всеобщего автора) саморазвивающегося коллективного автора, что позволяет науке выполнять различные функции — накапливать знание, совершенствовать инструмент познания, прогнозировать будущее. Учитывая сопряженность организации ментального (внутреннего) и социального (внешнего) миров этого автора, подобную схему организации — гипертекст саморазвивающегося коллективного автора — приобретает и ментальный инструмент исследователей, и система понятий, на основе которой воспроизводится семиотическое пространство этого автора.

Современные цифровые технологии предоставляют возможность реализовывать подобную схему организации тезауруса в совместной научной деятельности. Например, в электронном варианте монографии “Человек как открытая целостность”, которую можно найти на сайте Института философии РАН по адресу: <https://iphras.ru/>, приводится тезаурус понятий, организованный по принципу ментальной карты [18]. В ее основе — использование пространственной модели и понимание ее принципиальной незавершенности. Это интерактивный инструмент мышления, который заключается не только в приведении гиперссылок, а также в том, что авторы открыты для предложений, комментариев и замечаний, с учетом которых эта карта может быть улучшена.

ОБСУЖДЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ: ОТ ПОНЯТИЙ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ К МЕТАКАТЕГОРИЯМ НАУКИ

Проследим общую схему развития понимания понятий как в частном случае, при формировании значения отдельных понятий у индивидуальных субъектов, так и в более общем случае, при формировании пространств значений метакатегорий у коллективных субъектов науки.

Рассмотрим развитие понимания эмоций у индивидуальных субъектов [16]. Оно прогрессирует от понимания, что только одна эмоция возможна при одном событии, к пониманию, что две эмоции возможны, но последовательно, и наконец

к пониманию того, что две эмоции могут возникнуть на одно и то же событие и они могут быть одновременно как позитивными, так и негативными. От понимания единичной эмоции и противоположных эмоций субъекты переходят к пониманию амбивалентной эмоции, являющейся индикатором нового уровня сложности ментальной организации. Становление метакогниций означает появление знаний второго порядка [16], но при этом предыдущие уровни не исчезают, и не просто происходит соединение уровневых подходов, а становится возможным многомерное квантовое понимание наподобие “бинокулярного” зрения.

Понимание эмоций отображает рефлексивный процесс осознания опыта непосредственного переживания. Психологические метакатегории являются совместно конструируемыми понятиями и отображают понимание индивидуальных и коллективных субъектов науки. В качестве такой метакатегории рассмотрим категорию субъекта. В контексте постнеклассической методологии взаимодействующий с миром субъект как носитель внутреннего мира и творец собственного бытия становится системообразующим фактором создания сложной многоуровневой системы психической организации [16].

Исходя из тринитарной оптики методологии (внешний мир — носитель психики — внутренний мир), зададим определение субъекта. Субъект как часть окружающего его мира и обладатель внутреннего мира (психики) характеризуется: наличием цели, активностью по ее достижению, коррекцией цели в процессе жизнедеятельности. Под целью понимается будущее состояние субъекта в будущем мире, коррекция цели предполагает обратную связь и самоорганизацию субъекта. Предлагаемая логика предоставляет возможность расширить трактовку известного принципа единства сознания и деятельности в такой формулировке — единство сознания, деятельности и самосознания. Вместе с тем следует учитывать, что еще С.Л. Рубинштейн утверждал о неразрывном единстве сознания и самосознания [15], когда последнее понималось как форма проявления обратной связи целостного сознания. Тринитарная трактовка этого принципа — это экспликация имплицитного понимания С.Л. Рубинштейна, позволяющая выходить за рамки бинарного мышления, присущего системному подходу.

Категория субъекта раскрывается сквозь призму трехмерной оптики его форм организации в различных жизненных измерениях человека, достигнутого уровня структурной организации и выбора формы субъектности в конкретной ситуации (см. рисунок). Субъектность понимается как рефлексия

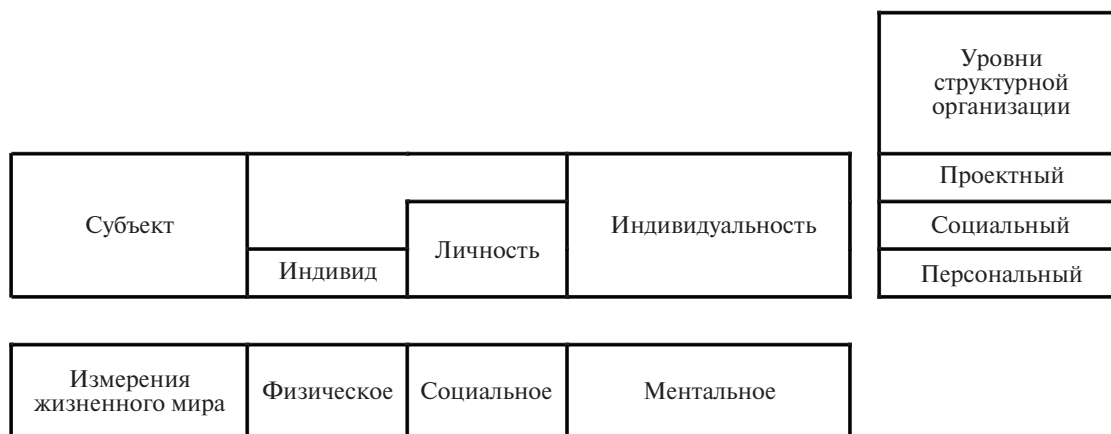

Рис. Схема организации пространства значений метакатегории “субъект”.

своей жизнедеятельности и задание своей роли в достижении жизненных целей. Как проявление обратной связи она выступает в качестве механизма саморазвития, позволяющего носителю психики выходить за пределы сложности ее сформированной структуры.

Управление деятельностью и целеполаганием в физическом измерении предполагает сформированность персонального уровня структуры психической организации. Этот уровень управления начинается с рефлексов, в дальнейшем образуя прижизненные программы поведения, базирующиеся на генетическом базисе. Межиндивидуальные взаимодействия, символизирующие о появлении нового жизненного измерения, предполагают формирование нового социального уровня психической организации. Предшествующий уровень не исчезает. Он служит фундаментом для построения следующего уровня, содержанием которого уже являются усвоенные социальные программы поведения. Личность как форма проявления субъекта в социальном измерении означает формирование нового уровня психической организации, управления своей деятельностью в социальной среде. Личностью становятся не по факту нахождения в социальном пространстве, а путем соблюдения социальных норм, востребованных в данной ситуации.

Индивидуальность означает переход к самостоятельному проектированию жизненной траектории на основе генетических и социальных программ поведения. На персональном уровне структурной организации индивидуальность проявляется как влияние на самоорганизацию индивидуально-типологических свойств психики. На социальном уровне дополнительное влияние оказывают позиционирование в социальном пространстве и выбор жизненных ролей. Выбор роли предполагает ориентацию в нормативном социальном измерении, которая в простейшем случае сводится к просоциальной или

асоциальной направленности личности. На проектном уровне предполагается влияние (ре)конструируемой программы саморазвития, в которой предусмотрено достижение жизненных экзистенциальных целей субъекта. В таком понимании в связи с тем, что жизненная цель не является единственно заданной, распадаясь на множество частных подцелей, заложена возможность квантовой суперпозиции субъекта частной деятельности и жизнедеятельности. Появляется третья процессуальная позиция будущего автора жизненного проекта (ситуативная частная + жизненная “отдаленная” + процессуальная), что предполагает механизм определения экзистенциальной значимости этих позиций. В общем случае эта позиция представляет траекторию в фазовом пространстве состояний будущего автора, которая стремится к своему аттрактору. На проектном уровне индивидуальность проявляется как следование своему предназначению, которое доопределяется в ходе жизненного пути и может корректироваться.

Предложенная схема понимания метакатегории “субъект” соответствует логике развития, артикулированной в известной модели ЭУС (этапы—уровни—ступени) Я.А. Пономарева [13]. Этапы развития психической организации, обусловленные развертыванием пространства жизнедеятельности, трансформируются в структурные уровни организации психики, образуя ступени ее субъектной организации (см. рисунок). На схеме не представлено третье квантовое измерение субъектности, а предложена проекция субъектной организации носителя психики, на основе которой исследователь может реконструировать логику организации семиотического пространства понимания метакатегории “субъект”, исходя из сложности собственного дискурса.

Трактовки категории “субъект” — индивид, личность, индивидуальность — могут рассматриваться

как рядоположенные понятия, обозначающие различную форму психической организации носителя психики. Эти понятия авторы отдельных теорий могут объединять в структуру (метакатегорию), которая содержит логику их организации, частным случаем которой выступает вышеупомянутая модель ЭУС Я.А. Пономарева. Существует и квантовое понимание саморазвивающегося субъекта. В каждом виде деятельности субъектность проявляется одновременно в двух проекциях: конкретной деятельности и жизнедеятельности в целом, и исходя из принципа круговой причинности каждая из них может выступать в виде как цели, так и инструмента достижения субъектности. В процессе деятельности разворачивается процессуальная субъектность как согласование между этими видами субъектности. Подобная квантовая схема саморазвития предоставляет возможность субъекту наращивать сложность собственной психической организации и трансформировать ее под актуальные жизненные задачи.

В нашем примере задали частную логику развития понимания метакатегории “субъект” — от понимания субъекта в контексте частной целенаправленной деятельности переходим к множеству возможных трактовок субъекта (индивид, личность, индивидуальность) в широком контексте жизненных ситуаций, которые потом опять свертываются к более сложному пониманию саморазвивающегося субъекта жизнедеятельности. Рассматривая эту схему как модель развития психической организации субъекта, можно прийти к выводу, что в такой формулировке понятие “субъект” выступает как обобщающая характеристика развития живого существа [16]. Также показали общую логику формирования как бытовых, так и научных понятий: их единичное понимание сменяется множественным пониманием в различных контекстах, которое разворачивается в квантовое понимание саморазвивающегося субъекта, создающего ментальный инструмент новой сложности организации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категория “саморазвивающаяся система” выступает одной из базовых категорий в постнеклассической методологии. В этой категории заложено понимание квантовой природы моделируемой системы в связи с тем, что система одновременно находится в двух состояниях: собственно система и саморазвивающаяся система, которой она станет в будущем. Имплицитно предполагается суперпозиция автора проекта системы, который интегрирует эти состояния в единое целое. Развитие

системы происходит путем самоорганизации автора и его саморазвития, результатом которого становится нарастание сложности проекта будущей системы.

Саморазвитие автора системы также имеет квантовую природу: возможно внутреннее саморазвитие автора и его развитие как составной части системы. У автора системы появляется ментальный инструмент согласования внутренней и внешней моделей развития. Образуется двойная вложенная структура: ментальный инструмент выступает конструктом субъекта, который, в свою очередь, является составной частью саморазвивающейся системы. Автор проекта системы — промежуточное звено между ментальным инструментом, с использованием которого конструируется проект развития системы, и самой системой, которая находится в процессе саморазвития. Дальнейшее развитие системы осуществляется за счет совершенствования автором своего ментального инструмента путем приведения его сложности в соответствие с имеющейся сложностью системы. Сложность организации ментального инструмента, саморазвивающегося автора и саморазвивающейся системы оказывается взаимообусловленной и сопряженной.

Система понятий (тезаурус) рассмотрена как элемент ментального инструмента коллективного субъекта науки, предлагающего решение задач, стоящих перед обществом. Организация этого ментального инструмента сопряжена со сложностью организации науки как социального института. Рассмотрение науки как саморазвивающейся системы предполагает, что та же логика развития будет присуща и системе понятий как части ментального инструмента субъектов науки. В истории науки происходит эволюция базовых метафор понимания научного знания от архива знаний и сетевого инструмента исследователей к компасу, который указывает направления развития общества и при этом имеет квантовую природу. Соответственно, в своем развитии система понятий воспроизводит логику эволюции научного знания. Понимание организации системы понятий в зависимости от методологии исследователей трансформируется от классификации понятий к их системно-сетевой организации, а от них — к гипертексту саморазвивающегося коллективного субъекта науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Василькова В.В.* Сети в социальном познании: от метафоры к метатеории. Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 5 (64). С. 11–25.

2. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Анализ современных понятий в психологии. Часть I: Опыт систематизации понятий. Психологический журнал. 2021. № 3. Т. 42. С. 5–15.
3. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Анализ современных понятий в психологии. Часть II: Разработка ученых института психологии РАН. Психологический журнал. 2021. № 4. Т. 42. С. 5–15.
4. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН). Психологический журнал. 2022. № 3. Т. 43. С. 5–14.
5. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005.
6. Кольцова В.А. Гуманитарное знание: история и перспективы развития // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 37–71.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
8. От сравнительной к межкультурной философии / Сост. и отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Наука; Вост. лит., 2022.
9. Патяева Е.Ю. Классическое, неклассическое и постнеклассическое знание в современной психологии // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 160–194.
10. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
11. Плющ А.Н. Понимание идентичности в контексте культурно-исторической психологии // Психология. 2023. № 2. С. 338–354.
12. Плющ А.Н. Становление субъекта: от бессубъектности к метасубъектности // Вопросы психологии. 2020. № 3. С. 14–26.
13. Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
14. Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
15. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957.
16. Сергиенко Е.А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021.
17. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006.
18. Человек как открытая целостность / Отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022.
19. Фуко М. Пространство, знание и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. С. 215–236.
20. Янчук В.А. Социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива позиционирования в психологическом многообразии // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 385–409.
21. Ячин С.Е. Состояние метакультуры. Владивосток: Дальнаука, 2010.

MODERN CONCEPTS OF PSYCHOLOGY: EVOLUTION OF UNDERSTANDING THE LOGIC OF THEIR ORGANIZATION

A. N. Plyusch

*National Technical University of Ukraine
“Kyiv Polytechnic Institute named after Igor Sikorsky”;
03056, Kyev, Beresteysky Ave., 37, Ukraine.
Doctor of Psychology, Senior Researcher.
E-mail: plyushch11@mail.ru*

Received 31.08.2023

Abstract. A post-nonclassical methodology was used, within which simple, complex, self-developing systems are considered. In accordance with the methodology, the system of concepts is considered as a set of autonomous terms, on the basis of which theories are constructed, which are part of the semiotic space of their

authors. Semiotic space as a microcosm of individual meanings and meanings, formed in the process of life, serves as a model of the world, an instrument of self-organization of the subject, and a potential mechanism for joint development. Considering that the mental organization of the researcher and the organization of his social context are interdependent and linked by circular causality, the complexity of their organization turns out to be conjugate. The same principle applies to the collective subject of science. Science as a social institution of society reproduces the complexity of the organization of society, and the complexity of the mental instrument of scientists becomes associated with the complexity of the organization of their scientific community and the problems of society that it solves. In the history of science, there is an evolution of basic metaphors for understanding scientific knowledge from an archive of knowledge and a network tool for researchers to a quantum compass, which indicates the directions of development of society based on joint activities in building the future, suggesting the possibility of its self-development in this process. The system of concepts as a fragment of the mental tool of researchers in understanding its development reproduces the logic of the evolution of scientific knowledge. Understanding the organization of a system of concepts, depending on the methodology of researchers, is transformed from the classification of concepts to their system-network organization, and from them to the hypertext of a self-developing collective subject of science.

Keywords: post-non-classical methodology, system of concepts, mental tool, quantum compass, self-developing collective subject of science, hypertext.

REFERENCES

1. *Vasil'kova V.V.* Seti v social'nom poznanii: ot metafory k metateorii. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2012. V. 15. № 5 (64). P. 11–25. (In Russian)
2. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Analiz sovremennykh ponyatij v psikhologii. Chast' I: Opyt sistematizacii ponyatij. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2021. № 3. V. 42. P. 5–15. (In Russian)
3. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Analiz sovremennykh ponyatij v psikhologii. Chast' II: Razrabotka uchenykh instituta psikhologii RAN. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2021. № 4. V. 42. P. 5–15. (In Russian)
4. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Sistemno-setevaya organizaciya sovremennykh ponyatij psikhologii (na primere razrabotok sotrudnikov Instituta psikhologii RAN). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2022. № 3. V. 43. P. 5–14. (In Russian)
5. *Klochko V.E.* Samoorganizaciya v psikhologicheskikh sistemah: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyj analiz). Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2005. (In Russian)
6. *Kol'cova V.A.* Gumanitarnoe znanie: istoriya i perspektivy razvitiya. *Psikhologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya*. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 37–71. (In Russian)
7. *Lotman Yu.M.* Semiosfera. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. (In Russian)
8. *Ot sravnitel'noj k mezhkul'turnoj filosofii*. Ed. M.T. Stepanyanc. Moscow: Nauka; Vost. lit., 2022. (In Russian)
9. *Patyaeva E.Yu.* Klassicheskoe, neklassicheskoe i postneklassicheskoe znanie v sovremennoj psikhologii. *Psikhologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya*. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 160–194. (In Russian)
10. *Petrenko V.F.* Osnovy psihosemantiki. Saint Petersburg: Piter, 2005. (In Russian)
11. *Plyushch A.N.* Ponimanie identichnosti v kontekste kul'turno-istoricheskoy psikhologii. *Psihologiya*. 2023. № 2. P. 338–354. (In Russian)
12. *Plyushch A.N.* Stanovlenie sub"ekta: ot bessub"ektnosti k metasub"ektnosti. *Voprosy psikhologii*. 2020. № 3. P. 14–26. (In Russian)
13. *Ponomarev Ya.A.* Metodologicheskoe vvedenie v psikhologiyu. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)
14. *Psikhologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya*. Ed. A.L. Zhuravleva, A.V. Yurevicha. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. (In Russian)
15. *Rubinshtejn S.L.* Bytie i soznanie. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1957. (In Russian)
16. *Sergienko E.A.* Psihicheskoe razvitie s pozicij sistemno-sub"ektnogo podhoda. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2021. (In Russian)
17. *Stepin V.S.* Filosofiya nauki. Obshchie problemy. Moscow: Gardariki, 2006. (In Russian)
18. *Chelovek kak otkrytaya celostnost'*. Eds. L.P. Kiyashchenko, T.A. Sidorov. Novosibirsk: Akademizdat, 2022. (In Russian)
19. *Fuko M.* Prostranstvo, znanie i vlast'. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu*. Moscow: Praxis, 2006. P. 215–236. (In Russian)
20. *Yanchuk V.A.* Sociokul'turno-interdeterministskaya dialogicheskaya perspektiva pozicionirovaniya v psikhologicheskome mnogoobrazii. *Psikhologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya*. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 385–409. (In Russian)
21. *Yachin S.E.* Sostoyanie metakul'tury. Vladivostok: Dal'nauka, 2010. (In Russian)

ДИСКУССИЯ

УДК 159.9.019

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА: ЕДИН ЛИ ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ? (ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ)

© 2023 г. Е. А. Сергиенко

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

E-mail: elenas13@mail.ru

Поступила 02.09.2023

Аннотация. Статья посвящена анализу понятия внутреннего мира человека, который позиционируется как возможный единый предмет психологии. Сравниваются понятия внутреннего мира и субъекта в контексте современных понятий. Аргументируется, что внутренний мир представляет собой скорее интегративное понятие, отражающее современные тенденции к общим моделям. Рассматривается вопрос о возможном выделении единого предмета психологии и создании единой методологии. Анализируются возможности реализации основных принципов и задач интегративно-коммуникативного подхода. Показано, что, постулируя единый предмет психологии — внутренний мир человека, его архитектуру (три уровня — индивида, субъекта деятельности, личности), решения кардинальных проблем психологии (соотношения биологического и социального, психофизиологическая проблема) не находят своего непротиворечивого ответа. Представляется, что понятие внутреннего мира человека, как и субъекта, — это отображение тенденции развития современных понятий к все более интегративным, спрессованным в системно-сетевую организацию, имплицитно содержащим множество других понятийных конструкторов. Приводятся различные точки зрения на данный вопрос и демонстрируется невозможность сведения всего многообразия подходов и теорий к единой методологии. Это не означает, что только интегративные понятия должны стать единым предметом психологической науки. Эволюционные изменения, происходящие как в разработке современных понятий, так и в развитии научных школ и подходов, свидетельствуют о существенной динамике, происходящей в нашей науке, стремлении к диалогу и пониманию. Залогом развития науки является скорее многообразие и разнообразие предметов, методов, подходов, предполагающее общую заинтересованность в обмене мнениями и поиске научных критериев знаний. Это создает общий ландшафт развития науки и в “дерево”, и в “куст”, становясь движущей силой развития науки. Данная работа поднимает дискуссионные вопросы, приглашая к обсуждению и диалогу.

Ключевые слова: методология психологии, внутренний мир человека, предмет психологии, интегративно-коммуникативный подход, субъект, личность, неоднородность реальности, неоднородность внутреннего мира, интегративные понятия.

DOI: 10.31857/S020595920029080-4

Идея данной работы возникла при анализе проблемы предмета психологии, который остается дискуссионным, несмотря на значительную историю развития психологической науки. Так, В.А. Мазиллов [11; 13] настаивает, что путь к научной психологии лежит через создание *интегративно-коммуникативной* общей теории психического, общей психологической методологии.

Несмотря на тенденции к интегративным установкам современной психологии, С.Д. Смирнов [26] выделяет четыре возможных *позиции*: методологический нигилизм, методологический ригоризм

или монизм, методологический либерализм и методологический плюрализм. Автор данной классификации отстаивает методологический плюрализм как проявление полипарадигмальности, что означает признание своеобразия “оптик” изучения психического. При этом попытки наведения мостов между теориями, школами и подходами излишни. Однако необходимо признание ими друг друга. Позиция методологического либерализма, сформулированная А.В. Юревичем [30], представляется В.А. Мазиллову наиболее конструктивной, так как “интеграция психологического знания представляет собой одну из важнейших стратегических задач,

стоящих перед психологической наукой в начале XXI столетия” [11, с. 432].

В.А. Мазиллов предлагает создание собственно психологической методологии, которая способствовала бы интеграции психологии. Она включает в себя три группы задач:

“1. Когнитивной (познавательной) методологии, описывающей принципы и стратегии исследования психического.

2. Коммуникативной методологии, обеспечивающей соотнесение различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии.

3. Методологии психологической практики (практико-ориентированной методологии)” [11, с. 438].

Воплощение этих сложных задач, по мнению автора, позволит преодолеть “горизонтальный разрыв” между теориями и школами, “вертикальный разрыв” в типах объяснений (психологических, физиологических и социологических), порождающих параллелизмы и даже редукционизм и “диагональный разрыв” между теорией и практикой психологии [30].

В.А. Мазиллов предлагает пути интеграции психологии на основе коммуникативной методологии, цель которой состоит “в разработке теоретической модели, обеспечивающей соотнесение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания” [11, с. 453]. Основными магистральными линиями сравнения выступают сопоставление предмета, метода и предтеории (базовых категорий) в различных теориях и подходах. Автор также отмечает, что в психологической науке наблюдаются интегративные тенденции (стихийная и целенаправленная). Стихийная интеграция происходит по мере развития науки (ее можно назвать также эволюционной), тогда как целенаправленная предполагает постановку задачи интеграции научным сообществом в виде обобщающих теорий, подходов, создания новых общетеоретических построений, разработку методологических принципов и т.п. Целенаправленная интеграция прежде всего отражает усилия научного сообщества к поиску общих путей развития науки.

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА: ЗА И ПРОТИВ

В работе В.А. Мазилова [13] подробно аргументируется выделение понятия внутреннего мира как *предмета психологии*. Обобщая работы Л.С. Выгот-

ского, Э.Г. Юдина, В.П. Зинченко, он показывает путь перехода науки от анализа элементов психики к ее анализу по единицам. «В истории психологии в качестве единиц анализа психики выступали ощущения, представления, идеи (ассоцианизм); структурные отношения между фигурой и фоном (гештальтпсихология); реакция или рефлекс (соответственно, реактология и рефлексология); поведенческий акт (бихевиоризм). В необихевиоризме, в частности, проблема единиц анализа рассматривалась в качестве центральной Э. Толменом, работы которого оказали большое влияние на современную когнитивную психологию. Он дополнил схему “стимул — реакция” системой промежуточных переменных, организованных в квазипространственные когнитивные карты. В западноевропейской психологии проблему единиц анализа особенно обстоятельно обсуждал Ж. Пиаже, который в качестве таковой выделил обратимые операции, рассматриваемые в контексте более широких операторных структур, высшей из которых является интеллект» (цит. по: [13, с. 51]). Выделяя требования к единицам психики, сформулированные В.П. Зинченко, в сопоставлении с критериями, сформулированными Э.Г. Юдиным, автор приходит к выводу, что “на нынешнем уровне развития психологической науки адекватные целостному предмету единицы вряд ли могут быть сконструированы. Дело в том, что по большому счету мы пока не постигли сущности психического” [13, с. 53]. Следовательно, если в науке нет ясного представления о психике, или, как автор пишет, о душе, то нельзя заменять изучение целостного предмета на его единицы, поскольку реализовать требования к выделению единиц психики в настоящее время невозможно. “Этого не произойдет, если мы будем понимать под предметом науки психологии целостность, то есть совокупный предмет. Это создает принципиальную возможность идти не от элементов или единиц, а именно от целого” [13, с. 54]. В.А. Мазиллов считает, что таким целостным образованием становится внутренний мир человека. Понятие внутреннего мира человека было предложено В.Д. Шадриковым [27; 28] и далее разрабатывалось в работах В.Д. Шадрикова и В.А. Мазилова [29].

Описывая *основные положения* предлагаемого подхода к изучению внутреннего мира человека, можно выделить несколько основных позиций.

1. Внутренний мир человека имеет свою архитектуру (не просто строение, а гармонизирующее соединение частей в единое целое), которая фактически объединяет все уже имеющиеся феномены и процессы, обнаруженные в общей

психологии, но с позиций их взаимосвязанности и взаимообусловленности единым интегративным понятием.

2. “В настоящем подходе способности рассматриваются как центральное организующее понятие, позволяющее органично связать психические процессы (понимаемые как способности) с личностными чертами, мотивацией и формами активности” [12, с. 55].

Сравним данное положение с представлениями В.Д. Шадрикова. “Формирующийся в процессе жизнедеятельности, в действиях и поступках, представленный на разных языках, внутренний мир по своей структуре должен отражать архитектуру функциональной системы деятельности. Каждая новая деятельность и поступок содержательно обогащают эту структуру. Одновременно на основе поступившей информации идет реструктуризация внутри каждого компонента функциональной системы человека (индивид, субъект деятельности, личность). Системообразующими факторами в этих процессах, как мы уже отмечали, выступают мотивации и переживания” [27, с. 65]. То есть внутренний мир человека *детерминирован деятельностью*, имеет свое нарастающее нейрофункциональное обеспечение, а системообразующими факторами выступают *мотивация и переживания*, развивая способности человека как ядро внутреннего мира.

3. Подчеркнем, что внутренний мир человека имеет свою структуру и уровневое строение: уровень индивида, субъекта деятельности, личности.

4. Выделены *законы функционирования внутреннего мира*: вероятностный характер, непредсказуемость воздействий (неустойчивая система): незначительные события могут вызвать значительные изменения, и наоборот; самоорганизация и необратимость состояний внутреннего мира (нельзя вернуться в прошлые состояния и быть в будущем) [28].

Подводя итог краткой аргументации центрального понятия *интегративно-коммуникативного подхода* — внутреннего мира человека, В.А. Мазиллов считает, что новое удовлетворительное решение получает психофизиологическая проблема, поскольку функционирование внутреннего мира обеспечивается работой соответствующей функциональной системы; снимается конфликт между конкурирующими принципами отражения и конструктивизма, поскольку во внутреннем мире разграничиваются сферы их действия; удовлетворительно решается биосоциальная проблема обусловленности внутреннего мира человека, поскольку

способности — центральное системообразующее понятие — рассматриваются на трех уровнях: уровне природных способностей, уровне субъекта деятельности и личностном уровне, что позволяет четко развести влияние указанных факторов; внутренний мир рассматривается как имеющий онтологический статус, поэтому психология получает статус фундаментальной науки, изучающей реально существующие явления [12, с. 55].

Относительно решения психофизиологической проблемы совершенно недостаточно указания на то, что функционирование внутреннего мира обеспечивается соответствующими функциональными системами. Во-первых, какими функциональными системами? А если внутренний мир формируется на основе способностей человека (когнитивных, эмоциональных, волевых, психомоторных), то они представляют собой очень разнообразные и гетерохронно развивающиеся системы, представленные индивидуально. Во-вторых, приведем мнение А.Д. Ноздрачева и Ю.В. Щербатых, которые в большом обзоре показали, что “на настоящее время в науке отсутствуют убедительные гипотезы, объясняющие, как объективно регистрируемые мозговые процессы порождают субъективную психику, лишенную атрибутов материальности” [18, с. 155]. Кроме того, опираясь на работы школы Е.Н. Соколова, А.Г. Асмолова, Е.Д. Шехтер и А.М. Черноризов заключают, что исследования этой школы продемонстрировали “не только взаимосвязанность психических и нейрональных процессов, но и одновременно их несводимость друг к другу” [3, с. 100], поскольку представляют разные уровни в сферической модели субъективного различения стимулов. Как считает К. Мак-Гинн [31], *сознание и мозг* — два берега реки, мосты через которую пока не наведены. Безусловно, данная проблема предполагает более развернутую аргументацию, но здесь нам бы хотелось подчеркнуть, что простое решение психофизиологической и психофизиологической проблемы отсутствует, следовательно, предложенное решение этой проблемы В.А. Мазилловым через интегративно-коммуникативную методологию, в которой внутренний мир человека становится единым предметом, снимающим эту проблему, нельзя признать удовлетворительным.

Утверждение А.В. Мазилова о том, что биосоциальная проблема также находит свое решение, поскольку обусловленность внутреннего мира человека способностями рассматривается на трех уровнях (уровне природных способностей, уровне субъекта деятельности и личностном уровне), в свою очередь, позволяет развести влияние биологических

и социальных факторов [12]. Автор противопоставляет биологическое и социальное, тогда как эти факторы представляют континуум на всем протяжении развития человека от плода до смерти. Как утверждал Р. Левонтин [10], наша биология делает нас свободными, в том смысле, что в нашей психике пересекается множество составляющих, образованных человеческой природой во взаимосвязях с миром. По остроумному замечанию Д. Хейбба, роль генома и среды в формировании сложных поведенческих адаптаций оценить столь же трудно, как решить вопрос о том, от чего больше зависит площадь — от длины или ширины. Более того, в содержательной статье И.А. Мироненко и А.Л. Журавлева [15], в дискуссии на которую выступал и В.А. Мазилев [12], приводятся разные подходы к решению данной проблемы. В том числе подчеркивается важность человеческой биологии: “Известный британский социолог Н. Роуз пишет, что гуманитарным наукам сегодня необходимо пересмотреть их отношение к биологии, поскольку успешное развитие последней в XXI в. открыло возможность видеть в биологическом не фактор ограничения и фатальной предопределенности, но и ресурс возможностей и потенциал развития” [15, с. 94]. Авторы подчеркивают значение ответственного отношения к своей биологии в быстро меняющейся глобальной культуре, построению природоохранительной психологии *Homo sapiens* [16]. Особую актуальность данное суждение приобретает в связи с развитием и экспансией искусственного интеллекта и его воздействием на развитие природных возможностей человека.

Мы неоднократно подчеркивали тесную взаимосвязь биологического, социального, культурного на всех уровнях человеческого развития (например, Сергиенко, [21; 24]), следовательно, выделяя три уровня: уровень природных способностей, уровень субъекта деятельности и личностный уровень, мы не можем разделить эти два фактора.

ЕДИН ЛИ ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ?

Приведем мнение С.Д. Смирнова, высказанное им относительно работы В.Д. Шадрикова, обосновавшего предмет психологии как внутренний мир человека. «Но как тогда быть с животными или младенцами? И с какого возраста у ребенка появляется “внутренняя жизнь”, каков критерий?.. С моей точки зрения, основной, исходной и, безусловно, всеобщей функцией психики является построение модели (субъективного образа) будущего и подчинение поведения живого существа этому еще не наступившему будущему... представляется,

что совокупность процессов построения образа мира и его функционирования в качестве регулятора внешнего поведения и внутренней жизни живого существа и составляет самое широкое понимание объекта психологии» [26, с. 7–8]. Однако, как указывает В.Д. Шадриков: «В формирующемся субъективном образе внешний мир раскрывается как “мир для меня” (вещь в себе становится вещью для меня). Предметы внешнего мира связываются с переживаниями и наделяются личностными смыслами. Субъективный образ объективного мира, его формирование включаются в процесс жизни человека, обеспечивают эту жизнь, являются ее частью. И происходит это без обязательного осознания явлений психики (хотя на определенном этапе они начинают осознаваться). Нас гораздо в большей мере интересует не сам субъективный образ, а его включенность во внутренний мир человека» [27, с. 10]. Сравнивая два этих утверждения, нетрудно увидеть, что образ мира и субъективный образ обоих авторов комплементарны. Однако отрыв внутреннего мира человека и субъективного мира от истории его становления (фило- и онтогенеза) не позволяет объединить эволюционные и динамические процессы их развития в едином предмете психологии, существенно его обедняя и отрывая от истории происхождения самого субъективного образа мира.

При обосновании системно-субъектного подхода, в который входит эволюционно-системный подход, мы предположили, что понятие субъекта может выступать как интегрирующее понятие, вбирая в себя генетические, средовые, социальные и культурные воздействия, порождающие психическое при активности взаимодействий самого субъекта. При этом уровень развития психического (субъективный образ мира) отражает ту экологическую нишу и те необходимые адаптации, которые соответствуют уровню эволюционного развития. *Субъект как носитель психического* строит свой образ мира, необходимый для целей и задач данного вида. Переходя к человеческому онтогенезу, мы предположили непрерывность развития субъектности от простейших его форм — протоуровней: выделения себя из среды как отдельного индивидуума и взаимодействия с другим человеком как необходимым звеном психического развития. Более того, возможно предположить, что прото-протоуровни развития субъекта происходят еще на пренатальной стадии развития ребенка, его активность и возможности обучения на это указывают. Но, как мы пытались показать, непрерывность развития субъекта опирается на всю историю психического становления в эволюции [21; 24].

Второе основное положение о внутреннем мире утверждает, что внутренний мир человека *детерминирован деятельностью, а системообразующими факторами* выступают мотивация и переживания, развивая способности человека как ядро внутреннего мира. Такой детерминизм указывает на отсутствие возможностей всякого выбора у субъекта, который и есть его основной признак. Обращаясь многократно к пониманию развития как мультидетерминированного процесса с неразрывностью связей между биологическим, социокультурным, поведенческим и психологическим уровнями, следует указать, что активность действительно определяет всякое развитие, но она обусловлена взаимодействием всех указанных направляющих и всегда целенаправлена (на внутренние или внешние задачи, осознанно или неосознанно) (см. подробнее: [21]). Кроме того, любая деятельность опосредована внутренними условиями, т.е. развитием субъекта и личности любой деятельности и активности. Рассматривая мотивацию и переживание, стоит задать вопрос: а вне субъекта как они существуют? Представление их как системообразующих факторов, по моему мнению, серьезно ограничивает понимание разных уровней развития субъектности в фило- и онтогенезе. Говоря об архитектонике внутреннего мира человека, авторы выделяют уровни индивида, субъекта деятельности и личности. Такое выделение имеет сходство с классификацией Б.Г. Ананьева [2], при этом недостает главного компонента, интегрирующего предыдущие, — *индивидуальности*. Однако представляется, что на любом уровне развития субъекта он максимально индивидуален, только с различным наполнением данного понятия. У младенца это его характерные особенности поведения и темперамента, предпочтения окружения, у взрослого — смысловые образования, жизненные выборы и предпочтения, направленность жизни. Архитектура субъективного мира складывается индивидуально специфично и шаг за шагом, отражая генетические, социокультурные условия.

Выделенные В.Д. Шадриковым *законы функционирования внутреннего мира*: вероятностный характер, непредсказуемость воздействий (неустойчивая система), самоорганизация и необратимость состояний внутреннего мира, — представляются общими для психического развития, которые анализировались нами в книге «Принцип развития в современной психологии» [19]. Они характеризуют не только внутренний мир, но и все психическое развитие человека, указывая на отсутствие жесткой детерминации, что вступает в противоречие с утверждением о том, что внутренний мир детерминирован деятельностью.

В монографии В.Д. Шадрикова [28] представлены общие проблемы возникновения и развития внутреннего мира человека. Раскрываются его структура и функции, дается периодизация формирования. Выдвигается положение о том, что внутренний мир человека — особого рода потребностно-эмоционально-информационная субстанция, которую можно рассматривать как человеческую душу. Анализируются мотивация, эмоции, чувства и воля, показывается их место в структуре внутренней жизни человека. Излагаются вопросы формирования личностных качеств, проблема сознательного и бессознательного во внутренней жизни и поведении. Однако само изложение характеристик внутреннего мира через описание отдельных психических процессов (восприятия, эмоций, мышления, воли и т.п.) не дает нам действительно целостного понимания, каким образом они представлены во внутреннем мире человека.

“Если мы принимаем полипарадигмальный характер психологии, то различные понимания ее предмета не только не являются препятствием для ее успешного развития, но и неизбежны, поскольку отражают наличие разных исследовательских задач, разных средств и организационных форм исследовательской или практической деятельности в разных психологических школах и подходах. Более того, разнообразие трактовок предмета науки является непрямым условием ее развития, поскольку за ними стоят различные методологические основания, различные теории и практики” [26, с. 6]. Далее С.Д. Смирнов подвергает сомнению возможность существования единой научной методологии, подобно той, которая директивно следовала марксистско-ленинской методологии. “Однако современные концепции природы и сущности научного знания (постнеклассическая наука, по В.С. Степину) оставляют все меньше надежд на то, что построение такой теории в принципе возможно” [26, с. 6]. Автор как сторонник методологического плюрализма считает, что, в принципе, невозможно построение единой психологической теории за счет связывания различных предметов анализа. “Поскольку каждая теория конституирует свой предмет и метод исследования, построение единой теории психического предполагало бы создание универсального метода исследования психической реальности. При подобной постановке вопроса перспективы появления теории такого рода даже в отдаленной перспективе представляются нереальными” [26, с. 7].

Хотелось бы обратить внимание на мнение Т.В. Зеленковой [7], которая видит взаимодополняющий смысл в разных отношениях к процессу

интеграции науки: плюрализм необходим для накопления знаний и расширения научного поля, либерализм предполагает обнаружение связей между подходами как узлами сетевой организации науки, нигилизм направлен на выявление и удаление слабых связей, а монизм — на усиление и укрепление позиций. Данная точка зрения принципиально совпадает с мнением автора статьи. Но, кроме того, она подчеркивает, что только разнообразие подходов в психологии становится залогом ее развития, накопления знаний и эволюции теорий. Но для этого необходимы постоянный диалог между научными школами, взаимоуважение и в широком смысле «оппонентный круг» заинтересованных участников. В большей степени это и есть моральный вызов научному сообществу — перейти от узкокорпоративных интересов к общенаучным. Попытка такого диалога сделана в коллективной монографии «Научные подходы в современной отечественной психологии» [17]. Вводная глава данной монографии получила название «Современные подходы в отечественной психологии: единство в многообразии», подчеркивающее, что условия развития науки лежат не столько в поиске единого предмета психологии, сколько в диалоге между разнообразными ее школами. Так и в главе, написанной А.Г. Асмоловым, Е.Д. Шехтер, А.М. Черноризовым, в самом заглавии: «Историко-эволюционная оптика познания Homo complexus: приглашение к диалогу», подчеркивается эта идея. Авторы пишут, цитируя С.Д. Смирнова, что «в последующем сосуществование разных подходов к пониманию человека как незавершенного проекта эволюции будет признано одной из важных черт познавательной ситуации, свидетельствующей о конструктивной роли противоречий и парадоксов научного познания» (цит. по: [3, с. 100]). Они напоминают, что и Л.С. Выготский придерживался идеи методологического разнообразия. Здесь нельзя не обратить внимание на то, что и Б.Ф. Ломов указывал на необходимость избегать лобовых столкновений подходов, концепций и методов. Метафоры развития науки в «ствол» (А.Н. Леонтьев) или «куст» (Б.Ф. Ломов) кажутся только на первый взгляд противоречивыми. Развитие «в ствол» означает углубление научного подхода, теории, развитие «в куст» — это многообразие, создающее единый ландшафт научного знания. «Действительно, развитие познания «не только в ствол, но и в куст» является, по-видимому, универсальной особенностью науки XXI столетия. Оно характеризует и психологию, и биологию, и физику» [3, с. 100].

Попытки выделения единого предмета психологии скорее отражают тенденцию к обобщающим и интегративным понятиям, которые в большей

степени характеризуют современное состояние науки [20]. Были выделены черты современных понятий. Первая отличительная черта современных понятий — их интегративный и междисциплинарный характер. Вторая состоит в изменении содержания самого понятия, т.е. отражает не только расширение его использования в тематическом поле, но и изменение собственно содержания понятия. Третье отличие современных понятий состоит в ином типе структурной организации. Это уже не отдельные понятия типа Образа, Мотива, Действия и т.п., а *сплав в интегрированные понятийные образования*, в которых имплицитно представлены многие базовые психологические конструкты, которые трудно уже эксплицировать как единичные. Еще одна характеристика современных понятий — их субъективность. При этом субъектность понятий выступает в двух смыслах: как разработчика и творца понятийного анализа, со своим пристрастным отношением и оптикой анализа психологических феноменов, выбором методологических подходов и их пересечений, так и субъективной избирательности и интерпретации понятийного поля психологии. Несмотря на высокую субъективность понятийного анализа, следует указать на обращение к понятию субъекта (индивидуального и коллективного) [4; 5]. Кроме того, была предложена и обоснована гипотеза о системно-сетевой организации современных понятий [6]. Все это указывает, что понятие внутреннего мира отвечает скорее признакам современных понятий в психологии.

ЕДИН ЛИ ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА?

Говоря о внутреннем мире как центральном понятии в интегративно-коммуникативном подходе, хотелось бы обсудить вопрос об архитектуре данного образования. Выделяя уровни внутреннего мира человека (индивида, субъекта деятельности, личности), авторы не раскрывают своеобразие соотношений представленности субъекта и личности человека. В рамках системно-субъектного подхода сделана попытка дифференцировать данные понятия и показать, что именно они наиболее специфичны для психологии. Науки о человеке чрезвычайно обширны и фактически включают в себя большой круг человеческой организации (от морфологии, биологии, медицины до философских аспектов человекознания). Понятия субъекта и личности, хотя и обсуждаются в рамках философии, но в большей степени изучаются в психологической науке, когда С.Л. Рубинштейн, помимо

гносеологического основания субъекта, ввел онтологическое. На наш взгляд, носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, в решении задач — субъект. Субъект — это всегда индивидуальная организация психики. Индивидуальность человека не возникает вдруг, а формируется шаг за шагом, опираясь на его генетико-средовую уникальность — индивидуальный фенотип и средовой опыт, уникальность его психической организации. Эта индивидуальность предполагает наличие определенных ресурсов, способностей индивида: его интеллектуального потенциала (способности предвосхищать события, извлекать и упорядочивать ментальный опыт, планировать решение и моделировать исполнение, способности к когнитивной гибкости, сравнению предполагаемого и реального результата), эмоциональности (интенсивности эмоций, эмоциональной лабильности, активности, способности к сопереживанию, пониманию эмоций своих и другого), способности к произвольной организации действий, волевых усилий. Подробнее о соотношении субъекта и личности, их неразрывной взаимосвязанности и взаимообусловленности представлено в работах автора [23; 24].

Если сравнивать понимание внутреннего мира человека В.Д. Шадриковым и В.А. Мазилковым с пониманием субъекта и личности в системно-субъектном подходе, то в работах автора внутренний мир человека относится к содержательной стороне личности, тогда как реализация целей и задач активности и деятельности — к субъекту. Представление о психических ресурсах человека в системно-субъектном подходе адресовано *субъекту как носителю психического* и также связано со способностями. Выделение функций субъекта и личности (когнитивной, регулятивной и коммуникативной, по Б.Ф. Ломову) позволяет операционализировать их изучение в конкретно-психологических исследованиях. А выделение специфических структур субъекта и личности (индивидуальные ресурсы-способности и Я-концепция) позволяют ввести различие в организацию данных структур.

Отстаивая идею непрерывности развития двух ипостасей человека — субъекта и личности, автор пыталась показать их эволюцию в онтогенезе и тесную взаимосвязь, гетерогенность и гетерохронность их развития [24].

Выделяя в качестве когнитивной функции субъекта понимание, была сформулирована гипотеза о модели психического как его ментальном механизме и показана разноуровневость его развития в жизненном цикле человека [22].

Новый этап современного развития психологии субъекта связан с увеличением сложности проблемы понимания: различение трех реальностей мира человека (эмпирической, социокультурной и экзистенциальной) и обоснование причины различий и особенностей их понимания [8; 9]. Как отмечает И.А. МIRONENKO, психическое субъективно по своей природе, но неоднородно [14]. Мир наших душевных явлений имеет сложное строение. При этом В.В. Знаков вносит существенный вклад в расширение понятия субъекта путем анализа его внутреннего мира, членя его на реальности не как отдельные элементы, а как составляющие интегративную картину мира. Значение субъектно-аналитического подхода состоит прежде всего в том, что он ориентирован на выявление типов реальности и специфики понимания их субъектом путем аналитико-синтетического метода — на вычленение психологических характеристик разных типов понимания.

Данные представления указывают на сложное строение внутреннего мира субъекта, его неоднородность.

Само обращение к внутреннему миру человека — его субъективному образу мира, с его смыслами, переживаниями — безусловно, важно для психологии. Однако возникает несколько вопросов: может ли данное понятие быть единым предметом психологии и является ли внутренний мир атрибутом человека, субъекта или личности? Единым предметом психологии внутренний мир быть вряд ли может в силу самых разных научных подходов и оптик исследования. К.А. Абульханова [1] считает, что предметом психологии должен быть субъект. Но тогда как быть с категорией личности? Если понимать субъектность как высшую стадию личностного развития (как это представлено в работах Абульхановой), то это ограничивает область психологии существенным образом как в возрастном, так и онтологических аспектах. Если же понимать непрерывность развития как субъектности, так и личности, то субъективный мир может изучаться как соотношение двух этих реципрокных ипостасей, содержательно относящихся к личности и субъекту, реализующему индивидуальные психологические ресурсы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Краткое сравнение понятия “внутренний мир человека” и понятия субъекта в соотношении с личностной организацией указывает на ряд проблемных моментов в понимании субъективного образа мира (физического и социального), что

многократно обсуждалась представителями разных школ психологии. Более того, само понятие внутреннего мира в большей степени обращено к содержательной стороне личности с ее установками, ценностями, смыслами, жизненными ориентациями. В психологии понятие “внутренний мир” разрабатывалось Б.Г. Ананьевым [2]. Он считал, что внутренний мир личности наряду с ее интраиндивидуальной структурой и организацией личностных свойств определяется многообразием связей личности с обществом в целом, различными социальными группами и институтами. Однако В.Д. Шадриков и В.А. Мазиллов придают этому понятию всеобщий характер, который может рассматриваться как единый предмет психологии. Синонимами термина “внутренний мир человека” являются не только душа, душевный мир, внутренние переживания, внутренние состояния, внутренняя реальность, ценности, но и состояние внутреннего покоя и умиротворенности и даже внутренние органы человека [25]. Следовательно, диапазон толкований данного термина чрезвычайно широк, включая и широчайший круг психических явлений и состояний. В таком случае, говоря о внутреннем мире человека как возможном едином предмете психологии, мы рискуем попасть в ситуацию неопределенности: что же мы будем изучать — духовные способности, экзистенциальные проблемы личности, субъективность восприятия и понимания, какую реальность будем анализировать — когнитивную, социокультурную или экзистенциальную?

Представляется, что понятие внутреннего мира человека, как и субъекта, — это отражение тенденции развития современных понятий к их все более интегративным, спрессованным в системно-сетевую организацию, имплицитно содержащим множество других понятийных конструкторов [20]. Это не означает, что только эти понятия должны стать единым предметом психологической науки. Эволюционные изменения, происходящие как в разработке современных понятий, так и в развитии научных школ и подходов, свидетельствуют о существенной динамике, происходящей в нашей науке, стремлении к диалогу и пониманию, что залогом развития науки является скорее многообразие и разнообразие предметов, методов, подходов, предполагающее общую заинтересованность в обмене мнениями и поиске научных критериев знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова К.А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–22.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
3. *Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М.* Историко-эволюционная оптика познания Homo complexus: приглашение к диалогу // Научные подходы в современной отечественной психологии / А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко и др.; отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. С. 99–116.
4. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Анализ современных понятий в психологии. Часть I: Опыт систематизации понятий // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 5–15.
5. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Анализ современных понятий в психологии. Часть II: Разработка современных понятий учеными института психологии РАН // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 5–15.
6. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–14.
7. *Зеленкова Т.В.* Эволюция сетевого подхода в психологии: от плюрализма к со-творению знаний. Гл. 13 // Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. С. 360–377.
8. *Знаков В.В.* Психология понимания многомерного мира человека // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2016. Вып. 1. С. 47–57.
9. *Знаков В.В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017.
10. *Левонтин Р.* Человеческая индивидуальность: наследственность и среда. М.: Прогресс, 1993.
11. *Мазиллов В.А.* Интеграция научного знания в психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”. 2007. С. 427–458.
12. *Мазиллов В.А.* Биосоциальная проблема в контексте методологии психологической науки // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 122–130.
13. *Мазиллов В.А.* Предмет психологии: принцип целостности и анализ “по единицам” // Высшее образование сегодня. 2020. № 2. С. 48–56.
14. *Мироненко И.А.* О методологическом разнообразии психологического знания // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021. С. 28–45.
15. *Мироненко И.А., Журавлев А.Л.* Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической

- науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 87–98.
16. МIRONENKO И.А., ЖУРАВЛЕВ А.Л. Биосоциальная проблема в условиях становления глобальной психологии // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления / Отв. ред. Н.В. Борисова, М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. С. 185–193.
 17. Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023.
 18. НОЗДРАЧЕВ А.Д., ЩЕРБАТЫХ Ю.В. Физиология и психология — диалектика взаимодействия при решении психофизиологической проблемы // Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова. 2021. Т. 107. № 2. С. 154–176.
 19. Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 31–61.
 20. Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”. 2018.
 21. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”. 2006.
 22. Сергиенко Е.А., Уланова А.Ю., Лебедева Е.И. Модель психического: динамика и структура. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020.
 23. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
 24. Сергиенко Е.А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”. 2021.
 25. Синонимы русского языка. URL: <https://sinonim.org/s/> (дата обращения: 31.08.2023)
 26. Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Вопросы психологии. 2005. № 4. С. 3–8.
 27. Шадриков В.Д. О предмете психологии (мир внутренней жизни человека) // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 1. С. 5–19.
 28. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М.: Университетская книга: Логос, 2006.
 29. Шадриков В.Д., Мазилев В.А. О психофизическом принципе (предмет психологии) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 15–24.
 30. Юревич А.В. Интеграция психологии: утопия или реальность? // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 16–28.
 31. McGinn C. Can We Solve the Mind-Body Problem? The Nature of Consciousness: Philosophical Debates. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997. P. 529–542.

THE INNER WORLD OF MAN: IS THE SUBJECT OF PSYCHOLOGY THE UNIFIED (INVITATION TO DISCUSSION)

E. A. Sergienko

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
ScD (Psychology), Professor, Chief Researcher.
E-mail: elenas13@mail.ru*

Received 02.09.2023

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept of the inner world of a person, which is positioned as a possible unified subject of psychology. The concepts of the inner world and the subjectivity are compared in the context of modern concepts. It is argued that the inner world is rather an integrative concept that reflects current trends towards general models. The issue of possible allocation of a unified subject of psychology and the creation of a universal methodology is considered. The possibilities of implementing the basic principles and tasks of the integrative-communicative approach are considered. It is shown that postulating a unified subject of psychology — the inner world of a person, his architectonics (three levels: individual, subject of activity, personality), the cardinal problems of the relationship between biological and social, the psychophysiological problem, do not find their consistent solution. It seems that the concept of the inner world of a person, as well as a subject, is a reflection of the trend in the development of modern concepts towards more and

more integrative ones, compressed into a system-network organization, implicitly containing many other conceptual constructs. Various points of view on this issue are given and the impossibility of reducing the whole variety of approaches and theories to a unified methodology is demonstrated. This does not mean that only integrative concepts should become a unified subject of psychological science. The evolutionary changes taking place both in the development of modern concepts and in the development of scientific schools and approaches testify to the significant dynamics taking place in our science, the desire for dialogue and understanding, that the key to the development of science is rather the diversity and diversity of subjects, methods, approaches, assuming a common interest in the exchange of opinions and the search for scientific criteria of knowledge. This creates a general landscape for the development of science both in the “tree” and in the “bush”, becoming the driving force behind the development of science. This work raises controversial issues, inviting to their discussion and dialogue.

Keywords: psychology methodology, human inner world, subject of psychology, integrative-communicative approach, subject, personality, heterogeneity of reality, heterogeneity of the inner world, integrative concepts

REFERENCES

1. *Abul'xanova K.A.* Princip sub''ekta v otechestvennoj psixologii. *Psixologiya. Zhurnal Vy'sshej shkoly' e'konomiki*. 2005. V. 2. № 4. P. 3–22. (In Russian)
2. *Anan'ev B.G.* Chelovek kak predmet poznaniya. Saint Petersburg: Piter, 2001. (In Russian)
3. *Asmolov A.G., Shexter E.D., Chernorizov A.M.* Istoriko-e'volucionnaya optika poznaniya Homo complexus: pri-glashenie k dialogu. Nauchny'e podxody' v sovremennoj otechestvennoj psixologii. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko i dr.; eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilen-skaya. Moscow: Izd-vo “Institut psixologii RAN”. 2023. P. 99–116. (In Russian)
4. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Analiz sovremenny'x ponyatij v psixologii. Chast' I: Opy't sistemizatsii ponyatij. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2021. V. 42. № 3. P. 5–15. (In Russian)
5. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Analiz sovremenny'x ponyatij v psixologii. Chast' II: Razrabotka sovremenny'x ponyatij ucheny'mi instituta psixologii RAN. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2021. V. 42. № 4. P. 5–15. (In Russian)
6. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Sistemno-setevaya organizatsiya sovremenny'x ponyatij psixologii (na primere razrabotok sotrudnikov Instituta psixologii RAN). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2022. V. 43. № 3. P. 5–14. (In Russian)
7. *Zelenkova T.V.* E'voluciya setevogo podxoda v psixologii: ot plyuralizma k so-tvorenuyu znaniy. Gl. 13. Nauchny'e podxody' v sovremennoj otechestvennoj psixologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilen-skaya. Moscow: Izd-vo “Institut psixologii RAN”, 2023. P. 360–377. (In Russian)
8. *Znakov V.V.* Psixologiya ponimaniya mnogomernogo mira cheloveka. *Vestnik SPbGU*. V. 16. 2016. № 1. P. 47–57. (In Russian)
9. *Znakov V.V.* Psixologiya ponimaniya mira cheloveka. M.: Izd-vo “Institut psixologii RAN”. 2017. (In Russian)
10. *Levontin R.* Chelovecheskaya individual'nost': nasledstvennost' i sreda. Moscow: Progress. 1993. (In Russian)
11. *Mazilov V.A.* Integratsiya nauchnogo znaniya v psixologii. Teoriya i metodologiya psixologii: Postneklassicheskaya perspektiva. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo “Institut psixologii RAN”, 2007. P. 427–458. (In Russian)
12. *Mazilov V.A.* Biosocial'naya problema v kontekste metodologii psixologicheskoy nauki. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2020. V. 41. № 3. P. 122–130. (In Russian)
13. *Mazilov V.A.* Predmet psixologii: princip celostnosti i analiz “po edinicam”. Vy'sshee obrazovanie segodnya. 2020. № 2. P. 48–56. (In Russian)
14. *Mironenko I.A.* O metodologicheskoy raznoobrazii psixologicheskogo znaniya. *Psixologicheskoe znanie: vidy', istochniki, puti postroyeniya*. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo “Institut psixologii RAN”, 2021. P. 28–45. (In Russian)
15. *Mironenko I.A., Zhuravlev A.L.* Biosocial'naya problema v kontekste global'noy psixologicheskoy nauki: ob universal'ny'x xarakteristikax cheloveka. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2019. V. 40. № 6. P. 87–98. (In Russian)
16. *Mironenko I.A., Zhuravlev A.L.* Biosocial'naya problema v usloviyax stanovleniya global'noy psixologii. Individual'noe, nacional'noe i global'noe v soznanii sovremennogo cheloveka: novy'e idei, problemy', nauchny'e napravleniya. Eds. N.V. Borisova, M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo “Institut psixologii RAN”, 2020. P. 185–193. (In Russian)
17. Nauchny'e podxody' v sovremennoj otechestvennoj psixologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilen-skaya. Moscow: Izd-vo “Institut psixologii RAN”, 2023. (In Russian)
18. *Nozdrachev A.D., Shherbaty'x Yu.V.* Fiziologiya i psixologiya — dialektika vzaimodeystviya pri reshenii psixofiziologicheskoy problemy'. *Rossiyskij fiziologicheskij zhurnal im. I.M. Sechenova*. 2021. V. 107. № 2. P. 154–176. (In Russian)
19. Princip razvitiya v sovremennoj psixologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo “Institut psixologii RAN”, 2016. P. 31–61. (In Russian)

20. Razrabotka ponyatij sovremennoj psixologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 2018. (In Russian)
21. Sergienko E.A. Rannee kognitivnoe razvitie: novy'j vzglyad. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 2006. (In Russian)
22. *Sergienko E.A., Ulanova A.Yu., Lebedeva E.I.* Model' psixicheskogo: dinamika i struktura. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 2020. (In Russian)
23. *Sergienko E.A.* Sistemno-sub'ektny'j podxod: obosnovanie i perspektiva. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2011. V. 32. № 1. P. 120–132. (In Russian)
24. *Sergienko E.A.* Psixicheskoe razvitie s pozicij sistemno-sub'ektnogo podxoda. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 2021. (In Russian)
25. Sinonimy' russkogo yazy'ka. URL: <https://sinonim.org/s/> (date of access: 31.08.2023) (In Russian)
26. *Smirnov S.D.* Metodologicheskij plyuralizm i predmet psixologii. *Voprosy psikhologii*. 2005. № 4. P. 3–8. (In Russian)
27. *Shadrikov V.D.* O predmete psixologii (mir vnutrennej zhizni cheloveka). *Psixologiya. Zhurnal vy'sshej shkoly' e'konomiki*. 2004. V. 1. № 1. P. 5–19.
28. *Shadrikov V.D.* Mir vnutrennej zhizni cheloveka. Moscow: Universitetskaya kniga, Logos, 2006. (In Russian).
29. *Shadrikov V.D., Mazilov V.A.* O psixofizicheskom principe (predmet psixologii). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2022. V. 43. № 3. P. 15–24. (In Russian).
30. *Yurevich A.V.* Integraciya psixologii: utopiya ili real'nost'? *Voprosy psikhologii*. 2005. № 3. P. 16–28. (In Russian).
31. *McGinn C.* Can We Solve the Mind-Body Problem? The Nature of Consciousness: Philosophical Debates. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997. P. 529–542.

УДК 159.9:061.2/3

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. В. БРУШЛИНСКОГО И 300-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, “ЧЕЛОВЕК, СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ”**

© 2023 г. Г. А. Виленская

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии
развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях.

E-mail: VilenskayaGA@ipran.ru

Поступила 15.11.2023

Аннотация. 12–14 октября 2023 г. в Институте психологии РАН (Москва) состоялась Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения А.В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук. На конференции было сделано более 150 докладов по 15 направлениям работы, а также 8 пленарных докладов, в которых авторы проследили связи между идеями А.В. Брушлинского и самыми современными разработками и подходами в психологии. По итогам конференции был выпущен электронный сборник материалов конференции. Конференция показала, что психологическая наука в стране активно развивается, стремится отвечать на запросы общества и быть на уровне современной мировой науки.

Ключевые слова: конференция, психология субъекта, современные исследования в психологии, перспективы психологических исследований, А.В. Брушлинский, Институт психологии РАН.

DOI: 10.31857/S020595920029016-3

Всероссийская научная конференция “Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований”, посвященная 90-летию со дня рождения А.В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, прошла 12–14 октября 2023 г. в Институте психологии РАН.

Конференция вызвала большой интерес, была прислана 331 заявка, принято к печати 300 работ. Обширна география конференции: помимо традиционных центров психологических исследований Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Костромы, Перми, Ярославля, принимали участие коллеги из Архангельска, Иванова, Йошкар-Олы, Ставрополя, Тюмени, Ханты-Мансийска, Якутска и других городов. Участвовали также коллеги из Беларуси и Армении. Активное участие принимала научная молодежь — среди первых авторов работ 46 студентов и аспирантов. К началу работы конференции вышел электронный сборник материалов.

Пленарное заседание 12 октября открылось приветственным словом директора Института психо-

логии РАН, академика РАН Д.В. Ушакова. В своем выступлении он подчеркнул, что А.В. Брушлинский был не только замечательным ученым, но и выдающимся организатором науки, который смог сохранить и провести Институт через бурные времена 90-х и начала 2000-х годов.

В приветственном слове президент РПО, академик РАН Ю.П. Зинченко говорил о нацеленности А.В. Брушлинского на разработку фундаментальных проблем, о постоянном взаимодействии научных школ Института психологии и факультета психологии МГУ, в котором активное участие принимал А.В. Брушлинский, о его роли в сохранении и развитии отечественной психологии. Он также поздравил Институт от имени РПО и Психологического института РАО.

Далее состоялся ряд пленарных докладов. Д.В. Ушаков проследил связь между работами А.В. Брушлинского, в которых разрабатывалась проблема недизъюнктивности психики, и современными работами, развивающими технологии

искусственного интеллекта. Доклад профессора Е.А. Сергиенко был посвящен понятию субъекта и его месту в современной понятийной системе психологии, где оно как бы “стягивает” другие психологические понятия, приобретая статус методологического принципа. Член-корреспондент РАО В.И. Панов рассмотрел проблему понятия “субъектность” и становления субъектности с точки зрения экопсихологии и проследил развитие различных форм бытия психики при взаимодействии человека и среды. Новый подход к изучению мышления — возможностное мышление, основанное на принципе “мыслить иначе”, включающее процессы прогнозирования, но не сводящееся к ним, был представлен в докладе профессора В.В. Знакова. В докладе И.Ю. Владимирова подчеркивалась эвристичность идеи А.В. Брушлинского о немгновенном инсайте и его механизмах в соотношении с современными исследованиями. Доклад профессора С.Н. Костроминой был посвящен процессуальному подходу в психологии личности, его связи с идеями С.Л. Рубинштейна, Л.И. Анцыферовой, А.В. Брушлинского, обосновано его отличие от структурного и динамического подходов, представлены методологические следствия. Тему изучения личности продолжил доклад профессора Н.В. Гришиной, в котором был предложен принцип контекстуальности при описании и изучении феноменологии личности, подчеркнут контекстуальный характер личностного целеполагания. Завершилось пленарное заседание выступлением профессора З.И. Рябикиной, посвященным анализу бытия личности в контексте психологии субъекта А.В. Брушлинского, истории изучения и научных дискуссий о субъекте как новом векторе развития психологии.

Далее работа конференции проходила по 15 направлениям, в рамках которых было сделано 155 докладов (123 очных, 32 — онлайн).

На секции “*История психологии и историческая психология в контексте проблем современного общества*” (руководители — И.А. Мироненко, В.И. Белопольский) рассматривались результаты различных видов анализа применительно к истории психологии и исторической психологии. Доклады были посвящены таким темам, как: библиометрический анализ публикационной активности и его возможности; взаимодействие исторической, социальной, политической психологии, психологии личности и духовно-нравственной сферы в рамках “метапсихологии”; категория исторического времени в психологии. Некоторые доклады рассматривали конкретные исторические периоды — например, становление психологии в Германии

и США в 1930–1940-е годы, и научное творчество конкретных ученых — научно-исследовательскую и научно-организационную деятельность Г.И. Челпанова в Московском психологическом обществе. Дискуссия была направлена на вопросы, связанные с влиянием различных факторов на массовое сознание, признаками коллективного субъекта в профессиональных сообществах, определением исторической личности и др.

Работа секции “*Методологические проблемы психологии и истории психологии*” (руководители — А.В. Юревич, А.В. Карпов) проходила на двух очных и одном онлайн-заседании. В докладах были проанализированы современные парадигмальные тенденции в науке, был предложен структурно-динамический подход в изучении экономической социализации личности, сопоставлялись системный и деятельностный подходы в социально-психологических исследованиях, была раскрыта возможность получения нового знания в психологии путем анализа научных дискуссий. Рассматривалось также применение методологических принципов и концепций в психологической практике: принципа междисциплинарности для формирования междисциплинарного мышления у учащихся, концепции проблемного обучения в преподавании психологии. Несколько докладов было посвящено анализу различных психологических категорий — потенциалу человека, воспринимаемому качеству стимула в психофизических исследованиях, изучению сознания применительно к разработке искусственного интеллекта, понятию единицы психического с позиций культурно-исторической и экзистенциальной психологии. Часть докладов была сосредоточена на проблемах человека как субъекта, на понимании субъектности в психологии, на соотношении естественного и искусственного интеллекта, рассмотрении человека как субъекта виртуальной онтологии, на методологических аспектах влияния цифровизации на когнитивное развитие личности. Отдельный интерес вызвали воспоминания о А.В. Брушлинском, его личности, научных и личных интересах. Был предложен проект по аккумуляции воспоминаний об ученом. Дискуссия, отмеченная большим интересом к методологической проблематике, состояла в обсуждении проблем психологического изучения искусственного интеллекта, применения современных технологий в науке и образовании, соотношения различных методологических подходов в психологии.

Секция “*Психическое развитие человека, субъектогенез*” (руководители — Е.А. Сергиенко, Т.Д. Марцинковская, В.И. Панов) также проходила на двух заседаниях. Доклады участников

охватывали широкий возрастной диапазон и были посвящены самым разным аспектам развития. В нескольких докладах были отражены исследования развития социального познания и понимания Другого: изучение ранних предикторов модели психического, возрастные и половые особенности модели психического в предпубертативном возрасте, связь социального познания и социальной компетентности у подростков. В других докладах анализировалось взаимодействие внешних и внутренних факторов в развитии человека: роль раннего депривационного опыта в психическом развитии ребенка, формирование гендерных структур сознания под воздействием внешних и внутренних условий, субъектность подростков при разных формах самоопределения, факторы, связанные с переживанием субъективного благополучия в группах людей разного пола, возраста, профессий и брачного статуса, исследование субъектных и личностных качеств людей разных профессий, выполненное в системно-субъектной парадигме. Часть докладов рассматривала поздние этапы онтогенеза: изучение факторов удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте, оценка психометрических качеств опросника о стратегиях старения, ментальные ресурсы регуляции поведения на поздних этапах онтогенеза.

Одной из самых больших была секция *“Современные исследования в психологии личности и дифференциальной психологии”* (руководители — Н.В. Гришина, С.Н. Костромина, З.И. Рябикина), также проходившая на двух очных заседаниях (второе заседание называлось *“Современные исследования в психологии личности, дифференциальной психологии и экзистенциальной психологии”*) и онлайн-заседании. Тематика докладов была весьма разнообразна. В нескольких докладах анализировались личностные характеристики — Темная тетрада в связи с моральным выбором и принятием решений, личностные особенности, выступающие предикторами лживости, связи когнитивных стилей, копинг-стратегий и склонности к депрессивным состояниям, рефлексивность работника и ее оценка. В других докладах рассматривались традиционные для психологии личности темы, связанные со смыслообразованием, экзистенциальными ценностями, базисными убеждениями, оценкой субъективных рисков. Несколько выступлений было посвящено анализу различных аспектов Я-аутентичности личности и ее субъектной концепции, представлению о “подлинном Я”, связи самоотношения с содержанием и воплощением возможных Я. Актуальная проблематика эмоционального интеллекта была отражена в докладах о связи эмоционального интеллекта и эмоционального

прогнозирования, соотношении эмпатии с базисными убеждениями человека. “Телесные” аспекты личности также были исследованы участниками секции — в работе о становлении ментальной репрезентации телесности, а также в докладе о динамике отношения к своему телу у девушек, страдающих анорексией. Несколько выступлений было посвящено анализу различного рода представлений. Это были и образ будущего в условиях социальных кризисов, и социальные представления о коррупции у студентов, и позитивное восприятие старения как предиктор качества жизни пожилых людей, и субъективные семантические пространства понятий, связанных с одиночеством. Также на секции были представлены: исследование динамики внутреннего диалога во внешней речи, изучение психофизиологического сопровождения эффекта Струпа, работа об изучении индивидуально-психологических особенностей человека и животных. При обсуждении последнего доклада развернулась дискуссия о правомерности использования понятия “индивидуальность” применительно к животным, об уровнях анализа психики.

В докладах на секции *“Макро- и микросоциальная психология: проблемы и перспективы”* (руководители — Т.В. Дробышева, Т.А. Нестик) поднимались проблемы разработки новой теоретико-методологической модели к исследованию социального познания, нового феномена социально-психологической пресыщенности условиями проживания в мегаполисе. Особый интерес вызвали работы коллег, представивших результаты полномасштабного исследования перехода современной молодежи от незарегистрированных к семейно-брачным отношениям. Прикладные аспекты социально-психологических проблем нашли отражение в докладе, посвященном проектированию социальной среды посредством исторической реконструкции у белорусской молодежи. Участниками секции отмечена перспективность изучения проблемы восприятия барьеров успешной деятельности в разных группах фрилансеров. Подводя итоги работы секции, ее руководители отметили востребованность и перспективность изучения макросоциальных проблем при неизменном сохранении интереса к социально-психологическим проблемам личности.

В ходе работы секции *“Субъект труда и профессиональной деятельности”* (руководители — А.А. Обознов, А.Н. Занковский, А.С. Кузнецова) были заслушаны доклады, касающиеся психологии различных профессий и разных аспектов профессиональной деятельности. Это работы об образе мира профессионала, о представлениях о благополучии у сотрудников полиции, о субъектно-

деятельностном подходе к деятельности спортсмена, о модели интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы. В нескольких докладах были проанализированы функциональные состояния, возникающие в ходе профессиональной деятельности: основные причины роста напряженности при дистанционной работе, когнитивная работоспособность студентов с инвалидностью, профессиональное выгорание и его расширенная теоретическая модель. Были рассмотрены также роль условий деятельности, понятие “психологического контракта”, двухуровневая модель малой группы как субъекта совместной деятельности.

В рамках секции “*Психология творчества и одаренности человека*” (руководители — Д.В. Ушаков, И.Ю. Владимиров, С.Ю. Коровкин) состоялись не только устные, но и постерные доклады. Большинство докладов было связано с тематикой решения проблемных задач, инсайта, переживаний, связанных с поиском решения. В то же время в одном из докладов описывались креативные ресурсы лидерства у менеджеров с разным типом переживаний. Докладчики исследовали ЭЭГ-корреляты инсайтного решения творческих задач, модификации известной задачи “9 точек”, интеллектуально-личностные предпосылки эффективности подсказки. В нескольких докладах изучались различные аспекты успешности решения задачи или отказа от решения, роль исполнительных (управляющих) функций в решении. В частности, обнаружено, что на отказ от задачи влияет субъективная вероятность ее решения, время решения задачи зависит от знака индуцированной эмоции, а исполнительные функции не влияют на преодоление тупика в решении задачи, но их загрузка мешает формированию эффекта серии в вербальных задачах.

Работа секции “*Способности и ментальные ресурсы*” (руководитель — Е.В. Волкова) проходила в рамках двух заседаний. Были сделаны доклады, посвященные разработке и совершенствованию методического аппарата — теста структуры интеллекта (*TSI*) и субтеста для измерения рабочей памяти. В других докладах рассматривалось соотношение различных способностей — понятийных способностей и темперамента, динамика когнитивного стиля “гибкий—ригидный познавательный контроль” у подростков. В части докладов анализировались более глобальные понятия, такие как совладающий интеллект и его сензитивные периоды, рефлексия и ее место в иерархии способностей, эмпатия как ментальный ресурс качества жизни, развитие мудрости, представления о самореализации в разных временах и культурах.

В рамках секции “*Дискурс и его психологическое воздействие на человека*” (руководители — Н.Д. Павлова, А.Н. Воронин, Н.А. Алмаев, Л.В. Матвеева) были представлены доклады, посвященные как эмпирическим исследованиям, так и разработкам более общих подходов. Так, рассматривались социальные функции дискурса, источники повышения его энтропийности и предложен метод автоматической суммаризации вербальных сообщений. Также был представлен подход, направленный на характеристику интенционального пространства дискурса социальных медиа и выявление дискурсивных проявлений интенций пользователей. Были представлены результаты адаптации и апробации Шкалы нарративной транспортировки для оценки психологического состояния зрителей в процессе просмотра кинофильмов. На секции обсуждались результаты эмпирического исследования психологических особенностей людей, имеющих разные позиции в отношении профилактики коронавирусной инфекции, особенности воздействия медиадискурса на психику подростков, организация речи при убеждающем и внушающем воздействии.

Секция “*Жизнеспособность человека, личности, субъекта, общества*” (руководители — А.В. Махнач, А.И. Лактионова, Е.А. Рылская), как и некоторые другие, проходила в двух форматах — очном (на двух заседаниях) и онлайн. Тематика докладов была весьма разнообразна. Жизнеспособность изучалась на разных возрастных этапах, была показана ее специфика в разных возрастах, роль жизнестойкости в адаптации к возрастным изменениям у пожилых людей. Рассматривалась роль субъективного благополучия как регулятора профессиональной деятельности и в связи с объектно-субъектными факторами самооценки внешности. Несколько докладов было посвящено субъектности и целенаправленной субъектной активности как факторам активации ресурсов здоровья. Ресурсной оказалась также и роль позитивного одиночества. Часть докладов была посвящена роли семьи и других институтов социализации в развитии жизнеспособности человека. Рассмотрены современные направления исследований жизнеспособности семьи в России. Было обнаружено, что неопределенность — фактор риска для жизнеспособности семьи, а конфликтность семьи выступает фактором риска для жизнеспособности подростка. Подчеркнута необходимость психологического сопровождения личностного становления подростка, выявлено негативное влияние психоэмоционального состояния ребенка, находящегося в вынужденной эмиграции, на формирование его жизнеспособности. В нескольких докладах были

рассмотрены факторы и условия профессиональной деятельности, связанные с жизнеспособностью, — на материале исследований военнослужащих, педагогов, в том числе работающих с детьми, проходящими длительное лечение в стационаре. Была продемонстрирована значимость изучения психологической жизнеспособности для преодоления социальной дезадаптации у людей с алкогольной зависимостью.

Доклады секции *“Мышление человека в познании, общении и деятельности”* (руководители — М.М. Кашапов, А.Н. Поддьяков) характеризовались широким диапазоном тем, подходов, уровней анализа. Психофизическая проблематика была отражена в докладах о соотношении между временем и правильностью зрительного различения, о разработке программного обеспечения в экологически валидной задаче слежения за звуковыми объектами, об исследовании движений глаз при свободном описании эмоциональных экспрессий. Другие доклады были посвящены ресурсности мышления и восприятия: ресурсности мышления как профилактике эмоционального выгорания, особенностям ресурсного мышления у молодых педагогов, подходу к звуку как к полезному ресурсу при слуховом восприятии информации. Активную дискуссию вызвал доклад об эмоциональном интеллекте у созависимых мужчин. Часть сообщений носила методологический характер, как доклад об объяснении как способе освоения методологического знания и доклад о недизъюнктивности в подходах А.В. Брушлинского и В.Ю. Крылова и вкладе этих подходов в синтетическую модель интеллекта.

Заседания секции *“Психофизиологические закономерности организации индивидуального и коллективного поведения”* (руководители — Ю.И. Александров, А.М. Черноризов, А.А. Созинов) проходили очно и онлайн. В докладах были представлены разнообразными методами исследования: поведенческий анализ межполушарных взаимодействий при множественных эпизодах засыпания, компьютерная методика чередования простых заданий, изучение индивидуальных стратегий восприятия лицевых экспрессий при помощи айтрекинга, сравнение спектральных характеристик ЭЭГ в группах с различной успешностью обучения компьютерной игре, анализ паттернов активности мозга при внутреннем проговаривании фонем и слогов, модель невизуальных движений глаз при выполнении когнитивных задач в кратковременной памяти. Были также представлены новые данные об особенностях узнавания зловещих лиц. Исследовались и более общие вопросы: недизъюнктивность и холистичность мышления в незападной культуре,

универсальная топология описания активности популяций специализированных нейронов. Все доклады вызвали живой интерес слушателей и множество вопросов, свидетельствуя об актуальности представленных направлений исследований.

Секция *“Современные исследования психологии стресса и совладания”* (руководители — Н.Е. Харламенкова, Т.Л. Крюкова, Ю.В. Быховец) проходила в рамках двух очных заседаний и онлайн-заседания. В нескольких докладах говорилось о переживаниях в связи со стрессом: роль экзистенциальной тревоги в переживании посттравматического стресса, последствия переживания оскорбления, переживание невидимой угрозы. Другие доклады анализировали стресс в межличностных отношениях: отчуждение в близких отношениях как форма избегающего копинга, родительские убеждения в контексте родительского стресса, взаимосвязь ранних дезадаптивных схем взаимодействия со стрессом у детей в условиях длительной госпитализации, представления взрослых о стилях и способах совладания со стрессом у детей и подростков. Способы совладания со стрессом также не остались без внимания — один из докладов рассматривал юмор в структуре психологического благополучия. Несколько докладов носили методический и методологический характер. В них были описаны компьютерное моделирование типологии восприятия трудных жизненных ситуаций, критерии трудности жизненных ситуаций на основе экспертных оценок, наконец роль идей системности и процессуальности в психологии личности и в исследованиях посттравматического стресса.

На секции *“Регуляция и саморегуляция человека”* (руководители — А.О. Прохоров, Г.А. Виленская) часть докладов была посвящена развитию саморегуляции в онтогенезе в школьном и юношеском возрасте. В них были представлены результаты применения новых математических методов при анализе индивидуальных траекторий развития саморегуляции в средней школе, связь волевых качеств с саморегуляцией у старших подростков, гендерные различия в контроле поведения и социальной компетентности младших школьников, программа подготовки психолога как фактор развития саморегуляции. Также в фокусе внимания докладчиков были различные аспекты саморегуляции. В этом качестве выступали ситуационные детерминанты регуляции психических состояний, эмоциональная регуляция как ресурс субъекта, личностная самостоятельность/беспомощность как фактор течения болезни у больных колоректальным раком, академическая прокрастинация и ее различная связь с регуляцией поведения у студентов,

получающих первое и последующее высшее образование, агентность в саморегуляции личности и возможное Я как ее проявление. Был описан также практический метод улучшения навыков саморегуляции своего состояния.

Секция “*Психология человека в цифровом пространстве*” (руководители — В.В. Селиванов, Г.У. Солдатова) проходила очно и онлайн. Большинство работ рассматривали различные аспекты поведения человека в цифровом пространстве и в социальных сетях. Изучались типы и мотивы просоциального поведения и его причины в социальных сетях и реальной жизни подростков, связь самооценки и просоциального поведения онлайн, особенности жизненных стремлений подростков в связи с родительскими стратегиями цифровой медиации, склонность к интернет-аддикции и ее связь с копинг-стратегиями. Было проведено обширное исследование маркеров настроения в сетевой коммуникации. Несколько работ было посвящено более широким темам, таким как, например, становление виртуальной идентичности или становление и трансформация современных цифровых субкультур. Доклады вызвали оживленную дискуссию.

Онлайн-секция “*Субъект: его развитие, переживание и регуляция стрессовых состояний*” (руководитель — Н.Е. Харламенкова) объединила доклады из направлений “Психическое развитие человека, субъектогенез”, “Современные исследования психологии стресса и совладания”, “Регуляция

и саморегуляция человека”. Тематика большинства докладов оказалась на пересечении психологии стресса и психологии саморегуляции. Заметная часть докладов была посвящена совладанию со стрессом: исследование ресурсов стрессоустойчивости подростков, типология совладающего поведения личности, преодоление травматического стресса личностью и субъектом, социальный обмен эмоциями как способ обеспечения психологической безопасности личности, профилактика стресса у студентов. Несколько докладов было связано с темой психологии состояний: сравнительный анализ психических состояний студентов разных специальностей, ситуативные особенности ментальной регуляции психических состояний у студентов, использование созерцательных практик в консультировании для регуляции состояний. Большой интерес вызвал доклад о роли тела в построении идентичности у лиц, желающих сменить пол.

Завершилась конференция краткими выступлениями ведущих секций, где они подводили итоги работы направлений, выделяли дискуссионные вопросы и дальнейшие направления исследований. Конференция показала, что психологическая наука в стране активно развивается как в плане фундаментальных работ, методологических исследований, так и в плане практического приложения теоретических разработок, психология стремится отвечать на запросы общества и быть на уровне современной мировой науки.

NATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE DEDICATED TO THE 90th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A. V. BRUSHLINSKY AND THE 300th ANNIVERSARY OF THE FOUNDING OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES “MAN, SUBJECT, PERSONALITY: PERSPECTIVES OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH”

G. A. Vilenskaya

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

*PhD (Psychology), Leading Researcher, Laboratory of Psychology of the Human Development
in Normal and Post-Traumatic States.
E-mail: VilenskayaGA@ipran.ru*

Received 15.11.2023

Abstract. On October 12–14, 2023, the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow) hosted the National scientific conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of A.V. Brushlinsky

and the 300th anniversary of the founding of the Russian Academy of sciences. More than 150 reports on 15 areas of work were made at the conference, as well as 8 plenary reports, the authors of which traced the links between the ideas of A.V. Brushlinsky and current elaborations and approaches in psychology. Following the results of the conference, an electronic collection of conference materials was released. The conference showed that Russian psychological science is actively developing, strives to respond to the demands of society and correspond to modern world science.

Keywords: conference, psychology of the subject, modern research in psychology, prospects of psychological research, A.V. Brushlinsky, Institute of Psychology RAS.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ЛАРИСА ГРИГОРЬЕВНА ДИКЯЯ

8 ноября 2023 г. доктор психологических наук, профессор Лариса Григорьевна Дикая отметила свой 85-летний юбилей. В психологическом сообществе России она является признанным специалистом по проблемам психологии психических и функциональных состояний, непрекращаемым авторитетом во многих областях психологии труда.

В 1968 г. Лариса Григорьевна закончила факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, но свою научную деятельность она начала уже в 1966 г. на кафедре психофизиологии МГУ. Ее преподавателями и наставниками в годы учебы и работы были выдающиеся отечественные ученые: А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник, Е.Ю. Артемьева и др. Продолжая работать на кафедре, Лариса Григорьевна в 1971 г. поступила в очную аспирантуру и в 1975 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию “Зависимость вызванных потенциалов от функционального состояния человека” по специальности “Психофизиология”.

С 1974 г. Лариса Григорьевна начала работу в должности сотрудника лаборатории специальных прикладных исследований Института психологии АН СССР, которую на тот момент возглавлял кандидат медицинских наук В.А. Попов, открывший новые перспективные научные направления в исследовании психических состояний. Начав работу в должности младшего научного сотрудника, Лариса Григорьевна уже в 1986 г. сама возглавила лабораторию психологии труда.

В период с 1976 по 1989 г. совместно с заведующим лабораторией специальных прикладных исследований В.А. Поповым Л.Г. Дикая являлась научным руководителем научно-исследовательских работ “Психологические проблемы управления движущимися объектами” и “Психологические и психофизиологические проблемы деятельности человека при авиационных и космических полетах”. Они проводились совместно на базах Института космической и авиационной медицины, ЦПК им. Ю.А. Гагарина, НПО “Энергия”, Института медико-биологических наук МЗ РСФСР и Академии наук СССР. В результате были получены уникальные данные и разработаны научно-практические рекомендации по подготовке летчиков и космонавтов для Института космической и авиационной медицины, ЦПК им. Ю.А. Гагарина, МАИ, ЦКБМ и др. С 1977 по 1992 г. Лариса Григорьевна Дикая являлась участником многолетних уникальных экспедиционных исследований, моделировавших операторскую деятельность в особых условиях режима непрерывной деятельности. Сбор экспериментальных данных проходил не только в стенах Института психологии АН СССР, но также в экспедиции на морской яхте, переоборудованной в экспериментальную камеру, на Ладожском озере и на Волге, в г. Тбилиси на базе НИИКиЭН.

За годы руководства лабораторией под началом Ларисы Григорьевны были выполнены научные исследования по таким темам, как “Теория и методология психологии трудовой деятельности

в особых и экстремальных условиях”, “Методологические и теоретические принципы инженерной психологии и психологии труда”, “Психологические проблемы повышения надежности и активизации резервов человека в экстремальных условиях деятельности”, “Проблемы формирования психологических механизмов регуляции трудовой деятельности в усложненных и экстремальных условиях” и др.

Продолжая исследования регуляции психических состояний в напряженных и экстремальных условиях деятельности, Л.Г. Дикая в 2002 г. защитила докторскую диссертацию на тему “Психология саморегуляции функционального состояния субъекта в экстремальных условиях деятельности”. В 2003 г. в издательстве “Институт психологии РАН” вышла ее авторская монография “Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход)”, являющаяся одной из наиболее цитируемых монографий сотрудников ИП РАН. В 2005 г. ей было присуждено звание профессора.

Под научным руководством Л.Г. Дикой защищены 1 докторская и 13 кандидатских диссертаций, при этом 10 будущих кандидатов психологических наук окончили аспирантуру Института психологии, из них 4 впоследствии защитили докторские диссертации.

Лариса Григорьевна Дикая неоднократно являлась руководителем научно-исследовательских проектов по актуальным темам психологии труда, получивших поддержку РФФИ, РГНФ.

За годы работы в Институте психологии РАН ею опубликовано более 200 научных статей. В качестве ответственного редактора и соредатора ею выпущены 15 коллективных монографий, среди которых: “Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии” (2015), “Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты” (2016), “Личность профессионала в современном мире” (2013), “Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы” (2007) и др. За свою научную карьеру Лариса Григорьевна являлась официальным оппонентом 22 кандидатских и докторских диссертаций, организовывала и принимала участие в многочисленных российских и международных конференциях.

За время работы в Институте психологии РАН Л.Г. Дикая вела активную преподавательскую

деятельность. Ее стаж педагогической работы в вузах, образовательных учреждениях повышения квалификации составляет восемь лет. Ларисой Григорьевной подготовлен базовый курс лекций “Психология эмоций”, разработана новая учебная программа курса “Эмоциональные состояния персонала” для Московского гуманитарного университета. Эти курсы лекций читались с 1999 по 2007 г. Лариса Григорьевна постоянно осуществляла руководство курсовыми и дипломными работами. Ею выпущено шесть учебно-методических работ. Много лет Лариса Григорьевна являлась членом регионального диссертационного совета при Дальневосточном государственном университете путей сообщения (ДВГУПС). Ее ученики работают в ведущих вузах и исследовательских институтах России: Москвы, Санкт-Петербурга, Хабаровска, Архангельска, Краснодара, Севастополя, Йошкар-Олы, а также Берлина и Ханоя.

За многолетнюю плодотворную работу в Российской академии наук Л.Г. Дикая награждена медалью “За трудовую доблесть”.

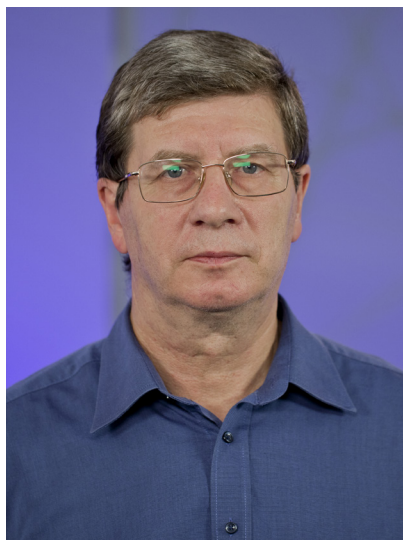
До настоящего времени Лариса Григорьевна является членом редакционных коллегий таких научных журналов, как “Психологический журнал”, “Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке”, “Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда”, членом Российского психологического общества. Для нее по-прежнему интересны научно-исследовательские проекты, выполняемые в ее лаборатории, она легко включается в обсуждение тем и проблем современных исследований, проводимых ее учениками. Продолжением научной жизни Ларисы Григорьевны в Институте психологии РАН является не только ее присутствие в онлайн-режиме на институтских семинарах и конференциях, но и последующее обсуждение докладов, высказывание ценных и очень точных замечаний по сути представленных материалов.

Лариса Григорьевна Дикая — чуткий и неравнодушный человек, с сильной волей, высоким интеллектом и даром убеждения. Ее оптимизм, требовательность, внимание и принципиальность, большой научный опыт, поддержка и такт всегда были и остаются опорой для ее коллег и учеников.

Редакция и редколлегия “Психологического журнала”, все сотрудники Института психологии РАН сердечно поздравляют Ларису Григорьевну с юбилеем, желают ей крепкого здоровья и долгих лет жизни!

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ЮРИЮ ИОСИФОВИЧУ АЛЕКСАНДРОВУ — 75 ЛЕТ

В сентябре 2023 г. исполнилось 75 лет выдающемуся психофизиологу и психологу, академику РАО, доктору психологических наук, профессору Юрию Иосифовичу Александрову.

Как и его учителя, Петр Кузьмич Анохин и Вячеслав Борисович Швырков, Юрий Иосифович начал свой путь в науке с изучения активности мозга животных. Именно нейрофизиологические закономерности научения животных, рассматриваемые с позиций универсального эволюционизма, лежат в основе парадигмы активности, положения которой сформулировал П.К. Анохин в теории функциональных систем, развивал В.Б. Швырков в рамках предложенного им системно-эволюционного подхода и продолжает разрабатывать Юрий Иосифович со своими коллегами по лаборатории в новом направлении психологической науки — системной психофизиологии.

Юрий Иосифович родился в Москве в 1948 г. Видя в юности страдания своего заболевшего родственника, он захотел стать врачом и после окончания школы поступил на лечебный факультет Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова. В этом университете Юрий Иосифович впервые услышал лекции академика Петра Кузьмича Анохина и стал сторонником его теории функциональных систем. Еще будучи студентом, он пришел на кафедру П.К. Анохина, где под руководством его ученика Вячеслава Борисовича Швыркова одним из первых в мире разработал и применил одновременную

регистрацию активности двух нейронов с помощью независимых электродов. После окончания университета в 1972 г. Юрий Иосифович стал работать младшим научным сотрудником в только что образованном Институте психологии АН СССР в лаборатории, которую возглавил профессор Вячеслав Борисович Швырков (ныне лаборатория психофизиологии имени В.Б. Швыркова Института психологии РАН).

В 1976 г. Ю.И. Александров защитил кандидатскую диссертацию на тему “Организация нейронных реакций в соматосенсорной и зрительной областях коры мозга в условном и безусловном оборонительных поведенческих актах”, а в 1986 г. — докторскую диссертацию “Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении”.

В сферу научных интересов Ю.И. Александрова входят системная организация поведения и научения, социальная нейронаука, кросскультурные различия в ментальности и морали. Юрий Иосифович является автором единой концепции сознания и эмоций, в которой сознание и эмоции рассматриваются как характеристики функциональных систем разной степени дифференцированности, образующие полюсы единого континуума.

Результаты научных исследований Ю.И. Александрова опубликованы в более чем 400 работах, среди которых статьи в крупнейших международных журналах, монографии “Психофизиологическое значение активности центральных и перифе-

рических нейронов в поведении”, М.: Наука, 1989; “Системные аспекты психической деятельности” (в соавторстве с Брушлинским А.В., Судаковым К.В., Умрюхиным Е.А.), М.: Эдиториал УРСС, 1999; “Субъективный опыт, культура и социальные представления” (в соавторстве с Александровой Н.Л.), М.: Институт психологии РАН, 2009; “Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: Лингво-психологический словарь” (в соавторстве с Колбеновой М.Г.), М.: Языки славянских культур, 2010; “Регрессия как этап развития” (в соавторстве со Сварник О.Е., Знаменской И.И., Колбеновой М.Г., Арутюновой К.Р., Крыловым А.К., Булавой А.И.), М.: Институт психологии РАН, 2017; “Мораль и субъективный опыт” (в соавторстве с Арутюновой К.Р.), М.: Институт психологии РАН, 2019; “Стабильность и динамика памяти” (в соавторстве с Созиновым А.А.), М.: Институт психологии РАН, 2022, ставшая Лауреатом Национального конкурса “Золотая Психея” в 2022 г.

Большую часть своей жизни юбиляр посвящает обучению молодежи. Он заведует кафедрой психофизиологии на факультете психологии ГАУГН, читает лекции в МГУ им. М.В. Ломоносова и в Высшей школе экономики. Юрий Иосифович Александров является автором оригинальных курсов лекций по психофизиологии (“Системная психофизиология”, “Системная психофизиология нормального и отклоняющегося поведения”, “Психофизиология”, “Новейшие достижения в психологии”, “Systemic cognitive neuroscience”) и ряда методических пособий, ответственным редактором и автором учебника “Основы психофизиологии” (М.: ИНФРА-М, 1997) и пяти изданий учебника “Психофизиология” (СПб.: Питер, 2003–2023) — призера Всероссийского конкурса психологических изданий в номинации “Лучший учебник по психологии” (2006). Юрий Иосифович читал цикл лекций для программы “Академия” на телеканале “Культура”, для проекта “УниверТВ”, а также является частым гостем в просветительских теле- и радиопрограммах. Лекции Ю.И. Александрова одновременно сложны и интересны, наполнены самыми современными данными из разных научных дисциплин. Его лекции дают студентам возможность посмотреть на мир с позиций парадигмы активности, мир, состоящий из сообществ живых существ, достигающих коллективных целей на основе принципа комплементарности.

Под научным руководством Ю.И. Александрова были защищены 9 кандидатских и 1 диссертация PhD, он также выступил консультантом для 2 докторских диссертаций.

Юрий Иосифович активно занимается исследовательской, преподавательской и экспертной деятельностью. Он входит в диссертационные советы при Институте психологии РАН и МГУ им. М.В. Ломоносова, является членом Ученого совета Института психологии РАН, экспертом РНФ, членом редколлегий журналов “Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова”, “Экспериментальная психология”, “Методология и история психологии”, “Российский психологический журнал”, “International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)”, сопредседателем секции психофизиологии Российского психологического общества, был президентом МАКИ (Межрегиональной ассоциации когнитивных исследований).

Юрий Иосифович Александров награжден Сеченовской медалью за выдающийся вклад в развитие мировой физиологии (2009) и Премией Правительства РФ в области образования (2011).

После смерти В.Б. Швыркова в 1994 г. Юрий Иосифович возглавил лабораторию психофизиологии Института психологии РАН и стал ее новым двигателем. Под его руководством лаборатория восемь раз признавалась Ведущей научной школой РФ, неоднократно побеждала в конкурсах РФФИ, РГНФ и РНФ. В 2019–2020 гг. сотрудники лаборатории в рамках совместного проекта с Фондом новых форм развития образования провели серию практико-ориентированных исследований в школах России с целью внедрения результатов фундаментальных исследований процессов познания в современную педагогическую практику. Лаборатория является привлекательной для студентов и аспирантов, заражая их интересом к науке и принимая как родная семья. Юрий Иосифович с коллегами и учениками проводят многочисленные эмпирические исследования феномена регрессии, основанного на системном процессе обратимой дедифференциации и характеризующего состояния стресса, усталости, алкогольного опьянения. В лаборатории разрабатываются новые методы и инструментарий с применением технологии современной электронной компонентной базы. Так, было разработано миниатюрное беспроводное устройство и программное обеспечение к нему, предназначенные для регистрации и записи электрокардиограммы, создан психофизиологический комплекс для работы с людьми с ограниченными возможностями. Разработаны и запатентованы инструментальные решения для обучения животных разным типам поведения. Под руководством Юрия Иосифовича расширяются направления исследований, применяющих методы нейробиологии

с иммуногистохимическим выявлением биомаркеров процессов нейровоспаления, апоптоза, вовлечения нейронов в формирование нового поведения. На основе применения методов транскраниальной ксенотрансплантации клеток в мозг животных исследуются закономерности вовлечения клеток мозга, в том числе их атипичных форм, в формирование нового опыта. Активно изучается ментальность (показатель аналитичности—холистичности) людей, принадлежащих к разным культурам (индивидуалистским и коллективистским) и имеющих разные политические предпочтения. Такое междисциплинарное направление развития лаборатории, возглавляемой Юрием Иосифовичем Александровым, является отражением общей тенденции в современной науке и обеспечивает “экспансию” парадигмы активности в область социологии, культурологии и медицины.

Юрий Иосифович, несмотря на все регалии и вес в научном сообществе, в личном общении остается чутким и внимательным, с уважением относится ко всем людям независимо от их статуса и возраста.

С ним можно поговорить о чем угодно: от современного искусства до воспитания детей. Юрий Иосифович может, как большинство из нас, выстраивать свое поведение и очень просто, и очень сложно. Но отличает его то, что он использует сложность и простоту к месту.

Свои сердечные поздравления Юрию Иосифовичу передают друзья, коллеги, ученики, редколлегия и редакция “Психологического журнала”. Желаем Вам новых творческих успехов, здоровья и сохранения того взаимосодействия, которое сложилось у Вас со всеми окружающими Вас людьми!

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ВЛАДИМИРУ ВЛАДИМИРОВИЧУ СЕЛИВАНОВУ — 60 ЛЕТ

15 августа 2023 г. отметил юбилей Владимир Владимирович Селиванов, заведующий кафедрой общей психологии Института экспериментальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, заведующий кафедрой общей психологии Смоленского государственного университета, доктор психологических наук, профессор, продолжатель научной школы С.Л. Рубинштейна и А.В. Брушлинского в исследовании мышления и субъектной парадигмы, основатель научной школы психологии виртуальной реальности.

В.В. Селиванов — ведущий советский и российский психолог, чья научная деятельность длится долгие годы. Знакомство с членом-корреспондентом РАН А.В. Брушлинским предопределило научный путь молодого ученого, который многие годы связан с деятельностью Института психологии РАН. Его кандидатская диссертация “Взаимосвязь когнитивного стиля и процессуальных характеристик мышления” (1988) и докторская диссертация “Мышление в личностном развитии субъекта” (2001) были защищены в Институте психологии РАН. Под руководством А.В. Брушлинского разработаны стадии субъектного развития в онтогенезе, системное содержание мышления субъекта. Владимиром Владимировичем разработана структурно-функциональная модель интеллекта с включением процессуальных компонентов мышления (совместно с психологами Д.В. Ушаковым и В.Т. Кудрявцевым), описана когнитивно-смысловая структура мышления. Не случайно имя Владимира

Владимировича в научном профессиональном сообществе ассоциируется с исследованием мышления.

В жизни нашего юбиляра большое место занимает научно-организационная деятельность. С 1992 г. — организатор первого на Смоленщине факультета психологии в Смоленском гуманитарном университете (СГУ). С 1993 по 2006 г. — декан этого факультета, заведующий кафедрой общей психологии. За эти годы под его началом было подготовлено свыше 300 психологов высшей квалификации. В.В. Селиванов активизировал взаимодействие смоленских психологов с психологами других регионов, улучшил координацию научно-исследовательских работ в научном сообществе. Владимиру Владимировичу Селиванову удалось привлечь к осуществлению учебно-воспитательного процесса знаменитых отечественных психологов: академика РАН А.Л. Журавлева, членов-корреспондентов РАН — А.В. Брушлинского, В.Ф. Петренко, академика РАО К.А. Абульханову, члена-корреспондента РАО В.И. Панова и других выдающихся психологов. Психологии смолян учило до 12 докторов психологических наук, профессоров в год (это уровень Стокгольмского университета, старейшего в Европе). Владимир Владимирович входил в состав официальных российских делегаций на международных научных конференциях в Париже (Франция, 1993), на 26-м Международном психологическом конгрессе в Монреале (1996) и др., являлся участником совместных

исследований с Домом наук о человеке (Париж), по социальной перцепции с профессором В. Дуазом (Швейцария), с лабораторией психологии личности Института психологии РАН и др.

Особняком стоят исследования влияния VR-контента на психику субъекта. В.В. Селиванов совместно с членом-корреспондентом РАО В.А. Барabanщиковым обосновал онтологию виртуальной реальности, выявив ее специфику. Под их руководством была открыта лаборатория дидактических VR-приложений в образовании при Институте экспериментальной психологии МГППУ, где были созданы новейшие учебные и тренинговые VR-программы под шлемы vive. За небольшой период

(2020–2022) было реализовано госзадание Министерства просвещения РФ (проект “Влияние технологий виртуальной реальности высшего уровня на развитие в юношеском возрасте”), изданы монографии и сборники конференций по виртуальной реальности.

В.В. Селиванов — не только блестящий ученый и организатор научной деятельности. Он образцовый семьянин: верный муж и заботливый отец. От лица научного психологического сообщества хочется пожелать Вам, дорогой Владимир Владимирович, крепкого здоровья, счастья, творческого вдохновения, тепла, неиссякаемой энергии, благополучия и любви окружающих людей!

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В “ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ” В 2023 Г. ТОМ 44

- Александров И.О. См. Сухино-Хоменко Е. А. № 6.
- Александров Ю.И. См. Сухино-Хоменко Е. А. № 6.
- Александров Ю.И. См. Юдаков К.С. № 6.
- Алиев Д.Ф., Каширский Д.В., Уроженко В.В. Большой ориентационный тест: разработка и оценка психометрических свойств. № 6, 61–76.
- Ананьева К.И. См. Демидов А.А. № 3.
- Андрющенко Е.А. См. Щербакова О.В. № 1.
- Апанович В.В. См. Сухино-Хоменко Е. А. № 6.
- Апанович В.В. См. Юдаков К.С. № 6.
- Арамян Э.А. См. Юдаков К.С. № 6.
- Афиногенова В.А. См. Павлова Н.Д. № 1.
- Баранова Э.А. См. Димитриев Д.А. № 5.
- Белопольский В.И., Журавлев А.Л., Костригин А.А. Библиометрический анализ трудов всероссийского научно-практического семинара “Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики” (2009–2021 гг.). № 6, 96–108.
- Белопольский В.И., Костригин А.А., Журавлев А.Л. Годы, люди, книги: научно-издательская деятельность Института психологии РАН (1972–2021). Часть II. Тематические и лингвистические аспекты. № 1, 5–15.
- Блинова Е.Н. См. Щербакова О.В. № 1.
- Бороховский Е.Ф. См. Сидоренков А.В. № 2.
- Валуева Е.А., Григорьев А.А., Лаптева Е.М., Панфилова А.С., Ушаков Д.В. Когнитивная сложность и коммуникативный контекст: отражение интеллекта пользователей в текстах социальных сетей. № 1, 70–80.
- Вершинина Е.А. См. Щемелева О.В. № 2.
- Виленская Г.А. См. Лебедева Е.И. № 1.
- Воробьева А.Е., Шмидт Д.А., Нестик Т.А. Русскоязычная адаптация методики диагностики мотивов пользования сервисами онлайн-знакомств. № 2, 75–88.
- Вязовкина В.К. См. Корниенко Д.С. № 5.
- Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Жизнь и научное творчество В.С. Мерлина. № 1, 91–100.
- Гаркуша С.А. См. Дейнека О.С. № 1.
- Гладилин Д.Л. См. Юдаков К.С. № 6.
- Говоров С.А., Иванова Е.М., Ениколопов С.Н. Репрезентация суицида в суицидальных мемах. № 5, 37–46.
- Гончаров В.И. К проблеме “памяти на движения” (опыт экспериментального исследования). № 5, 5–15.
- Гордеева Т.О., Сычев О.А., Егоров В.А. Диагностика жизненных целей: краткая версия опросника “Индекс стремлений”. № 4, 49–62.
- Горкин А.Г. См. Сухино-Хоменко Е. А. № 6.
- Гребенщикова Т.А. См. Павлова Н.Д. № 1.
- Греченко Т.Н. См. Сухино-Хоменко Е. А. № 6.
- Григорьев А.А. См. Валуева Е.А. № 1.
- Гриценко В.В. См. Муращенкова Н.В. № 3.
- Гриценко В.В. См. Муращенкова Н.В. № 4.
- Гришина Н.В., Костромина С.Н. К проблеме эволюции понятийного аппарата психологии: от прошлого к будущему. № 3, 99–105.
- Грошев И.В., Давыдова Ю.А. Половые/гендерные различия фобий заболеваний. № 2, 50–62.
- Гунделах О.Е. См. Гуриева С.Д. № 2.
- Гуриева С.Д., Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Гунделах О.Е. Гендерное неравенство на работе как фактор карьерной успешности женщин. № 2, 15–27.
- Гуриева С.Д., Свенцицкий А.Л. Социальная психология без границ: пятьдесят пять лет развития и достижений. № 5, 16–24.
- Гусельцева М.С. О разработке понятий в современной российской психологии. № 4, 124–132.
- Давыдова Ю.А. См. Грошев И.В. № 2.
- Дейнека О.С., Максименко А.А., Забелина Е.В., Гаркуша С.А. Результаты адаптации короткой версии методики выраженности киберхондрии на российской выборке. № 1, 101–112.
- Демидов А.А., Ананьева К.И. Динамика межличностных оценок при различной включенности в коммуникативную ситуацию. № 3, 18–25.
- Димитриев Д.А., Баранова Э.А., Индейкина О.С., Шугаева Н.Ю. Шкала чувствительности к шуму: психометрические характеристики русскоязычной версии. № 5, 56–65.
- Дорфман Л.Я. См. Вяткин Б.А. № 1.
- Дробышева Т.В. Развитие научной проблематики в Лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН: историко-психологическое исследование. № 3, 61–70.
- Егоров В.А. См. Гордеева Т.О. № 4.
- Емелин Г.Д., Ениколопов С.Н. Апробация модифицированной шкалы враждебности на российской выборке. № 4, 63–71.
- Ениколопов С.Н. См. Говоров С.А. № 5.
- Ениколопов С.Н. См. Емелин Г.Д. № 4.
- Ефременкова М.Н. См. Муращенкова Н.В. № 3.
- Ефременкова М.Н. См. Муращенкова Н.В. № 4.
- Журавлев А.Л. См. Белопольский В.И. № 1.
- Журавлев А.Л. См. Белопольский В.И. № 6.
- Журавлев А.Л. См. Почебут Л.Г. № 2.

- Журавлев А.Л., Китова Д.А.** Образ Петра I в обыденном сознании россиян. № 2, 105–115.
- Журавлев А.Л., Китова Д.А.** Экономический менталитет россиян в контексте психолого-исторического анализа. № 5, 25–36.
- Журавлев А.Л., Костригин А.А.** Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению психологии нравственности в 2002–2021 гг. Часть I. Библиометрический анализ. № 3, 71–82.
- Журавлев А.Л., Костригин А.А.** Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению психологии нравственности в 2002–2021 гг. Часть II. Наукометрический анализ. № 4, 94–103.
- Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А., Федоров А.А.** Библиометрический анализ трехтомного труда “Разработка понятий современной психологии” (2018–2021 гг.), № 1, 113–126.
- Забелина Е.В.** См. Дейнека О.С. № 1.
- Зеленкова Т.В.** К проблеме создания системно-сетевого психологического тезауруса в контексте метамодерна. № 6, 109–113.
- Иванова Е.М.** См. Говоров С.А. № 5.
- Индейкина О.С.** См. Димитриев Д.А. № 5.
- Кадыров Р.В.** См. Эльзессер А.С. № 3.
- Казанцева Т.В.** См. Гуриева С.Д. № 2.
- Калугин А.Ю.** См. Вяткин Б.А. № 1.
- Капустина Т.В.** См. Эльзессер А.С. № 3.
- Касьянов Е.Д., Кибитов А.О., Мазо Г.Э.** Особенности темперамента и характера в семьях с рекуррентным депрессивным и биполярным аффективным расстройствами. № 2, 40–49.
- Каширский Д.В.** См. Алиев Д.Ф. № 6.
- Каширский Д.В.** См. Сабельникова Н.В. № 1.
- Каширский Д.В.** См. Сабельникова Н.В. № 2.
- Кибитов А.О.** См. Касьянов Е.Д. № 2.
- Китова Д.А.** См. Журавлев А.Л. № 2.
- Китова Д.А.** См. Журавлев А.Л. № 5.
- Корниенко Д.С., Вязовкина В.К., Неврюев А.Н.** “Светлая триада”: адаптация и психометрические показатели. № 5, 66–75.
- Корнилова Т.В.** Проблема соотношения понятий в системно-сетевом подходе к психологическому знанию. № 2, 128–131.
- Корнилова Т.В.** Черты эмоционального интеллекта (по TEIQue) как предикторы стилевой регуляции принятия решений. № 4, 72–82.
- Костригин А.А.** См. Белопольский В.И. № 1.
- Костригин А.А.** См. Белопольский В.И. № 6.
- Костригин А.А.** См. Журавлев А.Л. № 3.
- Костригин А.А.** См. Журавлев А.Л. № 4.
- Костромина С.Н.** См. Гришина Н.В. № 3.
- Кубрак Т.А., Старостина А.А.** Апробация русскоязычной версии шкалы нарративной транспортировки (Transportation Scale, TS). № 4, 83–93.
- Кучина А.Ю.** См. Чиркина Т.А. № 5.
- Лабунская В.А.** Стили привязанности в близких отношениях и их влияние на отношение к внешнему облику. № 3, 26–35.
- Лаптева Е.М.** См. Валуева Е.А. № 1.
- Лебедев В.С.** См. Щемелева О.В. № 2.
- Лебедева Е.И., Виленская Г.А., Уланова А.Ю., Филиппу О.Ю., Павлова Н.С.** Социальная компетентность у подростков с разным уровнем развития модели психического. № 1, 43–54.
- Лопухова О.Г., Панов В.И.** Взаимодействия “человек — лошадь” в ипповенции: экопсихологический подход к развитию психики. № 4, 27–37.
- Люсин Д.В.** См. Сучкова Е.А. № 6.
- Мазиллов В.А.** Великий психолог: К.Д. Ушинский как методолог психологии. № 2, 116–127.
- Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н.** Проблема понятийного пространства современной психологии. № 3, 93–98.
- Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н., Ушаков Д.В., Шадриков В.Д.** Проблемы исследований способностей в новейшей российской психологии: в поисках новой теории. № 4, 5–14.
- Мазо Г.Э.** См. Касьянов Е.Д. № 2.
- Максименко А.А.** См. Дейнека О.С. № 1.
- Марарица Л.В.** См. Гуриева С.Д. № 2.
- Марцинковская Т.Д.** Новые методологические подходы современной психологии в цифровом обществе. № 2, 132–136.
- Мирошник К.Г.** См. Щербакова О.В. № 1.
- Муравьева С.В.** См. Щемелева О.В. № 2.
- Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Ефременкова М.Н.** Связь ценностей и планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран. Часть I. Введение в проблему. № 3, 49–60.
- Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Ефременкова М.Н.** Связь ценностей и планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран. Часть II. Мультигрупповой анализ. № 4, 38–48.
- Неврюев А.Н.** См. Корниенко Д.С. № 5.
- Нестик Т.А.** См. Воробьева А.Е. № 2.
- Нестик Т.А.** Социальный оптимизм россиян в условиях кризиса: результаты лонгитюдного исследования. № 3, 5–17.
- Нефедова А.В.** См. Сабельникова Н.В. № 1.
- Носуленко В.Н.** Борис Федорович Ломов в современных междисциплинарных исследованиях. № 1, 16–29.

- Олейник Ю.Н.** История психологии как сфера профессиональных интересов А.Л. Журавлева (к 75-летию со дня рождения). Часть I. Научометрический анализ публикаций. № 5, 88–102.
- Олейник Ю.Н., Тихонова Э.В.** Состояние и перспективы развития методологии отечественной истории психологии (по материалам семинара “Арзамасские чтения — 5”). № 6, 5–15.
- Павлова Н.Д., Афиногенова В.А., Гребенщикова Т.А.** Дискурс социальных медиа: интенциональный подход. № 1, 81–90.
- Павлова Н.С.** См. Лебедева Е.И. № 1.
- Панов В.И.** См. Лопухова О.Г. № 4.
- Панфилова А.С.** См. Валеева Е.А. № 1.
- Плющ А.Н.** Современные понятия психологии: эволюция понимания логики их организации. № 6, 114–123.
- Поддубный С.Е., Позняков В.П.** Намерения и ожидания мужчин и женщин, партнеров в парах с разным статусом близких отношений. № 4, 15–26.
- Позняков В.П.** См. Поддубный С.Е. № 4.
- Попов Л.М., Устин П.Н.** Сетевой и трансдисциплинарный подходы как возможность расширения понятийного состава психологии. № 1, 127–132.
- Почебут Л.Г., Чикер В.А., Журавлев А.Л.** Развитие организационной социальной психологии в Санкт-Петербургском (Ленинградском) государственном университете. № 2, 5–14.
- Сабельникова Н.В., Каширский Д.В., Нефедова А.В., Эрнст Г.Г.** Привязанность и черты характера как предикторы переживания страхов в студенческом возрасте. № 1, 55–69.
- Сабельникова Н.В., Каширский Д.В., Садовникова Т.Ю.** Русскоязычная версия “Опросника привязанности к родителям и сверстникам” Г. Армсдена и М. Гринберга. № 2, 89–104.
- Садовникова Т.Ю.** См. Сабельникова Н.В. № 2.
- Свенцицкий А.Л.** См. Гуриева С.Д. № 5.
- Семенов И.Н.** Развитие общей и педагогической психологии во взаимодействии с акмеологией обеспечения творческого профессионализма (к 100-летию юбилею Нины Васильевны Кузминой). № 6, 16–25.
- Сергеев С.Ф.** Перспективы сетевого подхода в психологии. № 1, 133–136.
- Сергиенко Е.А.** Внутренний мир человека: един ли предмет психологии? (Приглашение к дискуссии). № 6, 124–134.
- Сергиенко Е.А.** См. Журавлев А.Л. № 1.
- Сидоренков А.В., Бороховский Е.Ф.** Сплоченность, норма продуктивности и эффективность малых производственных групп и неформальных подгрупп. № 2, 28–39.
- Симонян Р.Х.** Российские реформаторы 1990-х гг. (опыт биографического исследования). № 6, 86–95.
- Слепко Ю.Н.** См. Мазиллов В.А. № 3.
- Слепко Ю.Н.** См. Мазиллов В.А. № 4.
- Старостина А.А.** См. Кубрак Т.А. № 4.
- Сунь Я., Цзюй Ю.** В поисках сущности самосознания китайской нации. № 5, 47–55.
- Сушино-Хоменко Е. А., Апанович В.В., Горкин А.Г., Греченко Т.Н., Александров И.О., Яскелайнен И., Александров Ю.И.** Устойчивость показателей аналитической и холистической ментальности при остром введении этанола. № 6, 37–47.
- Сучкова Е.А., Люсин Д.В.** Методы измерения эмоциональной дифференцированности: сравнительный анализ. № 6, 77–85.
- Сычев О.А.** См. Гордеева Т.О. № 4.
- Тихонова Э.В.** См. Олейник Ю.Н. № 6.
- Толочек В.А.** Профессиональное становление субъекта и динамика актуализации условий среды как ресурсов. № 6, 26–36.
- Уланова А.Ю.** См. Лебедева Е.И. № 1.
- Уроженко В.В.** См. Алиев Д.Ф. № 6.
- Устин П.Н.** См. Попов Л.М. № 1.
- Ушаков Д.В.** См. Валеева Е.А. № 1.
- Ушаков Д.В.** См. Мазиллов В.А. № 4.
- Федоров А.А.** См. Журавлев А.Л. № 1.
- Филиппу О.Ю.** См. Лебедева Е.И. № 1.
- Цзюй Ю.** См. Сунь Я. № 5.
- Чикер В.А.** См. Почебут Л.Г. № 2.
- Чиркина Т.А., Чурикова М.А., Кучина А.Ю.** Барьеры при достижении целей: особенности взаимосвязи шкал Grit и нейротизма. № 5, 76–87.
- Чурикова М.А.** См. Чиркина Т.А. № 5.
- Шадриков В.Д.** См. Мазиллов В.А. № 4.
- Шмидт Д.А.** См. Воробьева А.Е. № 2.
- Штыров Ю.Ю.** См. Щербакова О.В. № 1.
- Шугаева Н.Ю.** См. Димитриев Д.А. № 5.
- Щемелева О.В., Муравьева С.В., Лебедев В.С., Вершинина Е.А.** Особенности активности структур головного мозга при шизофрении в процессе категоризации объектов живой и неживой природы. № 2, 63–74.
- Щербакова О.В., Андрищенко Е.А., Мирошник К.Г., Блинова Е.Н., Штыров Ю.Ю.** Проявление эффекта кросс-модального соответствия при индуцированных эмоциональных состояниях. № 1, 30–42.
- Эльзессер А.С., Капустина Т.В., Кадыров Р.В.** Склонность к экстремизму в контексте социально-психологической дезадаптации личности. № 3, 36–48.
- Эрнст Г.Г.** См. Сабельникова Н.В. № 1.
- Юдаков К.С., Апанович В.В., Арамян Э.А., Гладиллин Д.Л., Александров Ю.И.** Отражение формирования навыка

различения коротких интервалов времени в параметрах ССП. № 6, 48–60.

Яскелайнен И. См. Сухино-Хоменко Е. А. № 6.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Агузумця Р.В. Научное наследие профессора О.М. Тутунджяна (к 105-летию со дня рождения). № 5, 103–108.

Журавлев А.Л. См. Карпова Э.Б. № 4.

Исурина Г.Л. См. Карпова Э.Б. № 4.

Карпова Э.Б., Исурина Г.Л., Журавлев А.Л. Прошлое и настоящее творческих достижений В.Н. Мясищева (к 130-летию со дня рождения). № 4, 113–123.

Лабунская В.А., Скрипкина Т.П. О научном творчестве и личности академика РАО А.А. Бодалева (к 100-летию со дня рождения). № 5, 109–115.

Носкова О.Г. Идеология как предмет исследования в творчестве Александра Богданова (к 150-летию со дня рождения). № 4, 104–112.

Семенов И.Н. Методологическая рефлексия жизнедеятельности А.В. Брушлинского и становления субъектно-деятельностной парадигмы современной психологии (к 90-летию юбилею выдающегося ученого). № 3, 83–92.

Скрипкина Т.П. См. Лабунская В.А. № 5.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Виленская Г.А. Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения А.В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук “Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований”. № 6, 135–141.

Зобков А.В. Итоги XII Всероссийской научно-практической конференции “Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы”, посвященной 130-летию со дня рождения В.Н. Мясищева (11–13 июля 2023 г.). № 4, 133–136.

Кожевникова О.В. См. Хотинец В.Ю. № 3.

Константинов В.В. Седьмая международная научно-практическая конференция “Актуальные проблемы исследования массового сознания”. № 3, 110–114.

Хотинец В.Ю., Кожевникова О.В. Трансмиссия культурного опыта и социальных практик в эпоху транзитивности: по итогам Международной научно-практической конференции. № 3, 106–109.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Александру Октябриновичу Прохорову — 75 лет. № 1, 139–140.

Варвара Ильинична Моросанова. № 3, 121–122.

Владимиру Александровичу Пономаренко — 90 лет. № 1, 137–138.

Владимиру Владимировичу Селиванову — 60 лет. № 6, 147–148.

Главному редактору “Психологического журнала” Анатолию Лактионовичу Журавлеву — 75 лет! № 3, 117–118.

Лариса Григорьевна Дикая. № 6, 142–143.

Леониду Михайловичу Попову — 80 лет. № 3, 115–116.

Лидия Владимировна Матвеева. № 3, 119–120.

Нина Васильевна Кузьмина. № 5, 116–117.

Ольга Геннадьевна Носкова. № 5, 118–119.

Юрию Иосифовичу Александрову — 75 лет. № 6, 144–146.

* * *

Владимир Михайлович Русалов. № 1, 141–142.

Донцов Александр Иванович. № 2, 137.

Курек Николай Сергеевич. № 3, 123–124.

Указатель статей, опубликованных в “Психологическом журнале” в 2023 г. Том 44, № 6, 149–152.